

Босаяжи

Черезъ Nature

А. БАХТІАРОВЪ

С.-ПЕТЕРБУРГЪ.

ИЗДАНИЕ

книжнаго склада В. Митюрни

Екатерининская ул., 4.

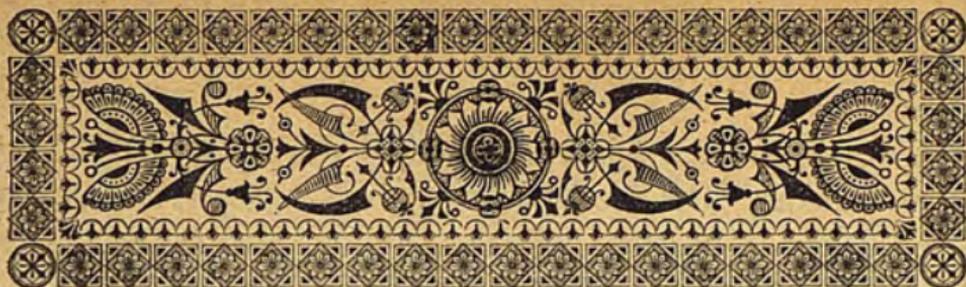
1903.

Угъ книжъ Джамширъ

Видоискъ

*ДОНА
АКАМ*

С. П. Митюрни

Скиталецъ.

I.

- Отче, что носъ повѣсилъ?
- Поневолю повѣсишь, когда некуда головы приклонить.
- Какъ такъ?
- Изъ Старорусскаго монастыря пришелъ на свиданіе съ своимъ братомъ, не пускають!..
- Плохо дѣло!
- Вотъ теперь не знаю, какъ быть?
- Э, не унывай!..
- Разговоръ этотъ происходилъ между двумя босяками—въ трактирѣ «Разбитый горшокъ». Одинъ изъ нихъ, въ монашескомъ одѣяніи, въ клобукѣ, сидѣлъ въ укромномъ мѣстечкѣ, занимая отдѣльный столикъ. Волосы у него были опущены до плечъ, взглядъ мрачный. Другой сидѣлъ поодаль отъ него, волоса взъерошенные, какъ у дикобраза, давно не знаютъ гребенки.

Одежда рваная, растрепанная. Взгляд веселый, неунывающий. Отъ своихъ товарищей по ночлежкѣ онъ получилъ прозвище «Руля» за то, что имѣеть длинный крючковатый носъ.

— Присаживайтесь поближе ко мнѣ!

— Благодарю васъ!

— Вы не смотрите, что я въ монашескомъ одѣяніи, вѣдь это я ношу такъ, по своей волѣ...

— А, понимаю!

— Самозванецъ, значить!

— Зачѣмъ же, отче носишь?

— Видите ли, я гостилъ въ Старорусскомъ монастырѣ, а теперь оттуда ушелъ на свиданіе со своимъ братомъ...

— А кто у тебя, отче, братъ?

— Братъ у меня здѣсь въ Питерѣ— важная персона! Да и не только въ Питерѣ, да и во всей Россіи...

— Вотъ какъ!

— А вы чѣмъ занимаетесь?

— Я? Какъ вамъ сказать!

— Только говорите правду!

— Да, правду.

— Извольте! Я на рукопротяжной фабрикѣ работою.

— На какой?

— На рукопротяжной фабрикѣ!

— Что это за фабрика?

— Ха, ха, ха! Вотъ человѣкъ! Рукопротяжной фабрики не знаетъ!

— Не знаю!

— Ну, скоро, отче, узнаешь! Рукопротяжная фабрика, отче, самая обширная въ Питерѣ! На ней ра-

ботають и мужчины, и женщины, и старики, и даже дѣти, не умѣющія отличить правой руки отъ лѣвой. И работаютъ они съ ранняго утра и до поздней ночи: стоятъ они на улицахъ и выпрашиваютъ у прохожихъ милостыньку Христа ради... Вотъ это и есть рукопротяжная фабрика! Кто протягиваетъ руку за милостыней, тотъ, значить, работаетъ на рукопротяжной фабричѣ...

— Вотъ оно что...

— На этой фабричѣ работаю и я...

— Кто же ей такое названіе далъ?

— А сами работнички—нищія братія! Спроси любого нищаго, отче, чѣмъ онъ занимается, и онъ отвѣтитъ: я на рукопротяжной фабричѣ работаю!

— Охо, хо! Придется, видно, и мнѣ поступить на эту фабрику!..

— Отъ сумы да отъ тюрьмы не отказывайся! говоритъ русская пословица.

— Да, все долженъ человѣкъ испытать въ своей жизни, и доброе, и хорошее!

— Отче, наша фабрика хорошая, не притѣсняють!.. На нее можетъ поступить всякій, кто пожелаетъ...

— И много васъ на ней работаютъ?

— Э, велика нищія братія, отче, въ Петербургѣ. Ступай, посмотри дома Макокина—по тысячѣ человѣкъ въ ночь ночуютъ, а рядомъ ночлежка Пономарева, а на Обводномъ каналѣ—Кобозевская лавра, далѣе Вяземская лавра, потомъ ночлежки общественныя... Многія тысячи нищій братіи околачиваются со дня на день..

— Гдѣ мнѣ ночевать сегодня? Вотъ вопросъ!

— Пойдемъ, отче, я тебя познакомлю съ домами Макокина! Тамъ ночуешь!

— Вшей кормить!

— Ты можешь, отче, взять койку въ дворянской половинѣ...

— Сколько стоитъ?

— Гривенникъ!

— А какъ васъ звать?

— Зовите меня Рулевъ, такъ зовутъ меня въ ночлежкѣ.

— Ну, Рулевъ, пойдѣмъ въ ночлежку.

Стало уже темнѣть, когда странникъ въ монашескомъ одѣяніи вмѣстѣ съ Рулевымъ вошли въ ночлежку Макокина. Смотритель полагалъ, что пришелъ священнослужитель, сказать слово утѣшенія босякамъ.

II.

Ночлежка Макокина, или какъ выражаются босяки, графа Морковкина, открывается въ 7 часовъ вечера. Старинное одноэтажное каменное зданіе вмѣщаетъ въ себѣ до 1,000 человѣкъ ночующихъ.

Изнутри окна завѣшаны красными занавѣсками.

Какъ только начнется впускъ, со всѣхъ сторонъ ползутъ сюда бездомники: и дворяне, и мѣщане, и купеческіе сынки, и прикащики, сорвашіеся съ мѣста, и крестьяне, и посадскіе, и фортовые люди, т. е. мелкіе карманные воришки, и бродяги, и рецидивисты, и разные воровскіе люди. Большинство — безпаспортные. Сыплются въ кассу пяточки. Получаютъ билеты.

— Тебѣ какой?

— Въ пятакъ!

— А тебѣ?

— За гривенникъ!

Идутъ и ложатся: кто на «шхеры», т. е. на нары, кто «подъ шхеры», т. е. подъ нарами.

На шхерахъ ночлегъ стоитъ гривенникъ, а подъ шхерами пятакъ. Разношерстная публика, собравшаяся въ ночлежку, занимается кто во что гораздъ. Кто читаетъ, кто починяетъ одежду, кто грѣется возлѣ камина. Одинъ молодой парень, смазливой наружности, снявъ рубашку, стоитъ возлѣ печки, прислонившись къ ней спиною. Въ проходѣ, между нарами, на полу, виднѣются чьи-то ноги, высовывающіяся изъ подъ наръ.

Надо идти осторожно, чтобы не наступить на чьи-нибудь ноги. Если, паче чаянія, кто-либо изъ проходящихъ по проходу наступить на ноги, то изъ-подъ наръ раздаётся ругань.

— Куда прешь? Аль ослѣпъ!..

-- Извѣстно, куда! На шхеры!..

— Ты иди на шхеры, да гляди.

— Ну, ну, чего орешь!

— У меня, вѣдь, ноги-то не казенныя!..

— Знаю!..

— То-то! Здѣсь мы все равны.

— Вѣстимо! Все—гости графа Морковкина.

Большинство бездомниковъ обмѣнивались новостями дня и главнымъ образомъ—о «стрѣльбѣ»: гдѣ больше подають, гдѣ меньше «пауковъ», т. е. переодѣтыхъ городовыхъ, которые забирають просящихъ милостыню и сажаютъ въ полицейскій участокъ, а потомъ препро-

вождаютъ ихъ въ нищенскій комитетъ, который и высылаетъ ихъ на родину.

— А что, братцы, гдѣ Блоха?

— Блоха? Да я тутъ! Отвѣчаетъ чей-то голосъ въ другомъ концѣ ночлежки.

— А говорить, ты сгорѣлъ! (т. е. попался).

— Ничего не сгорѣлъ!

— Мнѣ Миколка сказываль, что видалъ, какъ «фараонъ» за тобой гнался! (т. е. городской).

— Я винта нарѣзалъ! (т. е. убѣжалъ).

— У тебя есть-ли хоть куклимъ-то? (т. е. фальшивый паспортъ). Слышатся разговоры въ другомъ мѣстѣ.

— Вотъ тебѣ куклимъ!

Я какъ прописался, у меня бирки не было!

— Капустный листъ у него, братцы, въ бумагѣ завернуть!

— Вотъ такъ «глаза», братцы! (т. е. паспортъ).

— Съ капустнымъ листомъ хочеть фигляра надуть (т. е. полицію, которая отъ поры до времени дѣлаетъ въ ночлежкахъ внезапные ночные обходы и спрашиваетъ у всѣхъ бездомниковъ паспорта).

— Я съ капустнымъ листомъ четыре раза уходилъ благополучно изъ облавы...

— Какъ такъ?

— Очень просто! Какъ начнутъ спрашивать паспорта, выстроить въ линію, не лѣзь впередъ, какъ баранъ... Не выходи первый!..

— А какъ же?

— Становись сзади!

— Пропустятъ?

— Вѣстимо! Всѣхъ не замѣтятъ! Некуда дѣтъ нашего брата!..

— Да ты погляди, сколько здѣсь насъ!.. Почитай, что всѣ безпаспортные!..

— Ты слышишь, Гришутка, не проспй четыре часа!.. Пока «пауковъ» нѣтъ, къ заутрени сходимъ... пострѣляемъ!..

— Публику поднакалимъ!..

— А часиковъ въ шесть долги собирать пойдемъ— въ булочныя!..

— Да куда ты, лѣшій, савотѣйки-то дѣваешь (т. е. обрѣзки булокъ, которые босяки собираютъ по утрамъ, обходя всѣ булочныя).

— Эхъ, ты! Дубина стоеросовая! Иди въ городскую столовую, тамъ спулишь (т. е. продашь).

— Покупаютъ?

— Тамъ торгъ бываетъ кусочками! кому на копѣйку, кому на двѣ!..

— Ну, и огарокъ же ты, Митюха!.. Фортовый парень!..

— Да, фортовый! На савотѣйки-то!..

— Ты бочонокъ возьми! Это дѣло! (т. е. часы укради).

Въ другомъ мѣстѣ мелкій карманный ворюшка рассказываетъ про свои похождения товарищамъ, которые со вниманіемъ слушаютъ его.

. Братцы, иду это я по улицѣ и вижу: плетется окосѣвши (т. е. пьяный) франтъ, сапоги въ рантъ, шляпа апплике, носъ въ табакъ... Мы съ Ѳедькой къ нему—попросить милостыню... Ѳедька, какъ парнишка маленькій, подлетѣлъ къ нему, да и говоритъ сладкимъ голосомъ, словно у жабы: «добрѣйшій благодѣтель! хо-

зьяинъ за подметками послалъ, а я деньги потерялъ!.. Спасите, ради Христа, отъ потасовки»!..

— Что-жь? Повѣрилъ?

— Повѣрилъ... Взглянулъ на Оедьку... Ну, извѣстно, Оедька скроилъ плаксивую рожу... Господинъ вынимаетъ шмель (т. е. портмонэ) и даетъ ему двугривенный, а я сзади-то смотрю, куда онъ шмель положить... Получивъ милостыню, Оедька поклонился, да винта нарѣзалъ, а я въ это время шмель-то изъ кармана и выудилъ...

— Ха, ха, ха! засмѣялись карманщики.

— Ловко объегорили!..

— Много-ли въ шмель-то было?

— Да что? Два желтяка, да четыре бѣляка...

— А бѣляки-то какіе?

— Большіе... (т. е. рублевики).

— Ну, и фрукты же вы братцы!..

— Значить, сламъ!..

— Надо sprыснуть!..

— Конечно, сламъ!

— Сламъ, сламъ!..

— Вали, ребята, въ Вяземскую лавру!

— Айда!..

Въ другой комнатѣ разговоръ идетъ иной.

— Гдѣ купилъ желтый бочонокъ (т. е. гдѣ укралъ золотые часы)? спрашиваетъ одинъ карманный воришка у своего товарища.

— Купилъ!..

— У кого?

— Приторговался на Казанской, а купилъ на Вознесенской, и чуть-чуть «фигляръ» не стащилъ въ

съѣстную лавку—лещей поѣсть (т. е. въ сыскное отдѣленіе).

— Ха, ха, ха!.. На бѣднаго Макара шишки валятся!..

— Ну, да вѣдь я не дуракъ! Винта нарѣзалъ...

— Убѣжалъ!..

— Лататы задалъ...

— А гдѣ же бочонокъ?

— Ужъ онъ у Гуды!..

— Заложилъ еврею?..

— Поскорѣ съ рукъ долой!

— За сколько?

Желтякъ большой (т. е. имперіаль).

— Значить сламъ!..

— Отчего-жъ!..

— Ванька! бѣги за монополькой!

— Давай деньги!..

— На!..

Появляется водка, начинается попойка, причемъ друзья обнимаются, цѣлуются.

Занявъ мѣсто на дворянской половинѣ, съ любопытствомъ прислушивался странникъ къ босяцкимъ разговорамъ

— Ну, Рулевъ, ознакомился я съ твоей ночлежкой! Сказалъ онъ вполголоса: Охо, хо! Думалъ-ли я, что мнѣ придется въ такой трущобѣ ночевать... Все долженъ перенести человѣкъ: и доброе, и хорошее!

— Терпи казакъ, атаманомъ будешь!

— Только будешь-ли?

— Отчего-жъ?

— Нѣтъ! Не бывать воронѣ соколомъ!

— Спокойной ночи, отче!..

— Прощай!

Мало-по-малу въ ночлежкѣ слали засыпать. То тамъ, то сямъ, слышалось сперва сопѣніе, которое перешло потомъ въ легкое всхрапываніе; чѣмъ дальше, тѣмъ чаще и чаще раздавалось всхрапываніе, которое перешло наконецъ въ сильное и непрерывное храпѣніе; въ одномъ мѣстѣ начинали, въ другомъ—подхватывали и въ третьемъ—заканчивали. Къ срединѣ ночи сопѣніе, шипѣніе и храпѣніе слилось въ общій гулъ, который наполнялъ собою всю ночлежку.

На другой день, утромъ, странникъ вмѣстѣ съ Рулемъ отправились въ сосѣдную чайную.

— Ну, Рулевъ, я поступаю на рукопротяжную фабрику.

— Что-жь? Воровать—боязно, просить—совѣстно, а стрѣльнуть—отчего не стрѣльнуть!.. Только фараонамъ не попадись, отче!..

— Нѣтъ, я не попадусь! Слушай, ты будешь моимъ слугою... Я тебя пошлю съ письмомъ! У моего брата и у меня есть много хорошихъ знакомыхъ, князей, графовъ, купцовъ... Когда-то всѣ они меня знали... Это было давно... Ну, а теперь я пропащій чаловѣкъ...

— Всѣ мы, отче, отпѣтые люди!..

— Ну, такъ я тебя пошлю съ письмомъ къ графу С. Ф—ръ. Какъ бы бумаги и пера раздобыть?

Трактирный слуга принесъ чернильницу, изъ которой вылетѣлъ цѣлый рой мухъ, достали бумаги—и письмо готово.

— Въ этомъ письмѣ я прошу о вспомошествованіи, ты подашь письмо лично графу.

— Слушаю, отче! А гдѣ онъ живетъ?

— На Сергіевской, домъ №... Ступай съ Богомъ.

Руль исполнилъ свою миссію успѣшно. Онъ лично передалъ письмо графу С. Ф—ръ, который допустилъ его къ себѣ, желая посмотрѣть, какъ на диво, на босяка, пришедшаго изъ ночлежнаго дома. Графъ не мало былъ удивленъ просьбою Т., пожалѣлъ его, что онъ погибаетъ, и вручилъ Рулю пятьдесятъ рублей—для передачи. Да кромѣ того, приказалъ выдать Рулю почти новую тройку—сюртукъ, брюки, пальто, лично для него.

Получивъ деньги, двое пріятелей прожили на нихъ почти цѣлый мѣсяцъ. Но вотъ деньги вышли.

— Ну, а теперь ступай съ письмомъ къ князю Б—ву, на Шпалерную...

Оттуда Руль принесъ двадцать пять рублей и полную экипировку для странника, такъ что онъ скинулъ съ себя монашеское одѣяніе и переоблачился въ штатское платье. Волосы свои онъ спряталъ подъ сюртукомъ.

— А теперь ступай къ купцу N, на Гагаринской набережной!.. Пускай онъ, толстобрюхій, поможетъ теперь мнѣ! Когда-то онъ за честь считалъ бывать у моего брата въ гостяхъ!..

Четыре мѣсяца ходилъ Руль изъ ночлежки съ письмами Т. къ разнымъ бывшимъ его знакомымъ, и вездѣ получалъ болѣе или менѣе значительныя подачки.

На первой недѣлѣ Великаго поста, въ чистый понедѣльникъ, Т—въ, неожиданно для всѣхъ, сказалъ Рулю:

— Ну, Рулевъ, спасибо тебѣ, что послужилъ мнѣ! Вотъ тебѣ десять рублей, а теперь мнѣ ты больше не слуга! Куда я пойду, туда ты не можешь со мной идти! Прощай!..

— Прощай, отче!

— А я со своимъ талантомъ не пропаду!..

И странникъ ушелъ неизвѣстно куда.

III.

Ни на одной улицѣ столицы нѣтъ столько трактировъ и портерныхъ, какъ на Лиговкѣ. Не мудрено поэтому, что Лиговка считается одною изъ самыхъ веселыхъ улицъ Петербурга. На Лиговкѣ, что ни домъ, то извозничій дворъ. Нѣкоторые извозничьи дворы устроены на широкихъ началахъ, въ нихъ содержится по сту и болѣе лошадей, отпускають господамъ «закладки» помѣсячно, а для представителей веселящагося Петербурга имѣются лихія тройки, чтобы прокатиться куда-нибудь на острова. Посрединѣ улицы пролегаетъ бульваръ, со скамейками по сторонамъ, гдѣ прогуливаются «погибшія, но милыя созданія»; здѣсь-же толпами бродять лиговскіе хулиганы и босяки, которые по ночамъ и располагаются на скамейкахъ на ночлегъ.

Падшія женщины безъ церемоніи пристають къ прохожимъ:

— Душка штатскій, дай папироску!

Тамъ и сямъ, по сторонамъ бульвара, стоятъ босяки и «стрѣляютъ», зорко поглядывая, не идетъ-ли городской. Хулиганы съ шумомъ и крикомъ бѣгаютъ по улицѣ съ одного мѣста на другое, преслѣдуя своихъ противниковъ.

Но вотъ на бульварѣ показалась высокая стройная фигура въ священнической рясѣ, камилавкѣ, эпитрахили, съ посохомъ въ рукахъ. Длинные волосы его ниспадаютъ на плечи. Предъ нимъ преклоняются хулиганы и босяки, и охотно его слушаютъ. Онъ гово-

рить смѣлой, свободной рѣчью, нисколько не смущается, что ему приходится говорить на улицѣ — предъ толпою. Глаза его горять огнемъ.

— Вонъ пророкъ идетъ!

— Юродивый!

— Странникъ!

— Э, братцы! Зима наступаетъ! Въ «Пересылку» вамъ пора! Тамъ дадутъ вамъ щи! Я васъ на путь истины наставляю! Вѣдь я, ребята, ношу священническую рясу своевольно; охотно подаютъ православные въ священнической рясе! Вѣдь я такой-же босякъ, какъ и вы!..

— Ха, ха, ха!

— Вотъ такъ проходимецъ! — пробуютъ смѣяться нѣкоторые хулиганы.

— Перестаньте, ребята! Это хорошій человекъ.

— Это Т—ртовъ!

— Я знаю его! Онъ поетъ басомъ въ Старорусскомъ монастырѣ!

— Эхъ, братцы, я такой-же босякъ, какъ и вы! Придетъ полиція и меня возьметъ! Пойдешь! А вѣдь, я люблю молитвенность, и васъ жалѣю...

— Насъ на путь истины не наставишь! Лучше Лягвка! Стрѣляй, пока три мѣсяца не пройдетъ! А тамъ весна! Лѣсъ, грибы, свобода!..

— Я-бы жилъ въ «Пересылкѣ», да нельзя!

Теперь надѣлъ камилавку! Изъ Старорусскаго, монастыря иду на свиданіе со своимъ братомъ, не пускають!

— У него братъ — важная особа...

— Отче! Не стоитъ бродить по бѣлу свѣту въ рясе! А мы лучше пострѣляемъ, попадемъ въ «Пе-

решылку», и будетъ сказка безъ конца, а издохнемъ или помремъ — насъ подыметъ городской, а умремъ въ Обуховской больницѣ, и похоронятъ на казенный счетъ! И положить въ сосновый гробъ, что подрядчикъ гуртомъ поставляетъ подешвле...

— Мы народъ отпѣтый!..

— Чего насъ жалѣть!

— Сами живемъ, казнѣ дохода не даемъ; сами умремъ, и казна же хоронить!..

— Отъ нашего брата, какъ отъ козла: ни шерсти, ни молока!

— Отче, гдѣ ты былъ?

— Я всю Россію исколесилъ, отъ Бѣлаго моря и до Чернаго!

— Отче, благослови!

— Нѣтъ, я надѣлъ камилавку не затѣмъ, чтобы злоупотреблять Христовымъ именемъ, а чтобы больше подавали! Я такой же босякъ, какъ и вы! Я люблю божественность...

Подходили къ нему и падшія женщины самаго низшаго разбора.

— Глупые дѣвы! Берегите свои свѣтильники! Я васъ жалѣю! Всѣ вы окончите жизнь въ Петропавловской больницѣ... Подумайте, что васъ ожидаетъ... Еще время не ушло...

— Вишь ты, какой пророкъ появился на Лиговкѣ!

— Пойду Христовымъ именемъ добывать себѣ пропитаніе! И подадутъ копѣечку наши-же посадскіе!..

Прощай, отче!

Прощайте, братцы!

— Въ «Пересылкѣ» увидимся!

— Извѣстно, всѣмъ намъ туда дорога!..

— Мы народъ отпѣтый!

— Сами живемъ—казнѣ дохода не даемъ: сами умремъ—и казна насъ хоронитъ...

Такова философія босяковъ о самихъ себѣ и объ обществѣ, въ которомъ они живутъ.

Расхаживая по улицамъ, странникъ, наконецъ обратилъ на себя вниманіе полиціи, которая арестовала его въ монашескомъ одѣяніи, и препроводила въ «Комитетъ нищихъ», гдѣ его присудили, за прошеніе милостыни выслать на родину этапнымъ порядкомъ. Высылкою нищихъ изъ Петербурга на родину занимается Пересыльная тюрьма.

IV.

На жаргонѣ босяковъ Домупка означаетъ пересыльную тюрьму. Пересыльные бываютъ двухъ родовъ: однихъ высылаютъ изъ Петербурга въ провинцію за безписьменность, или за прошеніе милостыни, а другихъ пересылаютъ въ Сибирь на поселеніе или на каторжныя работы за какое нибудь преступленіе. И тѣ, и другіе не минуютъ пересыльной тюрьмы, что на Казачьемъ плацу. Когда босяковъ и рецидивистовъ заберутъ во время внезапнаго городского обхода, то на другой день ихъ цѣлыми партіями или ватагами ведутъ въ пересыльную тюрьму.

Пестрая ватага босяковъ, шествуя по улицамъ города въ сопровожденіи городовыхъ, невольно обращаетъ на себя вниманіе прохожихъ.

— Вонъ золотая рота идетъ!

— Сколько ихъ!..

— Босая команда!

— Куда ихъ гонять?

— Въ пересыльную тюрьму...

— Какіе растрепанные, грязные!

— Смотрите, смотрите: своего рода «сволочь Петра Аміенскаго»!

— Одичалый народъ!

Прохожіи остановятся, проводятъ глазами партію босяковъ, призадумается надъ этимъ обычнымъ явленіемъ петербургской жизни—и пойдетъ себѣ далѣе. А толпа идетъ, потряхивая своими лохмотьями.

— Ну, ну не отставай, ребята!

— Передніе, не спѣши!..

— Прибавь шагу! слышится команда городовыхъ.

Одежда у босяковъ—ужасная: лохмотья перемѣшиваются съ арестантскими халатами изъ грубаго, толстаго сѣраго сукна. Халаты выданы изъ мѣстныхъ полицейскихъ участковъ только нѣкоторымъ—для прикрытія грѣшнаго тѣла. Если бы полиція не выдала имъ халатовъ, то многимъ босякамъ пришлось-бы идти по улицѣ въ костюмѣ Адама. На ногахъ у каждаго изъ нихъ опорки.

Интересную картину можно наблюдать, когда партія босяковъ и женщинъ подходятъ въ сопровожденіи массы городовыхъ къ воротамъ С.-Петербургской пересыльной тюрьмы раздается шумъ, крикъ, пѣсни и восклицанія:

— Здорово, «пересылка»!

— Вотъ наша Домушка!

Когда любопытный прохожіи остановятся и смот-

рить на идущихъ, тогда одинъ изъ босяковъ дѣлаетъ замѣчанія любопытному:

— Тетка, чего ротъ разинула: сама тамъ будешь!

— Извѣстно, отъ тюрьмы да отъ сумы не отка-
зывайся!..

— Дербень-дербень Калуга, дербень родина моя!..
раздается на всю толпу пискливый голосъ какого-то
босяка. Кое-кто подхватываетъ...

— Дербень-дербень Калуга...

— Скоро въ деревнѣ будемъ!

— Недѣлю въ «пересылкѣ» посидимъ, да недѣлю
въ дорогѣ!

— Тебѣ куда?

— Мнѣ близко! Въ Шлюшинѣ!

— А тебѣ?

— Въ Колпино...

— А тебѣ, отче, куда?

— Мнѣ далеко!..

— Куда же?

— Въ Крымъ!..

— Хороша наша деревня, только улица грязна!

— Что намъ въ деревнѣ дѣлать?

— Къ деревнѣ не пристали, а отъ города отстали!

— Въ Питерѣ лучше!

— Извѣстно, въ Питерѣ лучше! Въ Питерѣ все
господа—денегъ много! Вышелъ на улицу, «настрѣ-
ляль» — сытъ и пьянъ, и носъ въ табакѣ!

— Вотъ только «фараоны» мѣшаютъ!

— Житья не даютъ!

— Кабы не фараоново племя, хорошо бы намъ
жилось въ Питерѣ!

— Порядочному человѣку пройти нельзя по улицѣ—забирають!

— Ха-ха-ха! засмѣялись «стрѣлки» (которые занимаются нищенствомъ).

Тѣма египетская!

— Ну, ну, вы потише тутъ! Чего галдите! Чинно идите!.. унимають босую команду городовые.

— Смотрите-ка, ребята, какой рысачникъ прокатилъ!

— Конь бѣжить, земля дрожить!

— Это, должно быть, онъ къ своей содержанкѣ спѣшить!

— Эхъ, вы, неучи! Это онъ на биржу торопится.

— Зачѣмъ?

— А тамъ у нихъ кумиръ!

— Какой?

— Золотой! На поклонъ ѣдетъ.

— Лошадь-то вся въ пѣнѣ...

— А у кучера часы сзади... на спинѣ...

— Чтобы не опоздать, значить.

— Время деньги!..

— Ребята, сейчасъ «Пересылка».

— Домушка наша! Этапъ ломать будемъ!

— Ты который разъ?

— Пятый!

— А ты?

— Я пятнадцатый!

— Двадцать разъ, братцы, сломалъ этапъ!

— А я тридцать пять!

— Ха-ха-ха! смѣется толпа.

— Слушайте-ка, братцы, что я вамъ скажу! кричить одинъ молодой еврей симпатичный наружности, но пройдоха большой руки.

— Ну, что? говори!

— Я сорокъ пять разъ въ годъ сломаль этапъ!
Кто больше меня? Никто!

— Вишь ты бестія!

— Сорокъ пять разъ меня высылали изъ Петербурга и сорокъ пять разъ я снова возвращался въ Питеръ и снова попадался!

— Молодецъ! Молодецъ! Коллега!..

— Побиль рекордъ, коллега!..

— Шутка-ли, сорокъ пять разъ въ годъ сломать этапъ!

— Сорокъ пять разъ получаль казенную экипировку! Лѣтомъ—бѣлье и пиджаки, а зимою—полушубки... и кромѣ того, нижнее бѣлье и «коты».

— Да ты, братъ, дрянъ! Знаемъ мы тебя! кричали нѣкоторые босяки.

— Ты изъ пересылки гешефтъ себѣ устроилъ.

— Матери все сбываешь! Казенную одежду! А мать продаетъ! копить деньги!

— Да, ты гешефтъ устроилъ... А мы хоть на дѣло употребляемъ полушубки-то: прошьемъ... и отчасти приносимъ пользу казнѣ...

— Вѣстимо, пользу приносимъ: перегоняемъ одежду на вино!..

— Вѣрно! Вѣрно!

— Мы народъ отпѣтый!.. Сочти-ка, сколько нашъ братъ получилъ въ Домушкѣ пиджаковъ, рубахъ, полушубковъ—и все это мы перегоняемъ на вино, пропиваемъ! Пользу приносимъ казнѣ!..

— А маклаки-то еще сколько отъ насъ наживаютъ? Казенная цѣна полушубка 4 р. 20 коп., а мы

имъ продаемъ за два рубля!.. А остальное на выпивку—въ казну!.. «Мерзавчиковъ» покупаемъ!..

— А отъ тебя, братъ, еврейская образина, казнѣ никакой поживы нѣтъ, какъ отъ козла молока. Ты все матери сбываешь, а она продасть!

Среди веселыхъ лицъ разношерстной толпы босяковъ можно замѣтить и грустно-унылыя. Это—«новички», которые въ первый разъ попались въ руки полицейской власти и въ первый разъ приходятъ въ Домушку. Опыта у нихъ еще никакого нѣтъ, потому что имъ въ первый разъ приходится «ломать этапъ», и они еще не освоились со своею ролью.

И вотъ наконецъ толпа босяковъ подошла къ воротамъ С.-Петербургской пересыльной тюрьмы и остановилась въ ожиданіи пропуска. Опытные рецидивисты, «старые воробьи» рвутъ на себѣ послѣднія лохмотья, зная по опыту, что въ «Домушкѣ» получаютъ новую одежду.

При этомъ они даютъ наставленія новичкамъ, посвящая ихъ въ тайны тюремной жизни и тюремныхъ порядковъ.

— Ребята, рви на себѣ одежду!

— Долой рубаху!

— Рви штаны!

— Ты куда бережешь свою хламиду-то! Въ деревню что-ль отправить хочешь! Рви ее!

— Зачѣмъ рвать? Пригодится!

— Все новое получимъ! Ситцевую рубаху, портки изъ сермяжнаго холста, пиджакъ, коты,—чего тебѣ еще? Э, братъ, казна позаботилась! Все тебѣ новое приготовили. А это рубище пора и въ архивъ сдать! Рви и бросай! Чего вшей-то плодить въ Домушкѣ!

— Гдѣ наше не пропадало! Трахъ! Трахъ!

— Мы народъ отпѣтый!..

Одинъ изъ босяковъ разорвалъ все свое нижнее бѣлье и остался въ одномъ полицейскомъ халатѣ, который онъ не разорвалъ, потому-что его надо было возвратить сопровождавшему его городовому. Другой рвалъ на себѣ ветхій сюртукъ, третій—полусгнившій и позеленѣвшій отъ времени архалукъ.

— Ребята, бросай опорки, «коты» получимъ!

Толпа человѣкъ около ста смѣялась и гоготала. Кто-то опять началъ пѣсню:

Какъ на молодцѣ-то синь кафтанъ!

Рукавички барановые!

А сапожки-то сафьяновые.

— Bravo, bravo!

— Лихо! ребята, лихо!..

— Тише! Тише! Чему обрадовались!

— Да скоро-ли?

— Сейчасъ впускать будутъ!

— Пришелъ сторожъ и отворилъ калитку тюремныхъ воротъ.

— Господи, благослови! Сказалъ громогласно, басомъ, странникъ, истово крестясь.

— Господа почтенные пожалуйста!

— Здорово, Иванъ! Не узнаешь?

— Отче, опять!...

— Опять въ вашу храмину!

— Откуда, отче?

— Изъ-подъ смоковницы Макокина!

— Опять этапъ ломать!

— А ты, Гришка, откуда?

— Изъ Кобозевской лавры...

— Милости просимъ, нашихъ щей покушать!

Стой, стой, — не всё сразу! — закричалъ сторожъ.
Калитку сломаете!...

V.

Со двора толпу золоторотцевъ повели въ приемное зало Пересыльной тюрьмы, которое на жаргонѣ босяковъ носить названіе «Частилища пересылки». Здѣсь вся ватага была выстроена въ линію, дежурнымъ надзирателемъ. Началась перекличка по именамъ и фамиліямъ каждаго пересылаемаго — по листкамъ отъ «городовыхъ» съ обозначеніемъ причины задержки.

Опросъ задержанныхъ продолжался довольно долго. Каждому пересылаемому выданъ былъ мѣдный нумерокъ съ обозначеніемъ № 00, С. П. П. Т., что значитъ: С.-Петербургская пересыльная тюрьма. Эти номерки пересылаемые надѣваютъ себѣ на шею. Въ тюремныхъ журналахъ всё кліенты пересыльной тюрьмы, какъ высылаемые на родину, такъ и отправляемые въ Сибирь на каторгу, значатся подъ соответствующими номерами.

Когда всѣхъ пересылаемыхъ занумеровали, ихъ направили въ цейхгаузъ, гдѣ они получили всю казенную экипировку: штаны, ситцевую рубаху, пиджакъ и «коты» (туфли).

Потомъ всѣхъ повели въ баню.

По выходѣ изъ бани босяки разсматриваютъ свою новую одежду, которую они получили отъ казны.

- Смѣнка-то хорошая! Рублика три дадутъ!
 — Тикъ нынче попался добротный, плотный!
 — Полосатый!
 — А у тебя тикъ-то какой?
 — У меня нынче плохенькій, рѣденькій.
 — Ну ничего! Старую цѣну дадутъ!
 — Максимычъ сжалится, дастъ подороже!
 — На выпивку хватить!

Максимычемъ босяки называютъ нѣкоего маклака, который скупааетъ у нихъ казенную экипировку, когда они снова вернутся со своей родины въ Петербургъ. Послѣ бани босяковъ размѣщаютъ по камерамъ. Въ теченіи года изъ С.-Петербургской пересыльной тюрьмы отправляется на родину до 30,000 человѣкъ, какъ опасный элементъ населенія столицы, отбившіяся отъ труда.

Въ пересыльной тюрьмѣ имѣются три отдѣленія:

- 1) Дворянская половина,
- 2) Черная половина,
- 3) Женское отдѣленіе.

Дворяне размѣщаются въ трехъ камерахъ, человѣкъ по 15 въ каждой.

Имъ разрѣшается кровати держать открытыми, тогда какъ на черной половинѣ кровати подвѣшиваются къ стѣнѣ и только на ночь раскрываются. На каждую кровать полагается тюфякъ, набитый соломой, сѣрое верблюжье одѣяло и подушка. Въ ожиданіи этапа, дворяне коротають время, кто во что гараздъ: одни читають, другіе пишутъ, третьи ходятъ взадъ и впередъ по камерѣ, четвертые валяются на кровати, заложивъ руки подъ голову и вперивъ глаза въ потолокъ. Имъ дается даже казенная бумага и чернила.

Среди дворянъ невольно обращаетъ на себя вниманіе субъектъ извѣстной хорошей дворянской фамиліи, старый рецидивистъ и босякъ, съ длинными волосами до плечъ, пѣвучимъ голосомъ и смѣлой свободной рѣчью. Это—тотъ самый странникъ, который расхаживалъ по Лиговкѣ, во время своего бродяжничества, пѣлъ басомъ въ Старорусскомъ монастырѣ, на Каневцѣ и Валаамѣ, а въ домахъ Макокина представлялъ въ лицахъ мистеріи духовнаго содержанія. По его словамъ, однажды въ Великомъ посту, въ ночлежкѣ Макокина, онъ со своими товарищами изобразили передъ босяками «Тайную вечерю»—и произвели своимъ «дѣйствомъ» на всю нищую братію потрясающее впечатлѣніе... Теперь въ «Домушкѣ», какъ и прочіе пересыльные, онъ одѣтъ въ сѣрый пиджакъ, штаны и коты. Отъ нечего дѣлать, онъ рисуетъ на сюжеты изъ Священной исторіи, и раздаетъ свои произведенія, не лишеныя таланта, на память—желающимъ.

Рядомъ съ нимъ сидитъ старый алкоголикъ, коллежскій совѣтникъ, сумрачнаго вида, съ черной, какъ смоль, окладистой бородою, недовольный на всѣхъ и вся, вѣчно брюжжить.

Странникъ любитъ рассказывать товарищамъ о своихъ походахъ. Они охотно слушаютъ его.

Онъ говорилъ:

— Стало скверно нынче въ Петербургѣ! Стрѣлять не даютъ! Наплодилось много изъ деревень! Невольно обращаютъ вниманіе фараоновъ! Бывало, давали благородному человѣку двадцать и тридцать копѣекъ, а теперь плохо... Ну, и поневолѣ съ такими субъектами берутъ въ участокъ! Хорошо, у меня есть видъ еще...

Тутъ странникъ съ гордостью вынулъ изъ бокового

кармана свой паспортъ и торжественно назвалъ свою фамилію.

— Да хорошо, если бы прямо въ «пересылку», а то еще въ участокъ пожалуйте!... Вотъ и пришлось въ годъ четырнадцать разъ этапъ ломать!... Ну, и пришлось у Макокина ломать «Тайную вечерю»!! А почему? Вы спросите. Между своими также находятся благочестивые люди, которые охотно подадутъ ночью копѣйку за это дѣйство, которая на утро пригодится тому же Макокину...

— Какъ же ты, отче, ломалъ «Тайную вечерю»..?

— Попросили разрѣшеніе у смотрителя! «Хорошо», сказалъ смотритель. «Только у меня представлять хорошенько, чтобы не было богохульства!..» Народу собралось около 700 человѣкъ... Попросили мѣдный тазъ и полотенце... «На благое дѣло я вамъ, господа, даю» сказалъ смотритель и принесъ тазъ и чистое полотенце.— Страсть люблю, когда что-нибудь божественное изображаютъ наши же пасадскіе! сказалъ слѣпой Костя... Двѣнадцать было, а насъ только четверо: я изображалъ Христа, а трое моихъ товарищей—апостоловъ...

Предъ началомъ представленія, взялъ шапку, не пожертвуетъ ли кто?—На страсти-то Господни я дамъ пяточокъ послѣдній! сказалъ нищій, развязывая суму. Смотритель положилъ пяточокъ, еще кое-кто, и настрѣляли мы тогда ровно сорокъ копѣекъ...

— А хорошо было дѣйство-то!

— Когда кончили, тишина была... и только одинъ старикъ сквозь слезы прошепталъ: Господи! Я даже въ ночлежномъ домѣ могъ увидѣть священную картину!...

Да! И приходится въ ночлежномъ домѣ зараба-

тивать копѣйку, изображая святыхъ... Это не богохульство, а заработокъ!... Ну, вотъ скоро отправимся въ Крымъ! Благодать! Тамъ тепло! Не придется у бѣднаго человѣка, въ домахъ Макокина, выпрашивать копѣйку—съ такимъ талантомъ! Благородство!... Гдѣ наше благородство! Съ уничтоженіемъ крѣпостного права, не стало житья хорошимъ людямъ.

— Эхъ, да былъ ли у твоего папаша хоть колъ на дворѣ! прерываетъ его другой босякъ.

Тебѣ бы ходить въ стихарѣ, въ Старорусскомъ монастырѣ, а не здѣсь сидѣть! Ты думаешь, завладѣлъ нами своимъ разговоромъ! Мой папа тоже былъ коллежскій совѣтникъ... Вотъ такіе-то и приходятъ получать полушубки изъ Крыма... Мы хоть здѣшніе, получить не грѣхъ! Администрація знаетъ! Полно вола вертѣть! Черезъ два-три дня опять попадешь въ участокъ! Твою родину всѣ знаютъ! Скоро кукушка запоетъ! Зима на носу! Опять полушубокъ-то и подкипитъ! Изъ Старорусскага монастыря опять придешь! А я старый воробей! Каждую недѣлю этапъ ломаю!..

— Да что со свиньею и говорить!

— Ляжемъ лучше спать!..

— Ты разскажи, сколько полушубковъ-то получилъ!

— Навѣрно, Казачій плацъ такъ утрамбовалъ, что и трамбовки не надо!..

— Я всю Русь исколесилъ...

— Арапа не строй! За полушубкомъ опять придешь...

— Господа, на молитву! Становись на молитву.

Босяки побросали свои занятія и стали передъ образомъ. Всѣ они любятъ духовное пѣніе и поютъ съ чувствомъ и душою. Они пѣли: «Отче нашъ», «Вѣрую»,

«Спаси, Господи, люди Твоя», «Молитву ангелу хранителю». Во время пѣнія хоромъ руководилъ странникъ, пѣвшій басомъ въ Старорусскомъ монастырѣ. Онъ отпустилъ такую октаву, что покрывалъ все голоса. Старые рецидивисты до того умилились душою, слушая духовное пѣніе, что даже прослезились... И въ душѣ ихъ пробудились воспоминанія о лучшей жизни...

Черезъ нѣсколько дней странникъ, вмѣстѣ съ другими пересыльными, этапнымъ порядкомъ, въ сопровожденіи конвоя, отправленъ былъ на родину. Передъ самымъ уходомъ пиртіи пересыльныхъ изъ тюрьмы на Николаевскій желѣзнодорожный вокзалъ, тюремный надзиратель подалъ страннику пакетъ съ деньгами:

— Это вамъ отъ брата—на дорогу!..

— Всякое даяніе—благо!..

Сказалъ странникъ, распечатывая пакетъ.

ВЪ СВЯТУЮ НОЧЬ.

Наканунѣ праздника Св. Христова воскресенія на всехъ вокзалахъ и на всехъ заставахъ Петербурга замѣтно особое оживленіе: съѣзжаются и плетутся по шоссе на предпраздничный промыселъ масса нищей братіи. Есть между ними старики, молодые парни, женщины съ дѣтьми, калѣки, слѣпцы и проч. Но многіе изъ нихъ не достигаютъ цѣли своего путешествія, потому что полиція хватаетъ ихъ и поворачиваетъ назадъ. Но все-таки множество счастливецевъ успѣваетъ проскользнуть, и разсѣваются по петербургскимъ ночлежнымъ домамъ, чайнымъ заведеніямъ и т. п. Тамъ и сямъ на улицахъ

столицы появляются новые, свѣжіе типы и типики. Наплывъ подобныхъ нищихъ, пріѣзжающихъ «стрѣльнуть» на праздникъ, достигаетъ до 8000 человекъ. Такимъ образомъ, къ петербургскимъ аборигенамъ «стрѣлкамъ» присоединяется еще нищая братія изъ пригородовъ.

Въ 4 часа вечера, въ Страстную субботу, въ городской дешевой столовой, что на Никольской площади, собралось болѣе 500 человекъ бездомниковъ, чтобы получить заранѣе билетъ 1) для входа и 2) для бесплатнаго разговѣнья. Ихъ привлекло сюда то, что послѣ впуска имъ предоставлено право выходить изъ ночлежки, куда хотять, до 3 часовъ ночи, что весьма важно для профессиональных «стрѣлковъ».

Получившіе билеты могутъ, что называется, убить сразу двухъ зайцевъ, т. е. будучи обезпечены ночлегомъ и разговѣньемъ, они могутъ въ то-же время въ заутреню и раннюю обѣдню заняться «стрѣльбою», ничѣмъ не рискуя, такъ какъ и полиція въ эту ночь не забираетъ ихъ, и попасть въ «комитуху» опасности не грозитъ никакой.

Въ столовой ночлежки, на столахъ и на полу, валяется уже скорлупа отъ крашенныхъ яицъ: это многіе нетерпѣливые субъекты, придерживаясь пословицы: кто праздничку радъ, тотъ до свѣту пьянъ, — успѣли уже разговѣться. Шумъ и гамъ стоитъ въ столовой невыносимый. Обсуждается вопросъ, какъ провести Святую ночь.

— Ты куда пойдешь стрѣлять, Сапожокъ?

— Я сегодня никуда не пойду! отвѣчаетъ парень лѣтъ двадцати пяти, хотя просто одѣтый, но не оборванный.

— Да какъ-же? Въ Рождество-же ты стрѣлялъ?—

спрашиваетъ его оборванный до нельзя субъектъ, лѣтъ двадцати, съ подбитымъ глазомъ и разбитымъ носомъ.

— Да потому, отвѣчаетъ Сапожокъ, что у меня «заначено» (т. е. припасено) двадцать «посудинъ» (т. е. сороковокъ водки)!.. Миѣ и стрѣльба не нужна!

— Торговлей, значить, займешься?

— Да!

— Молодчина! А я, братъ, прогорѣлъ! Какъ только выпустятъ, такъ сейчасъ пойду накаливать почтеннѣйшую публику... Публика сегодня въ елейномъ настроеніи... Стрѣльба будетъ хорошая... Годъ ждемъ эту ночь!.. А ты миѣ сороковку-то все-таки оставь.

Разговоръ ихъ прерывается крикомъ дворника:

— Выходи, молодцы! Становись въ шеренгу, въ очередь!

Вся голытьба хлынула къ выходу. Начинается тискотня и давка. Слышатся непечатныя слова, и нерѣдко близкіе друзья ссорятся: каждый хочетъ встать поближе къ дверямъ, чтобы получить входный билетъ.

— Куда, дьяволюга, лезешь-то! — кричитъ одинъ.

— Куда? Самъ знаешь!

— А я вотъ тебѣ познаю! Наотмашь дамъ — и отлетишь! — и оттираетъ его.

— Это ты-то миѣ дашь? — входитъ въ азартъ сильно выпившій босякъ и, принимая театральную позу, декламируетъ:

Я-те рожу растворожу,
Щеку на щеку помножу,
Зубы въ дробь превращу,
И затылокъ сокращу!..

И въ видѣ задатка даетъ отпихнувшему ему въ зубы. Начинается потасовка. Строй разбивается. Вся

компанія набрасывается на дерущихся и начинает «учить» обоихъ, щедро награждая ихъ кулаками.

По окончаніи побоища, строй опять возобновляется.

Всеъ опять становятся въ линію. Оба передравшіеся субъекта, прогнанные, ругаясь и проклиная на чемъ свѣтъ стоитъ и ночлежку, и пріятелей-миротворцевъ, уже братски обнявшись, забывши свою ссору, удаляясь отъ ночлежки, ведутъ разговоры:

— Сенька, да у тебя рубаха-то новая!

— Дерево стоеросовое! конечно, новая! Вмѣстѣ получили-то! Пойдемъ «въ стѣнку», т. е. продадимъ! По двадцать монетъ потянетъ каждая!..

— Вали, Никола, для товарища все!

Идущій имъ навстрѣчу маклакъ, слыша ихъ разговоры, уже предлагаетъ имъ свои услуги — для покупки.

Торгъ оконченъ. И оба пріятеля начинаютъ раздѣваться до-нага на улицѣ. Снимаютъ рубахи, отдаютъ маклаку, получаютъ деньги и, надѣвши на себя пиджачишки, плетутся на ночлегъ къ Макокину, намѣреваясь предварительно зайти въ казенку.

Откуда у босяковъ новыя рубахи? Новыя рубахи Сенька и Колька только недавно получили отъ одной благодѣтельницы, которая благотворить «на голое тѣло», т. е. даетъ каждому рубаху, кто придетъ къ ней голый, безъ рубахи.

Въ шесть часовъ приходятъ въ ночлежку представители полиціи, для водворенія порядка. Начинается впускъ, Изъ притвора подъѣзда вдругъ слышится возгласъ:

— Братцы, вотъ такъ клюква!

— Что такое?

— Бирки (т. е. паспорта отбирають)!

— Съ куклимами, братъ, не пройдешь, пожалуй!

— Эхе, хе!

— Вотъ тебѣ и разговѣнье!

И множество бездомниковъ, опечаленные, удаляются изъ строя: кто въ домъ трудолюбія, на Обводномъ каналѣ, кто къ графу Морковкину, а кто невѣдомо куда.

Оставшаяся публика, съ паспортами, впущена.

Паспорта отобраны—и всеъ ожидаютъ, когда будутъ выпускать вонъ.

— Ты куда?—спрашиваетъ одинъ другого.

— Я къ Исаакію!

— А ты?

— Я, братъ, самое лучшее, пойду на Конюшенную!.. Тамъ, братъ, важно! Народу мало!

— А ночевать придешь?

— Конечно, приду, если не заметуть!

— Сашуха!—кричить кто-то.

— Я никуда не пойду, лягу спать!

— Принеси мнѣ «посудинку»!

— Ладно!

Въ это время является смотритель ночлежки и заявляетъ, что вечерняго чая не будетъ, а кто желаетъ, тотъ можетъ идти въ церковь, къ св. Христовой заутрени, помолиться, съ тѣмъ чтобы къ тремъ часамъ быть въ ночлежкѣ, гдѣ будетъ предложено разговѣнье и чай.

— Покорнѣйше благодаримъ!

— Спасибо!

И вотъ почти вся толпа, чуть не сбивая съ ногъ смотрителя, выбѣгаетъ на улицу и разсѣвается по городу, кто куда, занимая себѣ позицію повыгоднѣе для стрѣльбы.

Въ глубокую полночь съ Петропавловской крѣпости грянулъ пушечный выстрѣлъ. Съ многочисленныхъ церквей столицы торжественно загудѣлъ призывной благовѣсть. Надъ всѣми колоколами, большими и малыми, царить могучій гулъ Исаакіевскаго собора. Публика спѣшить въ храмы. Но, увы! всѣ мѣста въ храмахъ уже заняты. Приходится стать хоть возлѣ церкви, и тутъ богомольцевъ стоитъ еще больше, чѣмъ въ самой церкви.

— Негдѣ и Богу-то помолиться! Въ церковь не попадешь!—говоритъ одинъ господинъ другому.—Церквей мало!..

— Петербургъ—городъ фабрикъ, заводовъ и банкирскихъ конторъ!..—отвѣчаетъ ему какой-то мрачный господинъ.

— Да еще босяковъ! Смотрите, сколько ихъ тутъ...

Въ самомъ дѣлѣ, босяки работали на славу. Между молящимися на улицахъ и на паперти то и дѣло слышатся возгласы:

— Добрѣйшій благодѣтель! Не откажите, ради свѣтлаго праздничка! Не оставьте безъ ночлега!..

Далѣе слышится:

— Не откажите! Не только-что разговѣться, рѣдьки купить не на что!..

Между тѣмъ, просящій босякъ еле стоитъ на ногахъ и онъ уже успѣлъ разговѣться.

И сердебольная публика сыплеть и сыплеть подаяніе.

Многіе человѣколюбцы, придерживаясь евангельскаго собѣта—просящему дай, ведутъ босяковъ даже къ себѣ на домъ, одѣваютъ во что можно, одѣляютъ деньгами и пасхальными яствами и отпускаютъ съ миромъ.

Противъ самой часовни церкви Вознесенія происходитъ баталія: дерутся двое босяковъ изъ-за мѣста на паперти.

— Ты, крокодилище, сейчасъ только съ квартиры! У тебя вонь и сапоги, и полная пазуха яицъ, а я, какъ жидъ, трясусь, холодно! А ты меня изъ паперти оттиснулъ!..

— Да, лѣшій, отвѣчаетъ другой, вмѣстѣ жрать-то будемъ! А сапоги перегонимъ на вино!..

И пріятели примирились.

Кончилась заутреня. Публика расходится по домамъ.

Къ двумъ часамъ ночи съ разныхъ концовъ города собираются въ городскую столовую босяки, покинувъ арену своей стрѣльбы. Многіе изъ нихъ до того настрѣлялись, что еле плетутся. Въ ночлежномъ домѣ уже почти всѣ собрались. Кто какъ пришелъ, тутъ и сѣлъ, гдѣ попало, не отыскивая своего «номера». Многіе, кто потрезвѣе, ожидаютъ разговѣнья. Разговоръ ведется разнообразный, обмѣниваются впечатлѣніями ночи, кто гдѣ стоялъ и сколько настрѣлялъ.

— Много накалилъ?

— Трешница есть!

— А у меня, братъ, желтякъ! (т. е. пять рублей).

Въ одну минуту получилъ его!..

— Какъ же такъ? Что-то ужъ очень жирно!..

— Нисколько не жирно!

— Гдѣ ты его получилъ?

— Стою на Боровой, идетъ чепчиха...

— Какая чепчиха?

— Ну, знаешь какая! Которую не облаешь, такъ и не получишь!..

— А ты ее и облаяль?

— Здорово облаяль! Подала она мнѣ три копѣйки, а я ее давай отчитывать: «просила бы ты у Бога, говорю, деревянный халатъ, да квадратную сажень помѣстья!.. Что я на твои три копѣйки сдѣлаю! Ни сапогъ купить, ничего»... Ну, она вынула шмель-то, да маленькій желтякъ и подала! Только отвяжись...

Толпа хохочетъ...

Въ это время приходитъ сторожъ и заявляетъ:

— Господа, прошу розговляться!..

И все ночлежники, разбудивъ спящихъ товарищей, отправляются внизъ, въ столовую, гдѣ, благодаря заботливости города, устроено было хорошее розговѣнье. Каждому дано было: пасха (поль-фунта творогу), куличъ (около двухъ фунтовъ), пара яицъ, по куску колбасы или ветчины и чай.

— Эхъ, братъ, говорить одинъ, розговѣнье-то какое. Да я въ деревнѣ этого не ѣдалъ!

— Ну, какъ тутъ не выпить!

— Есть что-ли у тебя?

— Нѣтъ, братъ! у меня нѣтъ, да горе не велико! Сейчасъ достанемъ!

— Да гдѣ теперь достанешь-то? Вѣдь казенка заперта!

— Да зачѣмъ казенку-то? Вонъ Сапожокъ идетъ!

— Ну, вотъ, бери! Ты его знаешь, а я нѣтъ!

За сороковку водки, стоящую 19 коп., Сапожокъ выручаетъ 45 коп... И пріятели, разговляясь, распиваютъ ее. Мало-по-малу въ столовой, до того тихой, потому что рты были на барщинѣ, поднялся шумъ. Языки развязались: многіе уже успѣли отвѣдать животельной влаги. Въ 4 часа шумъ прекращается, потому

что всѣхъ просить идти спать. Многіе идутъ сами, а нѣкоторыхъ несутъ на рукахъ и, точно мертвыхъ, складываютъ на нарахъ. И ночлежники погружаются въ мятежный сонъ, изрѣдка прерываемый у нѣкоторыхъ бредомъ.

Въ десять часовъ утра всѣхъ поднимаютъ, что доставляетъ для сторожа не мало труда.

— Вставайте, братцы! кричитъ сторожъ, расхаживая по спальнѣ.

Въ отвѣтъ ему — молчаніе: всѣ спятъ. Сторожъ, видя, что *словомъ* ничего не добьешься, начинаетъ неистово звонить въ колокольчикъ — даръ Валдая. Въ отвѣтъ ему — опять молчаніе: всѣ спятъ. Тогда сторожъ выходитъ изъ терѣнія и за ноги тащитъ спящихъ съ наръ. Въ отвѣтъ ему слышится брань.

— Ой, кричитъ одинъ, что это у меня съ башкой-то стало!

— А что? спрашиваетъ другой.

— Точно паровымъ молотомъ бьетъ по лбу!..

— Братцы, надо опохмѣлиться!..

— А гдѣ? Хорошо было-бы! Меня что-то тошнить!..

— Конечно, въ Вязьмѣ!

— Сыпь, братцы! У меня что-то животъ подводитъ...

— Валяй!

И компанія человѣкъ въ 20—30 уходитъ съ шумомъ и крикомъ въ Вяземскую лавру, гдѣ торговля водкой идетъ во всю.

Другіе же бездомники, что потрезвѣе, тѣ выйдя изъ спальни, спускаются въ столовую и сидятъ тамъ до вечера, когда начнется впускъ въ ночлежку.

— Ну, вотъ и разговѣлись! говорятъ они.

— Слава тебѣ, Господи!..

Тріо.

Сцена въ ночлежномъ домѣ.

Шесть часовъ вечера. Въ одинъ изъ петербургскихъ ночлежныхъ домовъ только-что впустили бездомниковъ — послѣднихъ для полного комплекта. Въ ожиданіе молитвы босяки ведутъ разговоры о событіяхъ дня. Одинъ изъ нихъ средняго роста брюнетъ, близорукій, одѣтъ въ синій пиджачишко, рваные штаны и поружѣлые отъ времени сапоги, сталкивается, носъ съ носомъ, съ другимъ — высокимъ, какъ жердь, худощавымъ субъектомъ, одѣтымъ тоже плохо. Высокій останавливается и кричитъ:

— Чортъ, слѣпой! Куда со слѣпа-то прешь? Здорово, Сережка-Кондакъ!

Сережка всматривается и, удивленный неожиданной встрѣчей, отвѣчаетъ:

— Ванька-Заика! Ты-ли это? Мы ужъ тебя давно похоронили!..

— Шалишь, братъ! Еще дерево для моего креста не выросло!..

— Гдѣ ты скитался? спрашиваетъ Сережка Ваньку.

— Въ Симферополь катался!

— Вотъ какъ!

— А оттуда сюда шибко ѣхаль: ноги стеръ!

— Пѣшкомъ, значить!

— Вѣстимо!..

Къ встрѣтившимся пріятелямъ какъ бомба подле-

таетъ третій босякъ, невысокаго роста, очень плотный, толстый, съ фізіономіей похожей на арбузь.

— Здорово, ребята, кричить: давно-ли тутъ?

Пріятели, прервавшіе на минуту разговоръ, въ одинъ голосъ орутъ:

— Батюшки! Митька-Херувимъ!.. Ты откуда?

— Я изъ Шлюшина!

Разговоръ вновь возобновляется. Ванька - Заик а расхваливаетъ Симферополь, его благодатный климатъ, дешевизну жизни, которая тамъ невольно отражалась и на его босяцкомъ житьѣ-бытьѣ.

— Такъ зачѣмъ же ты вернулся? спрашиваютъ его товарищи.

— Тоска, братцы, по лыцарству, да наступающая пасха заставила вернуться въ Петроградъ!

Митька-Херувимъ наоборотъ, проклиналъ на чемъ свѣтъ стоитъ свой Шлюшинъ.

Распроклятый городишка! Въ крещенье льду не достанешь! Что сумѣешь «гомзомъ» взять, то и ладно! А иначе не жравши будешь! Еле ноги доволкъ до Питера!..

— Оно и видно! перебиваютъ его пріятели: то-то у тебя морда-то въ дверь не пролѣзетъ!

— Это, братцы, кость такая у меня!

— Дворянская! посмѣиваются товарищи.

— Ну, а ты, Сережка, откуда явился?

— А я, братцы мои, иду перодъ Рождествомъ по Вознесенскому проспекту, вижу, стоитъ лошадь безъ извозчика, дай, думаю, покатаюсь!.. Сѣлъ и поѣхалъ, да прямо въ «Кресты» и угодилъ.

Подъ именемъ Креста у босяковъ слыветъ тюрьма одиночнаго заключенія, что на Выборгской сторонѣ.

— Заграбастали меня у Нарвскихъ воротъ и на, этой же лошади прямо въ часть... Садился за кучера, а въ часть прѣѣхалъ бариномъ.

— Ха, ха ха! смѣялись товарищи.

— Думаль, что въ арестантскія роты угожу, да спасибо мировому: полтора мѣсяца даль въ тюрьмѣ отсидѣть!..

— Здорово!

— А какъ-же тебя не выслали изъ Питера?

— Э-во! воскликнулъ Сережка: да не только что не выслали, а тюрьма еще и паспортъ выправила... Вотъ они, милые глазки! суя товарищамъ подъ носъ свой паспортъ, восклицаетъ Сережка и пускается въ присядку...

На верхнихъ нарахъ компанія въ 5 человѣкъ играетъ въ карты, въ стукулку, при чемъ бренчить деньгами, звонъ которыхъ долетаетъ до ушей сторожа.

— Да что-же это такое? кричитъ сторожъ: опять карты! Вотъ возьму, да всѣхъ смотрителю и стащу! Черти! Право, черти! Хоть коль на головѣ теши, а они все по своему! ворчитъ сторожъ.

Игра на минуту прекращается.

— Нѣтъ, ребята, совѣтуетъ одинъ изъ играющихъ: такъ нельзя! Надо «стрему» поставить!

— Да кого-же? спрашиваютъ остальные.

Въ это время къ играющимъ подходитъ Сережка-Кондакъ. Появленіе его сразу внушаетъ игрокамъ мысль поставить на «стрему» его, что они сейчасъ-же и предлагаютъ ему.

— Сережка, бери два «пискаря» за стрему!

Пискарь на жаргонѣ босяковъ означаетъ пяточокъ.

— Ну, и придумали! хохочетъ тотъ: да я со

слѣпа-то не увижу, какъ и сторожъ-то подсядетъ къ вамъ играть... А вотъ, коли зубы заговаривать, на это я мастеръ!.. Давайте три пискаря! Вотъ сейчасъ втроемъ мы и примемся за струму!

— Ладно, идетъ! соглашается компанія играющихъ, и вручаютъ ему три пяточка.

Сережка удаляется отъ нихъ и, захвативши съ собою Митьку-Херувима и Ваньку-Заику, подсаживается къ сторожу и начинаетъ вести съ нимъ разговоръ на любимую сторожа тему—о путешествіяхъ и этапахъ.

— Вотъ, рассказываетъ Сережка, въ Псковской губерніи захожу я въ одно имѣнье, и спрашиваю у дворни, нельзя-ли барина повидать, помѣщика, значить!

— А тебѣ зачѣмъ? спрашиваютъ меня.

— Зачѣмъ? Конечно, стрѣльнуть прохожему человѣку!..

— Валяй! говорятъ мнѣ, ехидно улыбаясь...

А мнѣ и не въ домекъ, что дворня улыбается...

— Что-же вышло? спрашиваетъ нетерпѣливо сторожъ.

— А вотъ увидишь... Сейчасъ доложимъ, говоритъ дворня... И вѣрно: доложили! Выходитъ ко мнѣ баринъ...

— Здорово, говоритъ, молодецъ!

— Здравія желаю, ваше благородіе, отвѣчаю я ему. Къ вашей милости, не откажите прохожему...

— Съ удовольствіемъ, говоритъ баринъ: подожди немножко! Минуты черезъ двѣ онъ вернулся... Въ лѣвой рукѣ онъ несетъ узелокъ, а мнѣ, косому чорту, и не вдомекъ, что у барина правая-то рука за спину заложена! Кладетъ это онъ узелокъ на тубаретку, на узелокъ кладетъ маленькій желтякъ (т. е. пятирублевую золотую монету), бери, говоритъ, и ступай съ Богомъ! Вотъ тутъ-то, братцы мои, и вышла исторія...

— Какая? оиять спрашиваетъ сторожъ

— Самая неожиданная! отвѣчаетъ, не торопясь, Сережка. Только-что я наклонился взять узелокъ-то, а онъ, расподлая его душа, какъ вытянетъ меня вдоль спины арапникомъ, да такъ огрѣлъ, что у меня искры изъ глазъ посыпались!..

— Вишь ты, бестія какая!

— Я узелокъ-то бросилъ, и не помню, какъ выбѣжалъ на дворъ!.. Только на дворъ и очухался, а онъ въ окно кричитъ мнѣ:

— Что-жъ ты узелокъ-то бросилъ! А самъ такъ и заливается, хохочеть!.. Мнѣ не до узелка, плюнуль я, и пошелъ со двора. Смотрю, а сзади меня бѣжить горничная, и чуть не насильно суетъ мнѣ въ руки узелокъ и деньги... Развернулъ я узелокъ, смотрю — тамъ подштанники и рубаха, да рубаха-то какая — половина бѣлая, половина красная, одинъ рукавъ черный, другой — зеленый.

Слушатели хохочуть.

— Вотъ такъ рубаха!

— Нече сказать, угостилъ тебя!

— Самодуръ, должно быть, баринъ, — замѣтилъ сторожъ.

— Да не одного меня, онъ со всѣми изъ нашего брата такія штуки продѣлываетъ: вытянетъ арапникомъ — и получай узелокъ и пять рублей денегъ...

— Ну, а рубаха-то — спрашиваютъ его слушатели: — за коимъ же чортомъ она разноперая?

— А это, видишь-ли, — отвѣчалъ Сережка, — чтобы ее ни продать, ни обмѣнять, ни пропить, нигдѣ не возьмутъ, а носи самъ.

— Ловко придумалъ помѣщикъ-то! Добрый!

— Сережка зубы заговариваетъ, а наверху, во

второмъ этажѣ нарѣ, игра въ карты идетъ въ полномъ разгарѣ.

Сторожъ снимаетъ сапоги и собирается лечь спать. Передъ сномъ намѣревается все-таки обойти ночлежку, чтобы удостовѣриться, все-ли спокойно. Но Васька-Заика придумываетъ на новый манеръ отвлечь вниманіе сторожа отъ играющихъ и выручить своихъ товарищей. Вѣдь, не даромъ же они получили за это три пятака.

— Брось, говорятъ, шляться то! Вотъ мы тебѣ споемъ что-нибудь на сонъ грядущій,—говоритъ Васька-Заика, зная слабость сторожа къ пѣнію.

Сторожъ соглашается и ложится на скамейку, положивъ кафтанъ подъ голову, а трое пріятелей затягиваютъ вполголоса одну изъ арестантскихъ пѣсней. Васька-Заика пѣлъ теноркомъ, Митька-Херувимъ—могучимъ басомъ, а Сережка—чѣмъ-то въ родѣ баритона.

Пѣли они очень стройно, съ чувствомъ, вполнѣ входили въ положеніе несчастныхъ героевъ пѣсни, и выражали это въ голосѣ, такъ что сторожъ совсѣмъ расчувствовался. Они пѣли «Пѣнію бродяги»:

Бродяга на свѣтъ родился,
 Чтобъ жизнь до конца испытать.
 Бродяга свободы лишился,
 Онъ началъ по тюрьмамъ страдать!
 Бродяга съ тюрьмою спознался
 Оставивъ отца-старика!
 Горька, тяжела его доля!
 Въ тюрьмѣ же рѣшетка крѣпка!
 Порою, сидя за рѣшеткой,
 Съ тоскою гляжу я на даль,
 Со всѣми родными въ разлукѣ...
 Прощай, дорогіе!—сказаль,

Въ дремучихъ тайгахъ Байкала,
 Гдѣ золото роютъ въ горахъ,
 Бродяга, судьбу проклиная,
 Тащится съ сумой на плечахъ.
 Въ рукѣ котелочекъ съ водою,
 Сухарики въ сумкѣ лежатъ
 И старые бродни надѣты
 И сѣрый тюремный халатъ...

Лишь только къ Байкалу подходить,
 Рыбачья тамъ лодка стоитъ,
 Бродяга на лодку садится,
 Стараясь Байкаль переплыть...

Какъ только Байкаль переплылъ—
 На встрѣчу—родимая мать!

— А, здравствуй!

— Здравствуй, мамаша!

А гдѣ же отецъ мой и братъ?

Отецъ твой давно ужъ въ могилѣ,
 Сырою землю зарыть,

А братъ твой давно по Сибири
 Своими кандалами гремитъ...

— Важно! сказалъ сторожъ, по окончаніи пѣсни.
 Ну, и семейка! Одинъ изъ Сибири, а другой въ Си-
 бирь! Поочереди! Нѣтъ-ли еще какой-нибудь почувстви-
 тельнѣе! Спойте, братцы, просить сторожъ, позѣвывая.

Пріятели начали новую пѣсню, тоже изъ арестан-
 ской жизни, только на романической подкладкѣ.

Не дождаться, знать, вѣрной свободы,

А тюремные дни, точно годы,

И окно высоко надъ землей—землей,

У дверей же стоитъ часовой...

Умереть бы мнѣ въ этой же клѣткѣ,

Если-бъ не было милой сосѣдки.

Мы вчера съ ней проснулись съ зарей, зарей, зарей,
Я слегка ей кивнулъ головой.

На меня посмотрѣла плутовка,

И на ручку склонилась головкой...

При послѣднихъ словахъ пѣсни раздалось уже легкое всхрапываніе сторожа.

— Эге! Уже спать!..

— Можно и кончить!

Пріятели, видя, что возложенное на нихъ порученіе исполнено, и сторожъ крѣпко спитъ, расходятся по своимъ нарамъ, предварительно зайдя къ игрокамъ.

— Играй, ребята, на пропалую!

— Теперь не бойтесь!..

Въ нѣчлежкѣ все тихо, лишь изрѣдка слышится звонъ мелкой монеты и отрывочныя фразы игроковъ.

— Ходи!

— Ремизъ!

— Тебѣ сдавать!

Да изрѣдка кто-нибудь изъ босяковъ бредитъ во снѣ: «Добрѣйшій благодѣтель, не откажите! Трое дѣтей! Жена въ больницѣ!» Или: «убей меня Богъ, ваше благородіе, не стрѣляль! Отпустите пожалуйста!»

Часу въ четвертомъ утра между игроками, повидимому наигравшимися властью и отъ безсонной ночи осовѣвшими, стали слышаться пререканія:

— Ты, куклимъ, зачѣмъ карту передернулъ? Зачѣмъ изъ-подъ низу себѣ туза подбросилъ?

— Кто? Я передернулъ?

— Да ты!

— Я тебя такъ передерну, что ты своихъ не узнаешь!

Слово за слово, началась крупная перебранка.

Забыта опасность игры, и началось побоище. Пускают въ ходъ кулаки, летятъ по назначенію въ непріятеля деревянныя изголовья, т. е. деревянныя подушки съ наръ.

Поднялся такой шумъ и крикъ, что сторожъ просыпается.

— Ну, такъ и зналъ! Опять карты! Доигрались, дьяволы!.. Этакіе анаемы!

И онъ бѣжитъ разнимать дерущихся.

Проходимецъ.

Десятый часъ утра второго лѣтняго мѣсяца.

На Валаамской пристани, у церкви Бориса и Глѣба, пароходъ «Александръ» готовится къ отплытію.

Вся пристань запружена народомъ, преимущественно богомольцами, ѣдущими на Коневецъ и Валаамъ; есть также и рабочій людъ, ѣдущій на заработки въ Кексгольмъ, Сердоболь и другіе города, лежащіе вблизи Ладожскаго озера. Публика весьма разношерстная: купцы, дамы, простой народъ и странники — кто сидитъ на пристани, кто идетъ на пароходъ, нѣкоторые ищутъ въ толпы своихъ знакомыхъ, другіе хлопчутъ надъ своимъ багажомъ, а есть и такіе, которые въ складчину посылаютъ за водкой.

Безъ четверти въ десять на пароходъ идутъ монахи изъ Валаамской часовни, находящейся напротивъ пристани. Начинается молебенъ. Искренно молятся палом-

ники, истово крестится православный людъ, и по окончаніи молебна всѣ подходятъ къ лобызанию св. Креста.

Въ толпѣ пассажировъ находится субъектъ, достойный вниманія. Это — человекъ лѣтъ тридцати, босой, въ бѣломъ длинномъ балахонѣ, на подобіе подрясника, какіе носятъ послушники Коневца и Валаама.

Съ боку у него виситъ «боковикъ», а на спинѣ — «горбовикъ». Это — извѣстный почти во всѣхъ монастыряхъ «Одея-странникъ», или, какъ его называютъ, «Одея въ бѣломъ балахонѣ». Онъ степенно стоитъ у борта парохода, сосредоточенно смотритъ на Неву, часто оборачивается въ сторону церкви Бориса и Глѣба, крестится и печально вздыхаетъ.

Пробило десять часовъ, прозвучалъ послѣдній звонокъ, пароходъ даетъ свистокъ, и стоявшій невозмутимо до сихъ поръ на рубкѣ суровый пасынокъ природы капитанъ финляндецъ отдаетъ приказаніе: «отчаливай»!

Забѣгали по палубѣ финны-матросы, пароходъ освободился отъ канатовъ и тихо, безъ всякаго колебанія, при пѣннн почти всѣхъ пассажировъ: «Спаси, Господи, люди Твоя» вышелъ кормою впередъ на средину Невы.

Съ капитанскаго мостика раздается та же спокойная команда финна въ рупортъ: «ходъ впередъ»!

Содрогнулся пароходъ, съ минуту заколебался, и пошелъ спокойно вверхъ по Невѣ, мѣрно постукивая машиной.

Пассажиры на пароходѣ разбились на группы.

Интеллигенты, военные, купцы, дамы, учащая молодежь помѣстились на верхней палубѣ, около капитанскаго мостика. Кто смотритъ на исчезающую пристань, кто любитъ искуснымъ маневрированіемъ рулевого, нѣкоторые ведутъ оживленный разговоръ о пред-

стоящемъ прибытіи въ монастырь, объ осмотрѣ его, у какого духовника исповѣдаться, и объ обратномъ возвращеніи въ Петербургъ.

Настроеніе у всѣхъ тихое, благоговѣйное, нѣкоторая радость сквозила у всѣхъ при предстоящемъ прибытіи къ святымъ мѣстамъ.

На нижней палубѣ то же настроеніе, что и наверху: осѣняетъ себя крестнымъ знаменіемъ простая сѣрая публика при проходѣ парохода мимо церквей, и восторженно смотритъ вдаль, чувствуя какую-то радость по мѣрѣ удаленія отъ Петербурга.

Послѣ безконечной сутолоки, усталый, измученный петербургскій обыватель не безъ чувства удовольствія и сердечнаго умиленія заглядываетъ въ иную сферу жизни, гдѣ на уединенныхъ островахъ подвизаются въ трудѣ и молитвѣ коневецкіе и валаамскіе отшельники.

Пароходъ проходитъ мимо Калашниковской пристани, съ ея красными каменными амбарами, мѣстность Стекланнаго завода, фабрику Паля, Наумана, Александровскій механическій заводъ, Императорскій фарфоровый заводъ, карточную фабрику, Александровскій сталелитейный заводъ, бывшій Берда, Обуховскій сталелитейный пушечный заводъ, проходитъ мило села Рыбацкаго и вступаетъ въ районъ, населенный исключительно дачниками.

Какая разнообразная панорама представляется глазамъ пассажировъ: крутые берега Невы, на нихъ дачи, окруженныя разными деревьями, плитныя ломки, вдающіяся въ рѣку острымъ носомъ, кирпичные заводы съ высокими закоптѣлыми трубами, масса барокъ съ лѣсомъ, дровами и т. п. матеріаломъ, идущимъ по Маринской системѣ черезъ Шлиссельбургъ. Ходъ паро-

хода замедляется: наступают пороги при мѣстности «Островки». Далѣе — прежній ходъ и, наконецъ, крѣпость Шлиссельбургъ. Бѣлыя каменные стѣны съ красными крышами старинной шведской крѣпости поднимаются прямо изъ воды, раздѣляя истокъ Невы на два рукава.

Послѣ получасовой стоянки въ Шлюшинѣ, пароходъ выходитъ тихимъ ходомъ, вслѣдствіе мелководья, въ Ладожское озеро и, миновавъ «Кошкинъ маякъ», даетъ полный ходъ по озеру. Здѣсь картина мѣняется. Берега пропали изъ виду. Разстилается безконечная водяная равнина, гладкая, какъ зеркало, спокойная и величественная! Небо и вода!.. Кое-гдѣ виднѣлись бѣлыя точки — это паруса судовъ, проходившихъ по озеру. Отъ воды вѣяло сыростью. Воздухъ былъ чистъ и свѣжъ; дышалось легко.

Пассажиры принимаются за утоленіе голода, кто въ буфетѣ, а кто прямо на палубѣ. Группа рабочихъ помѣстилась на носовой части парохода и пьетъ чай, изрѣдка перекидываясь словами.

— Вонъ тамъ, — говоритъ одинъ изъ нихъ, указывая рукою по направленію къ Ладогѣ, — до сихъ поръ есть борозда въ озерѣ, гдѣ Петръ I наказывалъ озеро плетью за то, что оно при плаваніи его бушевало... Такъ называется легенда полосу воды, болѣе свѣтлую, образовавшуюся на озерѣ при впаденіи рѣки Волхова въ озеро.

— Смотрите, смотрите, тюлени плывутъ! — крикнулъ кто-то изъ досужихъ наблюдателей.

И на минуту разговоры прекратились, и публика съ любопытствомъ разглядываетъ рѣдкихъ животныхъ, которыя уже далеко остались позади парохода.

Нѣсколько богомольцевъ купческаго пошиба успѣли уже изрядно отвѣдать финляндской водки. Кто поетъ духовныя стихи, а кто и пѣсни, есть даже и такіе, которые не прочь пуститься въ плясъ на качающейся палубѣ.

Среди женщинъ, пьющихъ на палубѣ кофе, сидитъ странникъ Оедя и упорно отказывается отъ предлагаемаго ими угощенія—выпить чашку кофе, мотивируя свой отказъ тѣмъ, что «кофій родился въ басурманской землѣ и собираютъ его арапы, да черныя эфіопы, а потому православному человѣку его-де пить не полагается».

Женщины, убѣжденныя доводами, завариваютъ для него лично чай и предлагаютъ Оедѣ вмѣстѣ съ разными домашними печеніями, въ изобиліи ими взятыми на дорогу; передъ нимъ ставятся: фруктовый сахаръ (такъ какъ онъ простой не можетъ употреблять, потому что, по его мнѣнію, очищенъ черезъ кости и молоко), варенье, халва, жареный миндаль и т. п. принадлежности чаепитія.

Все это онъ съ аппетитомъ уничтожаетъ, запивая чаемъ. При каждомъ стаканѣ Оедя крестится и вздыхаетъ, говоря:

— Охъ, грѣхи, грѣхи!..

Чаепитіе окончено. Оедя опять крестится и благодаритъ женщинъ, на что тѣ почти въ одинъ голосъ отвѣчаютъ ему:

— Да что ты, кормилецъ, за что благодарить-то, мы странному человѣку всегда рады помочь и угостить его!

Одна изъ женщинъ, купчиха, весьма солидной комплекціи, обращается къ нему съ вопросомъ:

— Билетикъ-то взяли-ли, странничекъ Божій?

— Нѣтъ, благодѣтельница! Еще не бралъ! Сейчасъ пойду получать! отвѣчаетъ Оедя.

— Ну, еще успѣешь, говорить купчиха, а ты куда путь держишь? опять спрашиваетъ она и, получивъ отвѣтъ, что на Валаамъ, куда-то скрывается.

Минуть черезъ пять сердобольная купчиха возвращается и, перекрестившись, даетъ Оедѣ билетъ на Валаамъ, съ обратной поѣздкой, говоря:

— На, кормилецъ, тебѣ билетикъ! Помяни въ молитвахъ твоихъ болящую Θεоктисту!..

— Это кто-же Θεоктиста-то? спрашиваетъ Оедя.

— Да я сама, родимый!.. отвѣчаетъ купчиха.

— Да что ты, мать моя! удивляется Оедя, глядя на внушительную ея фигуру.

— Какая-же болѣсть-то у тебя?

— Ожирѣла я, — отвѣчаетъ купчиха, что туша мясная стала, инда одышка беретъ, не согнуться!..

— Эко горе какое! — произноситъ Оедя, на-ка вотъ тебѣ я дамъ водицы съ Ерданя рѣки, она помогаетъ отъ жиру!.. И Оедя достаетъ изъ боковика крошечный пузырекъ съ какой-то свѣтлой жидкостью и подаетъ его купчихѣ, наставляя:

— На, родимая, пей благословясь по одной капелькѣ на чашку.

— Я женщина сырая, слабая!.. говоритъ купчиха и суетъ ему серебряный рубль.

— А судьба наслала тебя, человѣкъ Божій, а то доктора чуть съ голоду не уморили, да еще говорить, ходи больше пѣшкомъ, гуляй, значить, по городу, какъ кухарка какаянибудь... Это я-то пѣшкомъ пойду, а лошади даромъ будутъ стоять!..

Врученіе пузырька купчихѣ и совѣтъ, данный ей Ѳедей, произвели сильный эффектъ на остальныхъ богомолкѣ, что не ускользнуло отъ вниманія странника. Женщины еще тѣснѣе окружили его, и у всѣхъ почти явились недуги: у кого зубы болятъ, у кого голова, кто страдаетъ бессонницей, а у которой мужъ сильно пьянствуетъ. Видя произведенное имъ впечатлѣніе, Ѳедея окончательно вошелъ въ свою роль и, какъ говорится, съ мѣста прямо въ карьеръ пустился дурачить простоватыхъ богомолкѣ.

— Отъ зубовъ, раба Божія, я дамъ тебѣ кусочекъ древа, очень оно ужъ помогаетъ, хоть и у самого мало, а все-таки подѣлюсь съ благодѣтельницей!..

И Ѳедея достаетъ изъ боковика жестяную коробку, а изъ нея свертокъ, обмотанный и завязанный въ холстину. Тамъ оказывается кусокъ дерева, или, правильнѣе сказать, древесная труха, не совсѣмъ еще сгнившая, отламываетъ крошечный кусочекъ и подаетъ его богомолкѣ съ большими зубами, наставляя ее, какъ лѣчиться.

— Кусочекъ этотъ завяжи въ тряпочку и клади на зубы, когда спать ложиться будешь, и все какъ рукой сниметъ...

Доставъ изъ боковика пузырекъ съ масломъ, странникъ передаетъ его болящей головою, говоря:

— А тебѣ я дамъ маслица, оно взято мною въ градѣ Кіевѣ, мажь имъ голову понемногу.

Отъ бессонницы у него также имѣется средство: это какой-то корень, мандрагора, принесенный имъ якобы съ Аѳонской горы. Отъ пьянства же онъ даетъ богомолкѣ кусокъ чего-то похожаго на простую соль, объясняя, что это кусокъ соли отъ соленого столба, въ

который была превращена жена Лота, не исполнившая приказанія ангела не оглядываться во время бѣгства изъ Содома и Гомморы, и совѣтуетъ его всыпать понемногу въ водку и давать пить мужу, въ то время, когда онъ бываетъ пьянъ.

Все цѣлебныя средства взяты были богомолками съ благоговѣнїемъ, и съ великой благодарностію, при чемъ въ карманѣ у Ѳеди появилось нѣсколько лишнихъ рублей.

Купчиха, давшая ему билетъ, все время усиленно смотрѣла на Ѳедию, повидимому, желая его о чемъ-то спросить, но не желая прервать его совѣтовъ при раздачѣ лекарства; но теперь она приступаетъ къ нему съ вопросомъ:

— Рабъ Божій, а ты въ Іерусалимѣ бываль?

— Какъ-же, матушка, сподобился окаянный и водицы Ерданской попить и тебѣ, благодѣтельница, дать малую толику!..

— А гдѣ же этотъ Ерусалимъ стоитъ? Говорять, на краю свѣта?

— Что ты, голубушка, да въ Ерусалимѣ-то и есть путь земной! Это значить самая что ни на есть середина земли... пупъ этотъ каменный, насквозь земли проходить... Я самъ, грѣшный, удостоился приложиться къ нему!.. На этомъ самомъ пупѣ, золотая ты моя, и будетъ Ангель трубить на Страшный Судъ...

— А ѣхать-то туда, милый, на машинѣ, или на пароходѣ надо?

— На пароходѣ, кормилица, на пароходѣ — по Красному морю... Красное оно, раскрасное... Ъдешь это, а изъ воды то и дѣло фараоны выскакиваютъ и плывутъ за пароходомъ, а то прямо на пароходъ лѣзутъ, а сами кричатъ: добрые люди, скажите, когда

конецъ свѣту будетъ? Долго-ли намъ мучиться-то въ водѣ!.. Ну, мы отвѣчаемъ, что скоро, а матросы баграми возьмутъ, да и столкнутъ ихъ въ море—они и скроются въ пучинѣ морской...

— Да какіе же это фараоны, Расскажи, милый,— пристають къ Ѳедѣ богомолки: — ужь не тѣ-ли, что въ Питерѣ стоятъ на улицахъ...

— Ой, что вы, сестры мои... Это—фараоны, которые хотѣли догнать на морѣ евреевъ, когда они были еще Божьими людьми... Господь и потопилъ ихъ, и далъ завѣтъ — сидѣть имъ въ морѣ до конца свѣта, значить, до Страшнаго Суда. Половина-то у нихъ человѣчья, а вмѣсто ногъ—рыбій хвостъ...

— Ой! Страсти какія!—восклицають богомолки съ ужасомъ.

— Чего, чего нѣтъ на свѣтѣ!..

Надъ озеромъ между тѣмъ появились тучи, поднялся вѣтеръ, на водѣ зарябило, появились зайчики, и вскорѣ озеро показало себя во всемъ своемъ стихійномъ величій, волны хлестали въ борта парохода, подбрасываемаго то вверхъ, то внизъ. На палубѣ пассажиры стали чувствовать тошноту, многіе уже нѣсколько разъ подбѣгали къ бортамъ: ихъ рвало ежеминутно.

Знакомые намъ богомолки катались по палубѣ, оглашая воздухъ стонами и причитаніями: ой тошнехонько, ой смерть моя, Микола милосливый, отпусти душу на покаяніе.

Отъ выпитаго и съѣденнаго женщинами въ желудкахъ ихъ не осталось и слѣда, все было или за бортомъ, или же прямо на палубѣ.

На странника Ѳеодю, привыкшаго къ подобнымъ

путешествіямъ, буря особаго вліянія не имѣетъ по нѣмъ, пользуясь этимъ, а также знакомствомъ съ измѣненіями погоды на озерѣ, вновь принимается за добродушныхъ богомолокъ. — Онъ ходитъ между ними, крестится и вопіетъ: врагъ сестры мои, врагъ старается не допустить насъ до святыхъ мѣстъ, но Господь не дастъ погибнуть. Дерзайте, рабы Божіи, взгляните на меня, врагъ безсиленъ предо мною, ни одинъ волосъ не спадетъ съ главы вашей безъ воли Господа.

Буря мало по малу стихаетъ, озеро принимаетъ опять спокойный видъ, вдали виднѣются очертанія Коневца. Радуйтесь сестры мои! восклицаетъ странникъ обращаясь къ женщинамъ, ликуйте! Врагъ побѣжденъ нашими молитвами, я правду предрекалъ, что Господь не дастъ погибнуть рабамъ своимъ.

Женщины восторженно смотрятъ на него и шепчутъ: Святой человѣкъ, воистинну Божіей странничекъ.

Пароходъ приближается къ Коневцу, открывается видъ на островъ «Чаянія», отстоящій отъ Коневца саженьяхъ въ двухъ, далѣе на самомъ берегу находится скитъ «Коневской Божіей Матери» или «Владычный» наконецъ и монастырь съ бѣлыми каменными зданіями и красными крышами, окруженный со всѣхъ сторонъ кромѣ озерной громадными соснами и елями.

Пароходъ тихо причалилъ къ пристани, и всѣ пассажиры постепенно вышли и направились кто прямо въ гостинницы коихъ въ монастырѣ двѣ: каменная и деревянная, нѣкоторые же пошли въ соборъ, гдѣ начался молебенъ. Женщины, сопутствуемые странникомъ Оедей, то же вышли и у гостинницы прощаются съ нимъ, такъ какъ онъ ѣдетъ на Валаамъ, они же остаются на Коневцѣ.

— Прощай родименькій! сладкимъ голосомъ поеть купчиха, дай-ка торбочку, я положу туда кой чего подзакусить тебѣ! и она укладываетъ ему въ мѣшокъ: жестянку съ икрой, копченый сигъ, нѣсколько саяекъ и еще чего-то. Другіе женщины тоже снабжаютъ Ѳедю всякой всячиной и онъ, напутствуемый словами: помолись за насъ грѣшныхъ, вернешся на Коневецъ, не побрезгуй зайти къ намъ чайку испить, отходить отъ нихъ и спускается по лѣстницѣ въ подвальный этажъ гостиницы.

Спустившись и пройдя нѣсколько шаговъ по полутемному корридору, онъ носъ съ носомъ сталкивается съ бородатымъ послушникомъ, который, взглянувъ въ него, заливается смѣхомъ и восклицаетъ:

— Ѳедюха балахонъ! Ты ли это? Все еще бродишь! Откуда прибылъ къ стогнамъ нашимъ?

— Изъ богоспасаемаго града Питера, щедротами купеческихъ дуръ, сирѣчь купчихъ, не алкаль и не жаждалъ и сюда прибылъ! отвѣчаетъ Ѳедя. Ты тезка гдѣ живешь-то? тутъ или въ монастырѣ?

— Здѣсь, говоритъ бородачъ иди въ № 6 и ложись спать, если хочешь, а то ставь самоваръ, я скоро вернусь, и бородачъ вышелъ изъ гостиницы. Странникъ вошелъ въ келью № 6, раздѣлся, какъ дома, досталъ изъ большой коробки папиросу, открылъ трубу у печки и съ наслажденіемъ сталъ затягиваться дымомъ и выпускать его въ трубу. Накурившись онъ взялъ стоявшій самоваръ и направился съ нимъ въ кубовую, гдѣ готовится кипятокъ, налилъ его кипяткомъ, наложилъ изъ печки горячихъ углей и когда самоваръ закипѣлъ, понесъ его обратно въ келью, гдѣ взялъ со стола чайницу, заварилъ чай и развалился въ ожида-

даніи послушника на кровать. По всѣмъ дѣйствіямъ его видно было, что онъ не первый разъ здѣсь, и чело­вѣкъ свой.

Бородачъ-послушникъ вернулся скоро, и видя, что самоваръ готовъ, толкнулъ задремавшаго странника.

— Садись, Ѳеодюха! Лакай чай, сколько душѣ угодно, да нѣтъ-ли табачку у тебя?

— А то какъ же? да не табакъ а пшеничныя папиросы! И странникъ досталъ коробку и подалъ ее бородачу.

— Эге братъ! да у тебя и пшеничныя водятся удивился послѣдній.

— Это еще не все! а хочешь, я тебя угощу сигомъ копченымъ да икрой съ саячкой, а то вѣдь вамъ черноризцамъ просфорки-то поди, надоѣли — и странникъ принялся выгружать на столъ весь транспортъ провіанта, взятый отъ женщинъ богомолокъ.

Странникъ и послушникъ изрядно закусивши и напившись чаю, улеглись спать. Передъ самымъ сномъ странникъ предупредилъ бородача.

— Ты смотри тезка не дай проспять, буди завтра къ отходу парохода, я на Валаамъ путь держу.

— Какъ такъ удивился послушникъ, а у насъ развѣ не останешься? Оставайся-ка, братъ, лучше!

— Ой нѣтъ, не могу, возмутился странникъ, тамъ вѣдь завтра праздникъ, я братъ, такой фортель выкину, что ты только ахнешь.

На другой день разбуженный странникъ напившись чаю и плотно поѣвши, отправился на пароходѣ, который отчалилъ отъ Коневца въ 7 ч. утра на Валаамъ.

Всю дорогу отъ Коневца до Валаама странникъ Ѳеодя упорно молчалъ и избѣгалъ публики. По прибы-

ти на Валаамъ, при выходѣ пассажировъ съ парохода, въ толпѣ сталъ слышенъ плаксивый голосъ.

— Рабы Божіи, православны е, Христа ради, сведите съ парохода слѣпенькаго странника.

Это былъ Оедя. Онъ стоялъ по среди палубы парохода. Глаза его хотя и были открыты, но зрачковъ не было видно: видны были однѣ бѣлки, Просить долго не пришлось: нашлись добрые люди, которые подхватили его подъ руки и стали выводить съ парохода, спрашивали: не проводить ли тебя до гостинницы, а то ты заблудишься.

— Пожалуйста! молился Оедя: не оставьте, слѣпенькаго! Богъ васъ не оставитъ за это.

И сопровождаемъ сердобольнымъ провожатымъ, онъ направился въ гостинницу. На пути слѣдованія его въ гостинницу, со стороны многихъ богомольцевъ посыпались ему пожертвованія, мѣдными и серебряными монетами. Придя въ гостинницу, Оедя досталъ немного чаю и попросилъ въ общей чайной заварить ему. И здѣсь нашлись добрые люди, которые не только не взяли отъ него чая, но заварили ему своего и хорошо угостили его провизіей.

При первомъ ударѣ монастырскаго колокола ко всеобщей — Оедя, сопровождаемый тѣми же добрыми людьми, подошелъ къ собору, положилъ три земныхъ поклона и сталъ на колѣни на паперти собора, но сталъ такъ, что сидѣлъ на икрахъ своихъ ногъ. Въ рукахъ у него появилась деревянная крашеная чашка, съ которой онъ и окаменѣлъ въ избранной позѣ. Только потому и видно было, что живой человекъ — по его поклону. Чтобы всѣ прохожіе видѣли, что онъ слѣпой, голова его была откинута немного назадъ. Посыпались

доброхотныя пожертвованія въ чашку слѣпного, безмолвно сидѣвшаго и кланявшагося. И только въ промежуткахъ, когда не было слышно близко шаговъ прохожаго—онъ мигаетъ и зрачки появляются только для того, чтобы выгрузить изъ чашки въ карманъ. И опять та же безмолвная поза. По окончаніи всеобщей, когда всѣ вышли изъ собора, раздался опять голосъ:

— Рабы Божіи! Помогите Христа ради, слѣпенькому странничку дойти до гостинницы? Приведенный въ гостинницу, онъ улегся спать.

На другой день, рано утромъ, за ранней обѣдней, а затѣмъ и за поздней обѣдней, та же исторія, что и вечеромъ за всеобщей. Тѣ же плаксивые слова: приведите слѣпенькаго странничка! И то же сидѣніе у собора. На другой день въ пять часовъ вечера, проведенный добрыми людьми на пароходъ, Федя отправился опять на Коневецъ. Увидя Коневецъ, онъ продаетъ одному изъ пассажировъ обратный билетъ, данный купчихой въ Петербургъ, и выходитъ снова на Коневецъ зрячимъ. На Коневцѣ многимъ послушникамъ было извѣстно, что онъ сидѣлъ слѣпымъ у собора, на Валаамѣ, изъ-за чего между ними даже происходилъ споръ.

— Какъ же такъ? На Коневцѣ былъ зрячимъ, а на Вааламѣ слѣпымъ.

По выходѣ съ парохода, Федя отправился въ нижнюю келью, № 6, гдѣ бородачъ-послушникъ встрѣтилъ его громкимъ смѣхомъ.

— Ну, братъ, и фруктъ же ты? Какъ же тебя угораздило ослѣпнуть на Валаамѣ?

— Я-жъ тебѣ говорилъ, отвѣчаетъ странникъ, что выкину фортель! Вотъ и выкинулъ! Для того и ослѣпъ,

что за всенощной десять цѣлкачей накидали православные, да за двумя обѣднями—семнадцать цѣлкачей.

— Молодецъ! Говорилъ бородачъ.

— А теперь куда пойдешь?

— А ты вотъ что, тезка, отвѣчаетъ странникъ, не разбудишь ли меня сегодня, часика въ два ночи!

— Это куда тебя нелегкая понесетъ въ такое время? Когда весь монастырь спитъ!

— А потомъ увидишь!

Въ два часа ночи странникъ, разбуженный послушникомъ, взявъ свой горбовикъ и отправился на монастырскую косу, къ маяку, гдѣ онъ высыпалъ въ озеро разный хламъ, тряпье и бумагу, и вмѣсто этого наложилъ туда разныхъ каменьевъ, крупнаго и мелкаго булыжника и вернувшись въ келью, улегся спать, вставши утромъ, напившись чаю, онъ надѣлъ на спину горбовикъ съ камнями, чѣмъ не мало удивилъ послушника.

— И чудакъ-ты человѣкъ! Удивлялся послушникъ. Чего ради это ты наворотилъ каменьевъ-то? Ужъ взялъ бы лучше Конь-камень, вмѣстѣ съ часовней, да въ горбовикъ-то и запряталъ!

— Ладно, братъ, не смѣйся, раньше времени! Оедьку не обманешь! Оедька знаетъ, что дѣлаетъ! И онъ отправился къ обѣдни.

Подойдя къ собору, и не снимая горбовика съ плечъ, онъ положилъ нѣсколько земныхъ поклоновъ, и вошелъ въ соборъ, гдѣ также помолился, и сталъ по близости къ женщинамъ, съ лѣвой стороны собора. Всю обѣдню онъ, повидимому, искренно молился, ежеминутно кладя земные поклоны.

Въ концѣ обѣдни, онъ ловкимъ движеніемъ сбросилъ нижнюю лямку горбовика, вслѣдствіе чего, гор-

бовикъ сорвался съ плечъ и стукнулся о каменный полъ собора, произведя громкій стукъ и трескъ камнями.

Стоявшія вокругъ все женщины богомолки, и безъ того за нимъ наблюдавшія, вопросительно переглянулись между собой. Одна изъ нихъ, ради любопытства, подошла къ нему и со словами.

— Дай помогу, странничекъ, мѣшечекъ приподнять! Взялась за мѣшокъ, да такъ и присѣла отъ изумленія. Странникъ вскинулъ мѣшокъ обратно на плечи, а женщина, отойдя отъ него, смотрѣла на него вытаращенными глазами, шепча!

— О, Господи! Да въ мѣшкѣ-то пудиковъ пять!

И въ толпѣ женщинъ богомолкокъ послышался сдержанный разговоръ. По окончаніи обѣдни и молебна, не успѣлъ Ѳедя выдти изъ собора, какъ уже былъ окруженъ толпой женщинъ, которыя засыпали его вопросами.

— Рабъ Божій! Да ты бы мѣшочекъ-то снялъ! Чего ты его носишь!

— Грѣхи, благодѣтельницы, грѣхи ношу! Даль заклятіе Господу, что не сниму его пока не умру!

— О, Господи! Вздыхали женщины.

— Ну, и святъ челоуѣкъ!

— Коли Господь силу такую посылаетъ!

— И терпѣніе!

И щедрыя денежныя пожертвованія посыпались къ нему со всѣхъ сторонъ. Добродушныя женщины тащили каждая въ свой номеръ, попить чайку.

Но онъ на отрѣзъ отказался отъ этихъ замачивыхъ предложеній.

Ѳедя прямо направился къ знакомымъ ему богомолкамъ, ѣхавшимъ съ нимъ изъ Петербурга на Конне-

вещь, не преминувши, во время обѣдни, вынуть просфору—о здравіи рабы Божіей Оеоктисты. Войдя въ номеръ купчихи, онъ степенно снялъ скуфью, нѣсколько разъ перекрестился на образъ и со словами:

— Здрава будь, мать моя! грузно опустился на стулъ, не снимая горбовика съ камнями.

Купчиха, слышавшая о его подвигѣ въ соборѣ, не мало удивилась. Какъ же такъ? Она не замѣтила что въ горбовикѣ у него камни, ѣхавши съ нимъ всю дорогу на пароходѣ!

— Садись, святой человѣкъ! Сейчасъ чайку поъемъ!.. Засуетилась купчиха. Во время чаепитія она все время смотрѣла на странника и на горбовикъ.

— Рабъ Божій! объясни пожалуйста мнѣ, окаянной, какъ же на пароходѣ-то? Вѣдь, мѣшокъ-то, кажется, былъ легонькій! Анъ тутъ камни!..

— Не дано было тебѣ прозрѣть тогда! Съ паѳосомъ отвѣтилъ странникъ:

— Закрыты были очи твои духовныя!

Молись Творцу небесному! Прозрѣла еси!..

Купчиха, все время смотрѣвшая на него, заморгала глазами, и ни съ того, ни съ сего, вскочивъ со стула, бухъ ему въ ноги!..

— Прости меня, окаянную за то, что усумнилась я!.. Рыдала она.

— По невѣрію своему, мнѣ на пароходѣ показалось, что онъ легонькій!.. Во истинну врагъ смутилъ меня тогда!..

— Не мало трудовъ стоило страннику поднять на ноги и успокоить рыдающую купчиху.

Напившись чаю и сообщивши ей, что онъ отправляется въ Финлядію, онъ распростился съ нею, при

чемъ заполучилъ отъ нея на дорогу пять золотыхъ, да кромѣ того, еще—на молитвы о здравіи рабы Божіей Оеоктисты.

Съ первой же отходящей монастырской лодкой Оедя переправился на финскую сторону, на станцію Чертова лахта, и оттуда пѣшкомъ, предварительно высыпавши камни изъ мѣшка, поплелся къ русской границѣ. Перейдя русскую границу, онъ зашелъ на бутылочной заводъ, къ одной купчихѣ, благотворительницѣ, гдѣ паломники имѣютъ пріютъ-ночлегъ и получаютъ на дорогу по нѣскольку копѣекъ. Придя туда, онъ направился прямо въ кухню, перекрестился на образъ и поздоровался съ дворней.

— А что благодѣтельница-то дома?

Нѣтъ, странничекъ, отвѣтили ему: самой нѣтъ, а сынъ дома!

— Ну, слава Тебѣ, Господи! А повидать-то можно его?

— Можно! Только онъ теперь отдыхаетъ! Вотъ проснется, мы доложимъ, а ты посиди пока тутъ! Да не хочешь ли поѣсть, рабъ Божій?

— Слабъ, милые мои, немощью! Взалкалъ въ дорогѣ!..

И странникъ усѣлся за обѣдъ. Всего было наставлено въ изобиліи. Послѣ обѣда, въ ожиданіи самого, т. е. сына хозяйки, онъ пустился въ бесѣду съ прислугой, и въ какой нибудь часъ овладѣлъ симпатіями своихъ слушателей.

— Ты, рабъ Божій, говорятъ ему: самого-то увидишь, да и самое-то повидай: добрая она очень!..

— А какъ ее зовутъ?

— Ольга, голубчикъ, Ольга!..

— Спаси васъ, Господи!.. А нельзя ли немножко мнѣ погулять сходить?

— Да Христось съ тобой! Иди, куда хочешь! Вотъ поди-ка ты въ садъ! Тамъ смородины поѣшь! У насъ, слава Богу, ея вдоволь!..

Странникъ, не торопясь, вышелъ въ садъ, подошелъ къ кусту смородины, и видя, что никого поблизости нѣтъ, вынулъ изъ боковаго мѣшка двѣ просфоры и карандашемъ на нижней сторонѣ написалъ: о здравіи рабы Божіей Параскевы, владѣтельницы завода, а на другой просфорѣ—о здравіи Василя и Ольги—сына и жены сына. И моментально спряталъ просфоры обратно. Поѣвши смородины, онъ вернулся обратно въ людскую, куда вскорѣ пришелъ и хозяйскій сынъ.

Странникъ поднялся, подошелъ къ хозяину, поклонился въ поясъ и промолвилъ:

— Будь здоровъ, милостивецъ! Богъ милости тебѣ прислалъ! Не побрезгуй просфорочкой! Изъ монастыря принеси!.. Одна—о здравіи твоей матушки благодѣтельницы, а другая о тебѣ съ супругой!.. И онъ подалъ ему двѣ просфоры.

— Спасибо, голубчикъ! Отвѣтилъ хозяинъ.

Обѣдалъ ли ты?

— Обѣдалъ, благодѣтель! Доволенъ щедротами твоими.

— Куда идешь ты теперь?

— На Аѳонъ, благодѣтель!

— Охъ, какъ далеко! Далече, вѣдь, идти-то!

— Съ Божіей помощью, благодѣтель, да съ радѣніемъ Христолюбивцевъ добреду! Господь умудряетъ неимущихъ! Смиренно сказалъ Ѳеодя.

— Ну, пооди отдохни! А завтра съ Богомъ! Гнать не гоноу, и держать—не держу!

— Благодѣтель, а супругу-то дай повидать! Молиться-то о здравіи молился, а въ очи-то ее не видалъ!..

— Можно! Усмѣхнулся хозяинъ, и вышелъ изъ людской. Черезъ минуту вошла въ людскую молодая дама, въ которой онъ сразу узналъ хозяйку.

— Здравствуй, голубчикъ! Произнесла она. Какъ тебя Богъ донесъ! Спасибо тебѣ за просфору! Куда путь держишь?

— На Аѳонъ, благодѣтельница! На Аѳонъ, золотой глазокъ!..

— Какъ же ты дойдешь! У тебя и сапогъ-то нѣтъ? Да и бѣлье-то! есть ли у тебя?

— Бѣльишко-то есть, да истлѣло, родимая. А сапоги-то злые люди на дорогѣ сняли!

— Ну, какъ-нибудь устроимъ! Отвѣтила молодая женщина, видимо жалѣвшая Ѳедю. И вышла изъ людской.

Вечеромъ наѣлся Ѳедя до-отвала, угощаемый чуть ли не всей прислугой. И завалился на сѣновалѣ спать.

На другой день, рано утромъ, онъ всталъ, вошелъ въ кухню, умылся, вытерся чистымъ полотенцемъ и усѣлся за готовый самоваръ. Напившись чаю, онъ заявилъ, что слѣдуетъ поблагодарить благодѣтелей.

— Сейчасъ доложу! Сказала юркая дѣвченка, и выбѣжала изъ кухни. Ѳедя остался одинъ на одинъ съ кухаркой, которая видя, что никого нѣтъ, сунула ему двугривенный и шепнула:

— Какъ выйдешь отъ насъ, въ саду узель лежить: тамъ я тебѣ ѣды положила!

Спаси тебя, Господи! Успѣлъ промолвить Оедя, какъ въ кухню вошелъ хозяинъ съ женой.

— Спасибо вамъ, благодѣтели! И бухъ имъ въ ноги: что призрѣли страннаго человѣка! Господь васъ не оставитъ за это! Блаженни милостивій, яко ти помилованы будутъ!

— Не стойтъ, голубчикъ! Спасибо тебѣ за молитвы твои о насъ и за просфорки...

И хозяинъ подаль ему два золотыхъ.

— А это вотъ отъ меня! Сказала молодая женщина. И подала ему порядочный узелъ бѣлья.

А вотъ тебѣ и сапоги! Примѣрь-ка ихъ, годятся ли.

Странникъ напялилъ сапоги, которые пришились ему по ногѣ, взялъ узелъ и ушелъ.

Выйдя изъ кухни, захватилъ объемистый узелъ, лежащій въ кустахъ, спрятанный кухаркой, и тихо спустился подъ гору—на постоялый дворъ. Войдя туда, онъ первымъ дѣломъ заказалъ себѣ чаю, сбѣгалъ въ винную лавку, купилъ полуштофа водки, которую и распилъ всю на постояломъ дворѣ, закусивши кухаркинымъ подааніемъ.

Расплатившись за чай, онъ нанялъ подводу, усѣлся и покатилъ въ сторону Петербурга, лихо заломивъ скуфью на бокъ и, крикнувъ! ну, прощай Оедя-странникъ! Теперь будешь ты Оедоромъ Матвѣичемъ!..

Вечеромъ онъ былъ уже въ русской деревушкѣ, Вертемяги, по Кексгольмскому шоссе.

Расплатившись съ возницей-чухонцемъ, онъ направился къ стоявшей на краю деревни избѣ, постучалъ въ запертую дверь, которую ему отворила женщина пожилыхъ лѣтъ.

Отворила и остолбенѣла:

— Батюшка, мой свѣтъ! Оедоръ Матвѣевичъ! да ты ли это?

— Я Евстигнѣвна! Отвѣчалъ странникъ: принимай гостя!

— Охъ, садись, желанный! Засуетилась баба: садись, родимый! Я тебѣ сейчасъ селянку сдѣлаю!

— Это дѣло! А ты бѣги скорѣй за водкой!

— Сколько брать-то, желанный?

— Валяй полведра, Евстигнѣвна!

— Не много ли будетъ?

— Зови скорѣй, парней да дѣвокъ, еще не хватить! Хочу душу отвести! На Валаамѣ былъ да на Коневцѣ, даже одурь нашла отъ поста да отъ поклоновъ!..

Черезъ полчаса вернулась хозяйка въ сопровожденіи цѣлой ватаги парней и дѣвокъ. Началась веселая попойка. Парни, во главѣ со странникомъ и Евстигнѣвной, пили водку. Дѣвки—медъ и пиво.

— Только и слышно было.

— Оедоръ Матвѣевичъ!

— Оедоръ Матвѣевичъ!

— Мы Оедоръ Матвѣича разуважимъ.

Дѣвки визжали:

— У насъ на селѣ и парня нѣтъ такого, какъ Оедоръ Матвѣевичъ!

Парни, въ свою очередь горланили:

— Да мы за Оедора Матвѣевича душу отдадимъ!

— А хошь, наступалъ одинъ парень на другаго: только молви слово Оедоръ Матвѣичъ: сейчасъ нашему старостѣ въ морду дамъ!..

— Эхъ, чѣмъ хвастаешься! возражаетъ другой парень: староста!.. Да, что староста за шишка важная!

Прикажи только Федоръ Матвѣевичъ! Я не старостъ, а уряднику прямо въ ухо заѣду!..

— Ну, полно вамъ спорить-то, дураки!

Вѣдь, я знаю, что вы меня любите всѣ! А вотъ, дѣвки, спойте-ка пѣсню, а то прямо хороводъ заведите!..

Парни и дѣвки становятся въ хороводъ, начинается пѣніе. Слышно визжаніе дѣвокъ и крики парней.

Веселье продолжается далеко за полночь. Три дня погулялъ Федя въ Вартемякахъ, и не мало денегъ просорилъ. На четвертый день мужики видѣли, какъ Федя взваливъ свою котомку на спину, поплелся по шоссе и скрылся изъ деревни...

Журавликъ.

Въ ночлежку, называемую босяками домомъ графа Морковкина, ввалился высокаго роста дѣтина съ загорѣлымъ лицомъ, съ длинными волосами, въ остроконечной шапочкѣ, съ посохомъ въ рукѣ, съ подвѣшаннымъ «боковикомъ» съ лѣвой стороны, съ кожаной сумкой съ правой и съ «горбовикомъ» на спинѣ. Одѣтъ онъ въ старое поношенное пальто, въ сапогахъ съ высокими голенищами. Длинные русые волосы падали на плечи. На ручкѣ посоха съ желѣзнымъ наконечникомъ вырѣзана фигура журавля—символь его странствованія. Вся фигура его изобличала въ немъ вѣчнаго странника, скитальца.

Прохожій, встрѣтивъ его на улицѣ, останавливался, кидываль его взглядомъ съ ногъ до головы, оборачи-

вался и невольно думалъ: вишь ты, какой странный человѣкъ. Простонародье видѣло въ немъ «человѣка Божьяго».

Приходъ странника въ ночлежку обратилъ на себя вниманіе босяковъ.

— А, журавликъ, здравствуй! Опять въ Питеръ пожаловалъ!

— Здравствуйте, братцы! Счастья нѣтъ на землѣ, а есть покой и движеніе... Я избралъ послѣднее, а потому странствую по бѣлу свѣту, пока ноги таскаютъ... Можетъ быть, и умру въ дорогѣ...

— Братцы, Журавликъ пришелъ!..

— Журавликъ, Журавликъ...

— Кто онъ такой?

— Какъ? Ты Журавлика не знаешь?

— Чѣмъ онъ замѣчательнъ?

— Человѣкъ не отъ міра сего!...

— Что въ немъ особеннаго?

— А развѣ не вѣдомо тебѣ, что онъ сорокъ разъ обошелъ кругомъ Ладожскаго озера...

— Зачѣмъ это?

— Посѣщая монастыри! Бываль нѣсколько разъ на Валаамѣ, на Коневцѣ, былъ у Александра Свирскаго...

— Вотъ оно что!.. Сорокъ разъ кругомъ Ладожскаго озера!..

Журавликъ взялъ билетъ изъ кассы и пристроился на нарахъ.

— Да, Господь Богъ опять сподобилъ меня въ Питерѣ побывать...

Босяки окружили странника.

Ну-ка, человекъ Божій, рассказывай намъ, гдѣ ты бывалъ?

— А вы лучше спросите-ка, братцы, гдѣ я не былъ...

— Вотъ такъ молодецъ!..

— Въ Кіевѣ бывалъ, въ Москвѣ, въ Пермскія страны нѣсколько разъ хаживалъ на поклоненіе великому чудотворцу сибирскому, Симеону Верхотурскому... Ладожское озеро вдоль и поперекъ исходилъ... Сорокъ разъ кругомъ его обошелъ... Полюбилось оно мнѣ очень, мрачное, угрюмое, величественное...

— Стало быть, и въ чухонщинѣ бывалъ, въ Финляндіи?

— А то какъ же!..

— Принимаютъ странниковъ-то?

— Ничего, впускаютъ, меня все знаютъ... Тамъ, братъ, замковъ нѣту, входи смѣло въ избу ночевать и ложись, если даже и хозяина нѣтъ... Хозяинъ придетъ съ полевыхъ работъ, увидитъ въ своей избѣ спящаго странника—не побезпокоитъ... дастъ выспаться, а на утро майдо, т. е. молоко предложитъ... Кто остался въ избѣ ночевать, того не бойся, говоритъ чухонецъ... Худой человекъ украдетъ и прочь уйдетъ...

— А гдѣ ты лѣтось пропадалъ, Журавликъ?

— На Волгѣ былъ, братцы!

— На Волгѣ?...

— Да, на матушкѣ Волгѣ, въ Саратовѣ, Казани, Нижнемъ-Новгородѣ... Важная рѣка!...

— Ну, что тамъ много нашего брата?

— Босой-то команды? Непочатый край!... Все больше по городамъ ютятся!

— Эге! И на Волгѣ есть нашъ братъ!

— Въ Саратовѣ извѣстны «голахи»!

— Ха-ха-ха! Ловко прозвали, голые, значить?

— Нѣтъ, не оттого.

— А отчего же?

— Въ Саратовѣ, на Нижнемъ базарѣ, есть огромный каменный домъ купца Голахова. По смерти самого хозяина, домъ пришелъ въ упадокъ. Наслѣдники не могли держать дома въ порядкѣ, а потому разбили его на множество мелкихъ квартиръ и сдаютъ ихъ бѣднякамъ по дешевой цѣнѣ. И вотъ весь бѣдный людъ, который ютится и ночуетъ въ этомъ домѣ, носитъ по фамиліи домохозяина прозвище голаховъ.

— Вотъ такъ голахи!

— Въ этомъ домѣ есть такіе голыши, что въ теченіи всей зимы и ходу никуда не знаютъ, за исключеніемъ развѣ трактира и винной лавки, и всю зиму сидятъ дома, чуть-ли не въ костюмѣ Адама...

— Не въ чемъ, значить, выйти на улицу?

— Да. А между тѣмъ голахъ очень доволенъ своею судьбою и лучшаго себѣ ничего и не желаетъ!..

— Одичаль человѣкъ значить!

— Чего мнѣ надо? Чего мнѣ не достаетъ? спрашиваетъ самъ себя голахъ.

— У меня все есть! А чего нѣтъ, такъ вотъ настанетъ вечеръ, придетъ ко мнѣ «душенька» и принесетъ всего вволю—и пива, и водки и закуски!..

— Діогены, по нынѣшнимъ временамъ!

Діогены—только подневольные!... Зиму «душенька» меня прокормитъ, говоритъ голахъ, а лѣтомъ я ее кралей одѣну... Она всю зиму съ утра до вечера «стрѣляетъ», и со мною дѣлится добычей, а лѣто настанетъ, ужъ я ее буду кормить...

— Чѣмъ промышляютъ голахи лѣтомъ?

— А партиями, человѣка по четыре, по пяти, слоняются по пристонямъ Волги и объегориваютъ простонародье, мужиковъ, работающихъ на пристаняхъ, предлагая имъ поиграть въ карты, въ черную и красную... Затаскиваютъ прїѣзжихъ мужиковъ въ свои притоны, опаиваютъ водкой и выворачиваютъ у своихъ жертвъ карманы. А когда мужикъ проснется, то видитъ, что лежитъ гдѣ-нибудь на берегу Волги, подъ открытымъ небомъ!

— Вишь, шельмецы!..

— Есть въ Саратовѣ еще зимогоры, повѣствоваль Журавликъ собравшимся вокругъ него босякамъ, которые съ интересомъ слушали про житье-бытье людей, такихъ же, какъ и они сами.

— Это что за птицы?

— Это—другого поля ягода, чѣмъ голахи! Голахи—плуты, мазурики, такъ и норовятъ ограбить кого-нибудь... Лишь завидятъ гдѣ-нибудь, что плохо лежитъ, у нихъ ужъ брюхо болить!... А зимогоры—честный народъ... Среди нихъ встрѣчаются такіе здоровенные парни и мужики, что силы хоть отбавляй... Иной зимогоръ 10 пудовъ пронесетъ на себѣ и не крякнетъ.

— Какъ же они попали сюда, такіе силачи?

А видишь-ли, они работали лѣтомъ у подрядчиковъ на пристаняхъ, нагружали пароходы, и по слабости къ вину не сберегли изъ заработанныхъ денегъ даже на проѣздъ къ себѣ на родину. Иногда случается, что при окончательномъ расчетѣ подрядчикъ улизнетъ и оставить рабочихъ на произволь судьбы, безъ гроша денегъ. По неволѣ приходится зимовать.

— Бѣдные!

Есть въ Саратовѣ Верхній базаръ. Вотъ туда, ни

свѣтъ, ни заря, выходятъ зимогоры и предлагаютъ по-купателямъ свои услуги—донести покупку до дома. Чтобы дать возможность бѣдному человѣку заработать на кусокъ хлѣба, многія покупательницы и нанимають зимогоровъ, какъ носильщиковъ. Нѣкоторые зимогоры—силы необыкновенной. Въ былое время предки ихъ, поди-ка, числились въ шайкѣ Ермака Тимофѣевича, или Стеньки Разина.

— А теперь простые носильщики, выючныя животныя! сказалъ кто-то.

— А въ Казани есть нашего брата?

— Въ Казани золотая рота ютится въ домѣ купца Журавлева, и ночлеги бесплатно.

— Вотъ лафа-то! Бесплатный ночлеги.

— А злѣсь, въ Питерѣ за свой пяточокъ едва достанешь мѣсто, гдѣ голову приклонить.

— Ну такъ что-жь? Поѣзжай въ Казань ночевать!

— Ха, ха, ха! засмѣялись босяки.

— И между тамошними босяками нѣтъ ничего обиднѣе прозвища Журавлика.

— Это отчего?

— Тамъ мнѣ случилось слышать такого рода разговоръ:

— Я тебя и за человѣка-то не считаю! Какой ты человѣкъ?

— А кто же я по твоему?

— Вѣдь ты журавликъ.

— Это почему?

— А потому, что ночуешь бесплатно въ домѣ купца Журавлева.

— Стало быть, Журавликъ, твое прозвище оттуда?

— Нѣтъ, братцы, меня такъ прозвали за мой

скитальческій образъ жизни. Вѣдь я непосѣда! Скучно жить на одномъ мѣстѣ. Такъ и тянетъ куда нибудь.

Все движется на свѣтѣ, и солнце, и звѣзды, и земля, на которой мы живемъ. А камень лежитъ на мѣстѣ и обростаетъ мохомъ!...

Настала пауза. И Журавликъ сталъ продолжать свое повѣствованіе о волжскихъ босякахъ.

— А въ Нижнемъ-Новгородѣ, братцы, тяжелой обидой считается среди бѣдняковъ прозвище «кусочника»! Ты развѣ порядочный человѣкъ? Нѣтъ! Ты — кусочникъ: ночуешь въ ночлежномъ домѣ Бугрова, вечеромъ отъ него же получаешь кусокъ чернаго хлѣба, а по утрамъ опять идешь къ нему-же на домъ и берешь фунтъ хлѣба. Этимъ только и сытъ!

— Однако, этотъ Бугровъ, должно быть, добрый человѣкъ! Кто онъ такой?

— Э! Бугрова не знаешь? Извѣстный хлѣбопромышленникъ въ Нижнемъ и въ Питерѣ.

— Стало быть, и на Волгѣ есть много босяковъ.

— Да, и не мало добрыхъ людей, которые не забываютъ нашего брата.

— Ну, братцы, не пора-ли и опочивъ держать! сказалъ Журавликъ и сталъ собираться спать.

Стрѣлки.

Утро въ ночлежномъ домѣ...

— Эй, милліонщики! Вставайте!..

— Пора стрѣлять идти!

- Сегодня суббота!..
- По субботамъ подають!..
- Сережа! Вставай... Вишь, разнѣжился, точно графъ какой...
- Тепло здѣсь и не дуетъ...
- Пойдемъ публику накаливать, Сережа!
- У меня, братцы, сегодня «стойка»!..
- А я сяду «на якорь»!
- Я пойду «ходомъ»!
- А я «вкруговую»!..
- А мы съ тобой, Сережа, какъ?
- Пойдемъ по знакомымъ мѣстамъ — благодѣтелей объегоривать...
- Ладно!..
- А ты, дѣдко, куда?
- Извѣстно куда! Къ церковнымъ дверямъ — въ притворѣ!... Къ Миронію... Пятнадцать лѣтъ тамъ стою... Благочестивые богомольцы подають... Отворишь двери-то, глядишь, копѣечку въ руку и суютъ...
- И не просишь?
- Нѣтъ, сами подають!.. Догадываются...
- Вишь, старый хрѣнь, мѣсто-то какое имѣешь!..
- Доходное!..
- И фараоны не заберутъ!..
- Благочестивое мѣсто...
- Чего лучше? При храмѣ Божьемъ...

Формы прошенія милостыни у петербургскихъ нищихъ весьма разнообразны. Самый невинный способъ это — стоять у церковныхъ дверей и отворять ихъ, когда въ церковь идетъ богомольецъ. Обыкновенно, у церковныхъ дверей стоитъ какой-нибудь благообразный сѣдой старичекъ, который чрезвычайно услужливо отво-

ряеть двери каждому прохожему, идущему въ церковь, или выходящему изъ нея. Конечно, кто подагадливъе, тотъ пойметъ, что услужливость старичка требуетъ подачки. И благочестивые богомольцы подаютъ ему копѣчку. Благообразный старичекъ одною рукою отворяетъ двери, а другою собираетъ копѣчки за свою небольшую услугу. Конечно, много разъ ему приходится отворять двери и даромъ, но нѣтъ-нѣтъ, да кто-нибудь и подастъ копѣчку...

Стойкой на жаргонѣ босяковъ называется такой способъ прошенія милостыни, когда нищій стоитъ на одномъ мѣстѣ, гдѣ нибудь около забора, чтобы городской не видалъ, въ какомъ нибудь укромномъ мѣстѣчкѣ. Это самый обыкновенный способъ прошенія милостыни. Мѣста на церковныхъ папертяхъ всегда бываютъ заняты старыми опытными нищими. Если кто придетъ изъ новичковъ, или изъ молодыхъ, то его не пускаютъ и гонятъ прочь: «Проваливай! Здѣсь и безъ тебя тѣсно»!

Въ противоположность *стойкѣ*, *ходомъ* означаетъ идти, куда глаза глядятъ, и выпрашивать милостыню у встрѣчныхъ прохожихъ.

Сѣсть на якорь значить просить милостыню, сидя на голой землѣ, а зимою на снѣгу, притворяясь безногимъ или безрукимъ калѣкой, или глухонѣмымъ. Иногда нищій опускается на колѣни, передъ собой на землю кладетъ шапку, а въ шапку для почина—копѣйку денегъ. Всякому мимоидущему прохожему онъ молчаливо кланяется и крестится. Чтобы «сѣсть на якорь», отъ нищаго требуется смѣлость и умѣнье хорошо притворяться. Сидя на якорѣ, легко можно попасть въ руки городского.

Круговая бывають въ субботу, когда нищі обходятъ безъ разбора всѣ лавки и просятъ милостыню у всѣхъ православныхъ христіанъ. Суббота—праздникъ нищихъ, говорятъ босяки. Нѣтъ такой лавки или торговаго заведѣнія, гдѣ бы нищимъ отказывали по субботамъ. За то въ остальные дни недѣли многіе имъ отказываютъ, говоря:

— У насъ по субботамъ подаютъ!... Не прогнѣвайтесь!...

Нѣкоторые богатые люди оказываютъ помощь бѣднымъ, которые приходятъ къ нимъ за подачкой по субботамъ. Этотъ способъ прошенія милостыни у босяковъ называется *по знакомымъ мѣстамъ*.

Наконецъ, за городомъ, по деревнямъ нищі собираютъ милостыню натурой, т. е. хлѣбомъ; куски хлѣба они кладутъ въ холщевый кошель, повѣшенный съ боку; такой кошель называется *боковикомъ*. Если боковикъ наполнился кусочками хлѣба, то нищій складываетъ эти кусочки въ большой мѣшокъ, взваливаетъ его на спину и несетъ куда-нибудь на продажу: такой мѣшокъ называется *горбовикомъ*. Кусочки хлѣба, набраннаго по міру, продаются, напримѣръ, по 1 копѣйкѣ за 1 фунтъ.

Словно пчелы изъ улья, выходятъ босяки изъ ночлежнаго дома на работу—стрѣлять. Разбрелись кто куда. Сережа съ Мишкой бодро шагаютъ по улицѣ вдвоемъ. У Мишки въ рукахъ былъ большой холщевый мѣшокъ. Сережа былъ въ пиджакѣ, но безъ рубашки: пиджакъ былъ надѣтъ прямо на голое тѣло. Отправляясь «стрѣлять» по знакомымъ мѣстамъ, онъ нарочно снялъ съ себя рубашку и оставилъ ее въ ночлежкѣ.

— Зачѣмъ ты это, Сережа, сдѣлалъ!

— Чтобы больше подавали!

— Развѣ безъ рубахи-то больше подаютъ?

— Вѣстимо! Я стану просить рубаху!.. Вотъ увидишь, сколько мы рубахъ настрѣляемъ!..

Пошли они на Петербургскую сторону, къ одной знакомой благодѣтельницацѣ, купчихѣ. Она была вдова и охотно помогала бѣднымъ. Мишка съ мѣшкомъ остался у воротъ дома, а Сережа смѣло позвонилъ въ квартиру: онъ уже не разъ бывалъ здѣсь.

— Барыня, нищій пришелъ.. — доклады ваеьгорничная.

— Какой тамъ нищій?

— Да тотъ... изъ ночлежнаго пріюта... Какой бѣдный! Даже безъ рубашки...

— Безъ рубашки! Да ты шутишь, Глаша!

— Вѣрно, вѣрно, барыня, я говорю... Пиджачекъ рваный, прерванный, и надѣтъ прямо на голое тѣло...

— Да что ты!..

— Да вотъ посмотрите, если не вѣрите!

— Эхъ, до чего ты дошелъ! Даже безъ рубахи... Гдѣ у тебя рубаха-то?

— Износилъ, сударыня, съ плечъ свалилась, а новой не въ состояніи справить...

— Поди-ка, холодно?

— Что-же дѣлать!

— Глаша, поищи-ка рубаху въ комодѣ, отъ мужа остались, дай ему!..

— Эта сударыня?

— Ну, хоть эту! На, носи!

— Дай вамъ Богъ всего хорошаго! Спасибо, сударыня, вѣкъ не забуду!..

Нищій ушелъ.

— Ну, вотъ и рубаха! — сказалъ онъ Мишкѣ, ожидавшему его у воротъ. — Раскрывай мѣшокъ!

Мишка развязалъ мѣшокъ.

— Вали валомъ — все разберемъ! — и рубаха полетѣла въ мѣшокъ.

— Спасибо благодѣтельница! Рубаха-то кажется хорошая!

— Полотнянная!..

— Только рваная немножко!

— Ну, да ничего! Даровому коню въ зубы не смотреть!

— Пойдемъ дальше...

Потомъ пошли они къ кушцу. Миша опять остался у воротъ, на улицѣ, съ мѣшкомъ, а Сережа позвонилъ въ квартиру.

— Ну-ка, ну-ка, покажись! Ты, сказываютъ, безъ рубахи пришелъ! Гдѣ-жъ она у тебя? Пропилъ, что ли?

— Никакъ нѣтъ-съ! Износилъ, истрѣла!..

— Жена! дай ему рубаху!

— Да какую я ему дамъ!

— Нѣтъ ли какой-нибудь старенькой!

— Заставьте вѣчно Богу молиться!..

— На, вотъ тебѣ!..

— Спасибо, благодѣтели!..

Свернувъ рубаху въ комокъ, нищій вышелъ съ ней на улицу, къ воротамъ, гдѣ Мишка раскрылъ уже мѣшокъ.

— Полѣзай въ кузовъ! И вторая рубаха тоже очутилась въ мѣшкѣ. Сережа съ Мишкой обошли всѣхъ своихъ знакомыхъ благодѣтелей — и вездѣ ему подавали рубахи... Мѣшокъ все болѣе и болѣе наполнялся ру-

бахами, такъ-что къ вечеру Мишка взвалилъ его на плечи и несъ по городу.

— Вишь, рубахъ-то сколько настрѣляли!

— Вотъ тебѣ и горбовикъ!...

Возвращаясь въ ночлежку, они встрѣтили у воротъ бабу-торговку, которая торговала поношеннымъ бѣльемъ.

— Мамаша, не купишь-ли у насъ рубахи?

— Гдѣ? Какія?

— Вотъ цѣлый мѣшокъ!

— Гдѣ вы ихъ взяли? Поди-ка, ворованныя!

— Сейчасъ только настрѣляли у благодѣтелей!..

— Отчего-жъ? Продайте!..

Начался осмотръ и продажа рубахъ.

— Вотъ, Сережа, у насъ съ тобой и деньги есть!..

— Здорово мы съ тобой благодѣтелей обеѣгорили!..

Между тѣмъ, со всѣхъ концовъ города возвращались въ ночлежку босяки, нищѣ и стрѣлки. По случаю субботы, у всѣхъ у нихъ были или деньги, или съѣстные продукты—черствыя булки, обрѣзки колбасы и проч.

Разную снѣдь они настрѣляли въ лавкахъ. Появилась водка. Подъ нарами тоже были люди.

Началась попойка и ругань.

— Вотъ и на нашей улицѣ праздникъ?

— Извѣстно, суббота—праздникъ нищихъ!

— А ты, что, Ванька, гривенникъ у меня зажилить?

— Когда? Что врешь!

— Вотъ истинный Богъ, братцы, Ванька гривенникъ у меня зажилить!..

— Докажи, ежова голова!

— Давеча барыня на паперти подала намъ двугривенный на двоихъ, а ты все себѣ взялъ!..

- Нѣтъ, она мнѣ подала!
- Нѣтъ, на двоихъ!.. Вотъ истинный Богъ, братцы, Ванька гривенникъ у меня зажилить...
- Она мнѣ подала!
- Неправда!... На двоихъ! Зажилить, зажилить гривенникъ!.. Нечего отпираться!.. Зажилить!..
- Вишь ты, какой, гусь лапчатый, я стрѣльнулъ на двугривенный, а ты и примазался!..
- Неправда, барыня на двоихъ подала: мы оба съ тобой стрѣльнули!.. Зажилить гривенникъ-то...
- На, тебѣ его! Подавись, лѣшій!
- Самъ подавись! Хотѣлъ зажилить, да не удалось!.. Чужое добро, братъ, въ прокъ нейдетъ.
- Мнѣ чужого не надо!
- Давно бы такъ!
- А что, братцы, не спѣть ли намъ какую пѣсню!
- Валяй, ребята!
- Какую?
- «Надо мной пѣвала маменька». Запѣвалы начали.

Стойка.

— Ваше сіятельство! помогите человѣку съ серебрянымъ горломъ!.. — говорилъ босякъ съ подбитымъ глазомъ, стоя около забора, въ укромнѣмъ мѣстечкѣ, обращаясь къ прохожему. — Добрый баринъ! подайте человѣку съ серебрянымъ горломъ!..

— Богъ подастъ!

— Вчера изъ больницы вышелъ!.. Помогите! Пожалѣйте несчастнаго человѣка!.. — При этомъ босякъ, при помощи свистульки, которая у него была во рту, зашипѣлъ и засвистѣлъ на разные лады...

«Должно быть, у него и въ самомъ дѣлѣ серебряное горло», — подумалъ прохожій и сунулъ босяку мѣдную монету.

— Пошли вамъ Господь всего хорошаго!..

Босякъ одѣтъ былъ въ коротенькомъ пинджачкѣ, въ опоркахъ и картузѣ, который сидѣлъ на головѣ какъ-то на бокъ, что придавало его лицу безшабашное выраженіе. Стоялъ онъ какъ-то съежившись, какъ будто желая занять какъ можно меньше мѣста.

Проходитъ мимо другой прохожій.

— Милый баринъ! подайте Христа ради!

— Ты такой здоровый! Ты бы могъ работать! Какъ тебѣ не стыдно милостыню просить!..

— Да я высланъ изъ Петербурга!..

— А самъ здѣсь!..

— На-дняхъ вернулся! Подайте, сколько можете, на хлѣбъ!..

— За что-жь тебя выслали?

— Паспорта нѣтъ!

— А гдѣ же твой паспортъ?

— Украли!..

Господинъ полѣзъ въ кошелекъ порылся тамъ и досталъ монету.

— На, возьми!..

— И радъ бы работать, да нигдѣ не берутъ: паспорта нѣтъ!..

Идетъ какая-то дама, хорошо одѣтая.

— Сударыня, помогите больному человѣку! Надняхъ изъ больницы выписался! Три дня не ѣлъ!..

— Ты поступилъ бы куда-нибудь на работу!

— Слабъ, сударыня! Ничего не могу дѣлать!

— Ахъ, несчастный... На, получи!.. — И сердобольная дама подала босяку копѣйку.

Проходить мимо како-то франтъ.

— Ваша милость, подайте на ночлегъ!..

Франтъ идетъ далѣе.

— Подайте на ночлегъ, ваша милость!

— А вотъ я тебя городовому!..

— За что же, ваша милость!..

— Много васъ, дармоѣдовъ, шатается!

— Хотите, подавайте, хотите, нѣтъ! Васъ никто не приневоливаетъ!..

Франтъ пошелъ далѣе.

Было холодно, и босякъ стоялъ, переминаясь съ ноги на ногу и выпрашивая милостыню. Къ мимо идущимъ онъ обращался къ кому какъ попало. У одного просилъ милостыню на ночлегъ, у другого—на хлѣбъ, у третьяго—подъ предлогомъ болѣзни, у четвертаго—что три дня не ѣлъ, а къ одной старухѣ обратился такъ:

— Подайте бѣдному переселенцу!

Старуха постояла и переспросила:

— Куда ты, милый, переселяешься?

— Въ Сибирь, матушка!

И старуха подала бѣдному переселенцу копѣйку.

— Спасибо, бабушка!..

— Подайте благородному человѣку! Самъ тысячи имѣлъ, а вотъ теперь нужда заставила руку протягивать!..

Только-что онъ проговорилъ это, какъ изъ-за угла показался городской, и босякъ опрометью бросился бѣжать, удирая отъ городского.

— Стой, стой, куда ты! Получи копѣйку-то! кричалъ какой-то баринъ въ слѣдъ удаляющемуся босяку.

— Не до того, баринъ, еще въ участокъ заберутъ!.. Вонъ фараонъ идетъ!.. Изъ участка — въ нищенскій комитетъ, тамъ заставятъ пеньку щипать! А потомъ въ пересыльную тюрьму, а потомъ по этапу на родину! Нѣтъ! Шалишь, я старый воробей!.. Прощайте!

И босякъ перенесъ свою стойку на другую улицу. Тамъ онъ снова началъ стрѣлять.

— Подайте благородному человѣку! Самъ тысячи имѣлъ, а вотъ теперь нужда заставляеть руку протягивать!..

— Что-жъ ты, братецъ, не поступишь куда-нибудь на работу?

— Мы, сударь, народъ потерянный!..

— Нельзя развѣ найти работу?

— Кто-жъ насъ возьметъ въ такой одеждѣ-то! Отъ насъ всякій бѣжитъ, какъ отъ чумы! Мы народъ отпѣтый!.. Маемя изо дня въ день!..

— Много-ли тебѣ надо настрѣлять, чтобы прожить день?

— Что-жъ? Двугривеннаго довольно! Пятачокъ за ночлегъ, да пятіалтынный на ѣду!..

— И выручаете?

— Спасибо добрымъ людямъ! Подаютъ!.. Но иногда бываетъ неудача... Ходишь, ходишь, за цѣлый день пятакъ не настрѣляешь на ночлегъ! Зло даже возьметъ! А вѣдь безъ пятакъ ночевать въ ноч-

лежку не впускать! А на улицѣ холодно! Ну, возьмишь и опустишь на колѣни!..

— Что это значить?

— Станешь на колѣни гдѣ-нибудь около забора и вымаливаешь у прохожей публики пяточокъ на ночь-легь.

— И подають?

— Подають! Это у насъ называется: сѣсть на якорь!.. Къ этому способу стрѣльбы мы прибѣгаемъ только въ самыхъ крайнихъ случаяхъ...

Стало темнѣть, когда босякъ попелелся со стойки въ ночлежный домъ. Въ рукѣ у него было нѣсколько мѣдяковъ.

— Ну, что, Сережа, какъ стрѣлялъ нынче?

— Плоховато! Сквалыги все попадались мнѣ? Кругляковъ мало досталь!..

— Пойдемъ-ка пообѣдаемъ! И товарищи пошли въ сосѣднее чайное и закусочное заведеніе, куда въ это время собираются босяки со всей ночлежки. Сюда они приходятъ послѣ стрѣльбы, и потому, у каждого изъ нихъ имѣется немного денегъ, чтобы потребовать себѣ незатѣйливый обѣдъ, какую-нибудь селянку, или щи.

— Ну, что? Какъ у тебя?

— Не важно! Вонъ, говорятъ, слѣпой Костя хорошо стрѣлялъ!

— Гдѣ онъ стоялъ?

— На Гагаринской набережной!..

— Везетъ ему! Тамъ хорошая стойка!

— Слѣпому всякій подастъ!

— Какой онъ слѣпой! Небось, свинью отъ пяти-алтынного сразу отличить!..

— Съ поводырёмъ ходить, значить, слѣпой!

— Ухъ, какъ холодно! сказала вновь вошедшій посѣтитель чайной.

— Вѣтеръ подымается съ моря! Такъ и завываетъ! Должно быть наводненіе будетъ! Изъ пушекъ палать!..

— Морозить!

По случаю холода, ночлежка быстро наполнилась голытьбою. Всѣ мѣста на нарахъ, подъ нарами и даже въ проходахъ были заняты. Яблоку негдѣ было упасть. Въ чайной тоже было много народу. Морозъ началъ разводиться на окнахъ затѣйливые узоры.

— А знаете, братцы, что? вдругъ воскликнулъ Сережка.

— Что?

— Хотите биться объ закладъ, что я въ полчаса настрѣляю цѣлковый?

— Гдѣ тебѣ!..

— Ударимъ объ закладъ на бутылку казенки?

— Идетъ!..

— Хорошо. Мишка! разними руки.

— Валяй! Накаливай публику!..

Сережка снимаетъ опорки.

— Да ты никакъ босикомъ хочешь идти стрѣлять?

— Да. Стойка босикомъ!

— Что ты! Въ такой-то морозъ?

— Вотъ теперь-то и хороша стойка босикомъ, на морозѣ-то... Всякій прохожій пожалѣетъ и подастъ...

— Но, вѣдь, можно простудиться!

— Э, что наша жизнь! Трынъ трава!..

Сережка скинулъ опорки, оставилъ ихъ въ чайной и вышелъ на улицу. Тамъ онъ выбралъ укромное мѣ-

стечко и сталь на панели босикомъ—прямо на снѣгу, съ грустной миной на лицѣ.

— Смотрите-ка, смотрите, нищій босикомъ! Въ такой-то морозъ! Надо ему подать!

— Возьми! сказала какая-то дама, подавая двугривенный.

— Ахъ, несчастный—босикомъ! Получи!

— Поглядите-ка, бѣдняга какой стоитъ! Нѣтъ даже сапогъ! Зимой ходитъ босикомъ! Ахъ, бѣдный! на, тебѣ...

— Ахъ, Боже Мой! зимою безъ сапогъ, босикомъ! вотъ тебѣ...

Сережка стоялъ молчаливо, скорчившись, отъ холоду переминаясь съ ноги на ногу. Морозъ пощипывалъ его голыя ноги, а холодная панель охлаждала ихъ. Только проѣзжіе ломовики и извозчики посмѣивались надъ нимъ.

— Вонъ сапожникъ стоитъ безъ сапогъ.

— Сегодня понедѣльникъ! Сапоги-то, видно, пропилъ!..

— Вишь ты, жарко ему!..

— Прогулялся, промотался, безъ сапогъ остался!

Но зато прохожіе жалѣли босяка и охотно подавали несчастному. Не прошло и получаса, какъ у него въ карманѣ былъ цѣлковый. И Сережка, довольный своимъ успѣхомъ, вернулся въ чайное заведеніе.

— Проиграли! ставьте бутылку казенки!

— Ай-да, Сережка, молодецъ!

— Здорово ты умѣешь накаливать публику!

— Всякое дѣло мастера боится!.. Гдѣ мои опорки?

— Вотъ они, надѣвай! Что, поди-ка, холодно было ногамъ-то?

— Да, здорово пощипало! Зато цѣлковый настрѣ-
ляль!..

— Молодецъ!

— Голь на выдумки хитра!

— Э, братцы, нужда скачетъ, нужда пляшетъ, нужда
пѣсенки поеть! Такъ и мы!..

— Выпьемъ, братцы, за храбрость Сережки!

— Экій лѣшій, и морозъ его не беретъ!

Поэтъ-босякъ Бурда.

Среди петербургскихъ босяковъ Бурда пользуется большою популярностію. Когда разъ Бурда за какую-то провинность сидѣлъ въ «части», то тамошніе «стрѣлки» и рецедивисты, во вниманіе къ его извѣстности, единогласно избрали его старостою... Въ ночлежкѣ Бурду очень часто избираютъ третейскимъ судьей— для рѣшенія какого-нибудь горячаго спора. И какъ Бурда рѣшить, такъ тому и быть: никто не прекословитъ.

День Бурда скитается по трактирамъ и чайнымъ заведеніямъ, а на ночь укрывается въ ночлежкѣ.

Бурда голь, какъ соколъ. Все свое имущество, какое иногда у него бываетъ, онъ носитъ съ собою. Одѣтъ онъ въ старенькое вонючее пальтишко, купленное на толкучкѣ, съ широчайшими боковыми карманами съ внутренней стороны: въ этихъ карманахъ у него хранится паспортъ, записная книжка для стиховъ, маленькій пузырекъ съ чернилами, перо и табакъ.

Бурда имѣетъ слабость къ крѣпкимъ напиткамъ,

и когда онъ бываетъ на «третьемъ взводѣ», принимается строчить. Свои произведенія онъ пишетъ въ чайномъ заведеніи или въ трактирѣ, подъ звуки органа или грамофона. Усядется за маленькимъ кругленькимъ столикомъ гдѣ-нибудь въ укромное мѣстечко и строчить себѣ подъ впечатлѣніемъ неприкрашенной дѣйствительности.

Плоды своего вдохновенія онъ читаетъ въ ночлежкѣ, по просьбѣ товарищей. Многія его пѣсенки изъ босяцкаго и тюремнаго міра расходятся среди босяковъ въ многочисленныхъ рукописныхъ листкахъ.

Когда Бурда вечеромъ шель къ ночлежному дому и становился въ очередь, въ ожиданіи впуска, то многіе поклонники его музыки, завсегдатаи ночлежки показывали на него пальцемъ...

— Вонъ Бурда!

— Кто онъ такой?

— Какъ? Ты Бурду не знаешь!

— Не знаю! Чѣмъ онъ замѣчателенъ?

— Стихи пишетъ! Сочинитель!..

— Ахъ, это онъ написалъ «Пѣснь вора»?

— Онъ самый! Ему же принадлежать: «Пѣснь арестанта», «Вяземскіе громилы», «Сѣрая свита» и многое прочее, очень интересно!..

— Напечатаны гдѣ-нибудь?

— Нѣтъ, братъ, его сочиненія—для насъ, для отпѣтыхъ, да для арестантовъ и катаржниковъ!..

— Почитать-бы гдѣ-нибудь!

— Попроси сегодня въ ночлежкѣ: онъ читаетъ свои стихи...

— Ладно!..

Когда всѣ мѣста въ ночлежкѣ были заняты и

когда впускъ былъ прекращенъ, то нѣкоторые любители стиховъ стали просить Бурду прочитатъ имъ что-нибудь.

— Бурда! прочитай намъ что-нибудь! сказала Блоха, маленькій, черненькій босякъ-рецидивистъ, неоднократно побывавшій въ пересыльной тюрьмѣ.

Бурда въ это время лежалъ на нарахъ, навзничъ, заломивъ руки подъ голову и вытаращивъ глаза въ потолокъ.

— Не расположенъ, братцы!

— Ну, прочитай, лѣшій, чортъ!

— Да что вамъ прочитатъ-то?

— Что хочешь?

— Ну такъ и быть, потѣшу васъ! сказала Бурда, привставъ, сѣлъ на нары и засунулъ руку въ боковой карманъ.

— Ребята! Бурда читать будетъ! Кто желаетъ слушать? Желающихъ послушать чтеніе Бурды оказался весь ночлежный домъ. Поднялся содомъ; шумъ, крикъ.

— Потише вы!.. Черти!..

— Бурда! садись вотъ сюда, на возвышеніе!

— Благодарю, братцы!..

— Вотъ и у насъ есть риомачъ!

— И мы не лыкомъ шиты!—замѣтилъ кто-то во всеуслышаніе.

— Страсть люблю, когда наши же посадскіе сочиняютъ что-нибудь!..—сказалъ слѣпой Костя.

— О чемъ же вамъ прочитатъ?—спросилъ Бурда, вынувъ изъ бокового кармана засаленную рукопись.

— Валяй что попало!..

— Ну, хотите, братцы «о Палатахъ графа Морковкина»,—такъ босяки называютъ ночлежку г. Макокина.

— А! Это интересно! Валяй!

— Ну, слушайте! «Палаты графа Морковкина»!..

И Бурда началъ читать по тетрадкѣ. Онъ читалъ громко, нараспѣвъ.

Петербургскимъ тротуаромъ
Скучно обувь обивать,
Но еще скучнѣй на нарахъ
У Макокина намъ спать.

— Правда, правда!—сказалъ кто-то изъ многочисленныхъ слушателей. Бурда продолжалъ:

Дымъ и вонь—народа куча,
И клоповъ—богатый рой,
Отъ махорки дымъ вонючій
Разстиляется кругомъ!..

— Вѣрно, вѣрно!

Спать купецъ, и спать разнощикъ,
Седьморотскій нашъ собратъ,
Спать оборванъ опалченецъ,
И бѣжавшій изъ солдатъ!..
Вотъ пропившійся воришка,
Все имущество—халать,
А рубашка на немъ мыта
Года три тому назадъ!

— Здорово!..

Вотъ сапожникъ забиваетъ
Гвозди въ старенькій сапогъ,
А чиновникъ уплетаетъ
Трехкопѣчный пирогъ!..

— Ха, ха, ха!.. загалдѣла толпа.

— Молодецъ, Бурда!.. Ловко отчехвостили наши палаты...

— Bravo! Bravo!..

- А хлестко пишетъ каналья!
- Пѣснь вора!.. кричитьъ кто-то.
- «Пѣснь вора» прочитай!.. Пѣснь вора!..
- Извольте!

Я родился быть фортовымъ —
 Цѣлы годы зря гулять,
 Заниматься дѣлсмъ темнымъ,
 И «соренку» добывать.
 Всегда ношу съ собой я «Томку»,
 Ключей различныхъ связки двѣ,
 Ношу «гитару» остроу, звонку,
 И мнѣ счастливится вездѣ.
 И вотъ—забраться въ квартируху,
 Сломать мнѣ множество замковъ,
 Или зарѣзать гдѣ старуху—
 Вотъ, братцы, парень я каковъ...

— Паддай еще пару, Бурда! кричитьъ кто-то,—
 Паддай!..

— «Берегись, ошпарю!»! отвѣчаетъ Бурда, и при
 общемъ хохотѣ товарищей заканчиваетъ стихотвореніе
 слѣдующимъ четверостишіемъ:

Я «фигарей» въ лицо всѣхъ знаю,
 Не разъ бываль у нихъ въ рукахъ,
 Я имъ всѣмъ пушки заряжаю,
 И оставляю въ дуракахъ!..

- Ха, ха, ха! Такъ имъ и надо!..
- Фараоны! Ироды!
- Ай да, Бурда...
- Бойко пишетъ!
- Борзо!
- Нашего брата воспѣваетъ—отверженныхъ...
- Бурда сидѣль счастливый и жизнерадостный,

весело поглядывая на своихъ товарищей. Глаза его блестяи, а лицо покраснѣло, какъ маковъ цвѣтъ. Перевернувъ нѣсколько страницъ своей рукописи, онъ промолвилъ:

— Изъ арестантской жизни, братцы!

— Тише, тише!

— Николка, ты сидѣлъ въ тюрьмѣ,—послушай!..

— Пѣсня арестанта! — Грустнымъ, заунывнымъ голосомъ Бурда началъ:

Вотъ скоро, скоро поѣздъ грянетъ,
Звонокъ уныло прозвучить,
Кого-то здѣсь изъ насъ не станетъ.
Кого-то поѣздъ утащить...

Я вспомнилъ грустную разлуку,
Съ ней навсегда разстался я,
Въ послѣдній разъ пожалъ ей руку,
Сказалъ: «прощай ты навсегда»!

Пройдетъ весна, настанетъ лѣто,
Въ поляхъ цвѣты все расцвѣтутъ,
А мнѣ несчастному въ то время
Желѣзомъ ноги закуютъ!

Придетъ цирюльникъ съ бритвой острой,
Обрѣетъ правый мнѣ високъ,
Я буду видѣ имѣть ужасный
Съ головы до самыхъ ногъ...

Лишь дойду я до границы,
Урядникъ спросить, кто такой?

Скажу ему, что я бродяга,
Не помню родины своей...

Опять въ тюрьму меня посадятъ
Желѣзомъ ноги закуютъ,
Опять въ Сибирь меня пошлютъ!

На этотъ разъ слушатели не выражали бурнаго восторга, а сидѣли молча, находясь подъ впечатлѣніемъ печальнаго повѣствованія.

Въ углу ночлежки сидѣлъ бѣглый каторжникъ изъ Сибири, по прозванію «Волкъ», онъ внимательно слушалъ повѣствованіе «Бурды», не спуская съ него глазъ.

Воспоминанія рой за-роемъ всплывали передъ нимъ и точно пчелы изъ улья, жгли его.

Натянутыя струны не выдержали, и онъ зарыдалъ. Бездомники переглянулись.

— Ребята, Волкъ плачетъ!

— Волчьи слезы!

— Подѣломъ ему сѣрому!

— Ты что, братъ расчувствовался! — сказалъ Бурда, подойдя къ Волку. Каторжникъ въ отвѣтъ повторилъ послѣдніе три стиха:

Опять въ тюрьму меня посадятъ,

Желѣзомъ ноги закуютъ,

Опять въ Сибирь меня пошлютъ!..

— Э, не горюй! У меня лучше есть стихи. Вотъ послушай!

Сѣрая свита,

Бубновый тузъ,

Кандалы надѣты,

Я не боюсь...

Но чтеніе Бурды прервано было приходомъ смотрителя, который сталъ звать своихъ кліентовъ пить чай. Ночлежники стали расходиться и строиться, чтобы идти въ столовую.

— Спасибо, Бурда!

— Не надо и въ баню ходить!

- Важно попарилъ насъ!
- Опосля попарь еще!
- Да некогда, братцы, послѣ чаю—на молитву, а потомъ надо спать! Смотритель не позволить!
- Ну, какъ нибудь на-дняхъ.

Босяки—трудолюбцы.

Всю ночь валилъ снѣгъ... Въ пять часовъ утра въ почлежный домъ пришелъ подрядчикъ нанимать народъ для расчистки пути на конно-желѣзныхъ дорогахъ. Кромѣ того, изъ Малкова переулка явился траурщикъ подряжать желающихъ сопровождать похоронныя процессіи, въ качествѣ факельщиковъ.

— Народъ честной! Вставайте! Кто хочетъ работать, пожалуйте!—кричалъ смотритель пріюта, расхаживая вдоль наръ и собственноручно расталкивая спящихъ почлежниковъ, чтобы они встали.

— Какая работа-то?—спрашиваетъ кто-то спросонокъ.

— Снѣгъ расчищать!

— Гдѣ?

— На ковкѣ! Берись, ребята, за метлу!..

— Метельщиковъ требуютъ! Почему плата?

— Шесть гривенъ!

— А много-ли работать-то?

— Съ шести часовъ утра и до двухъ пополудни...

— Восемь часовъ, значить...

— Не стоитъ идти!..—замѣчаетъ какой-то сосѣдъ.

— За шесть гривенъ себя ломать!..

— Вотъ невидаль!.. Мы настрѣляемъ больше!..

— Вѣстимо, чѣмъ себя ломать на работѣ-то, мы лучше пострѣляемъ! Тѣ-же шесть гривенъ достанемъ!.. По крайней мѣрѣ спина не будетъ болѣть!.. Да и мозолей на рукахъ не будетъ!..

— Знаю я эту метлу: отъ нея только боль въ поясицѣ!..

— Нѣтъ, я, братцы, не пойду ломать себя!..

— Мы—люди вольные!..

— Кто насъ заставитъ!..

— Никто!..

— А я-бы пошелъ, да у меня рукавицъ нѣтъ, сапогъ...

— А у меня одежонки нѣтъ порядочной, на улицѣ холодно, а въ этой хламидѣ-то немного наработаешь!..

— Сколько народу требуется?

— Шестидесять человѣкъ!..

— Вставайте, вставайте, кто хочетъ работать—будиль смотритель спавшихъ ночлежниковъ.

— А я пойду!..

— До двухъ часовъ поработаемъ, а вечеромъ можно и пострѣлять!..

— И я тоже!.. И поработаю, и пострѣляю!..

— И я!..

— Кто желаетъ потрудиться, становись, ребята, въ рядъ!..—скомандоваль подрядчикъ, и сталъ отсчитывать народъ.

— Возьми меня!

— И я желаю работать!

— Выходи на линію! — Подрядчикъ отсчиталь шестидесять человѣкъ рабочихъ и увелъ изъ ночлежки.

Всѣмъ имъ дали кому лопату, кому метлу, и расставили въ разныхъ мѣстахъ конно-желѣзной дороги.

— Сережа, вставай! Траурщикъ пришелъ! Пойдемъ-ка, сегодня, поработаемъ!..

— На кой лѣшій траурщикъ здѣсь, я еще умирать не собираюсь!..

— Изъ Малкова переулка пришли, факельщиковъ не хватаетъ!.. Подряжаютъ, не наймемся-ли мы?..

— На чьи похороны-то?

— Купецъ одинъ умеръ, богатый, такъ важныя похороны закатили.

— Много-ли платять?

— Да ты вставай! Траурщикъ велѣлъ идти на биржу. Тамъ порядимся.

— На какую биржу?

— Да гдѣ факельщики нанимаются!..

— Гдѣ она помѣщается?

— Въ трактиръ «Русь», на Малковомъ переулкѣ.

— А что, Мишка, и въ самомъ дѣлѣ, не записаться-ли намъ въ горюны?

— Конечно!.. Траурщикъ сказывалъ, что это выгодно: получимъ розовыя, да отъ родственниковъ умершаго перепадетъ на чай...

— Идемъ!..

Рано утромъ, ни свѣтъ, ни заря, двое пріятелей, Сережка и Мишка, бодро шагали по Забалканскому проспекту, потомъ повернули по Фонтанкѣ, пробираясь по Малкову переулку въ трактиръ «Русь». Этотъ трактиръ помѣщается въ самомъ концѣ улицы. Ежедневно, въ 5 часовъ утра, сюда приходитъ бѣдный людъ, чтобы наняться факельщиками для участія въ похоронной процессіи. На Малковомъ переулкѣ есть домъ, сплошь за-

селенный горюнами. Они тоже приходятъ сюда. Въ трактирѣ имѣется отдѣльная комната для горюновъ. Они сидятъ за столиками въ ожиданіи нанимателей. Здѣсь же, въ трактирѣ, есть и свой писарь, или ходатай по дѣламъ, который для кліентовъ трактира можетъ составить такое прошеніе, что любого человѣка по этому прошенію, въ Сибирь упекутъ. Сережка и Мишка пробрались въ комнату горюновъ и заняли отдѣльный столикъ. Въ ожиданіи траурщика, они прислушивались, о чемъ говорятъ горюны. Горюны вели разговоръ на самую интересную и животрепещущую для нихъ тему, а именно, на основаніи достовѣрныхъ свѣдѣній они обсуждали, на какой улицѣ и кто изъ богатыхъ людей скоро помретъ.

— А слыхали новость!

— Какую?

— Графъ-то N. скоро распротится съ этимъ свѣтомъ!

— Да, дни его сочтены... И солома уже подъ окнами настлана...

— Я самъ видѣлъ, какъ солону настлалаи... Наше бюро слѣдить!.. Графскому лакею на всякій случай десять процентовъ обѣщано!..

— Милліонеръ N. безнадежно боленъ!..

— У него ракъ...

— Скоро умретъ!

— Вотъ бы сорвать похороны-то!..

— Наши слѣдятъ!.. Ни за что не упустиатъ!.. Человѣкъ одинъ маленькій приставленъ...

— На Петербургской сторонѣ, на Большомъ проспектѣ, купецъ одинъ на ладонь дышетъ..

— На Невскомъ проспектѣ банкира одного ждемъ... Скоро умретъ... Съ часа на часъ ожидаютъ... Нашъ гро-

бовщикъ справлялся... Каждый день бѣгаетъ туда... Похороны богатѣйшія будутъ... Обѣщали ему... Заработаемъ!..

Изъ ночлежнаго дома пришло еще нѣсколько босяковъ и сѣли за столиками.

— А что, Мишка, хватить-ли намъ сегодня мѣста, вонъ сколько нашихъ пришло!

— Э, не бойся! Траурщикъ сказываль, что у нихъ теперь сѣнокось!.. Слава Богу, всёмъ работы хватить... Счастливая полоса пошла... Люди мрутъ, какъ мухи...

— Должно быть, по случаю осени!..

— Все равно, кому горе, а намъ смѣхъ!..

— А вонъ и траурщикъ пришелъ!..

— Кто, ребята, изъ ночлежки? Становитесь по росту, по ранжиру!..

Босяки выстроились въ линію.

— Зачѣмъ это? — спросилъ Сережа у траурщика.

— Стало быть, надо!.. Не пошлю же я тебя на графскія похороны!

— Отчего?

— Ростомъ не вышелъ!.. На графскія похороны надо людей высокихъ, представительныхъ, семивершковыхъ, а ты что? Мозглякъ!..

— Значить, мнѣ здѣсь нечего дѣлать?

— Погоди, и тебѣ найдется работа: я поставлю тебя на похороны попроще...

— Куда?

— На купецкія похороны!.. На Петербургскую сторону!..

— Ну, что-жь? И за то спасибо! Отъ купца-то еще больше перепадетъ!

— А на графскія похороны тебя нельзя! Съѣдутся

князя да графы и прочіе именитые люди... Развѣ пріятно будетъ имъ смотрѣть на тебя, мозгляка, да еще съ подбитымъ глазомъ!..

— А вѣдь, и правда, братцы!..

— То-то!.. Всякому гвоздю—свое мѣсто!..

И траурщикъ сталъ сортировать босяковъ по росту и представительности. Одного изъ самыхъ представительныхъ босяковъ, котораго товарищи, за его высокій ростъ и необъятныя плечи, прозвали «Сараемъ», траурщикъ назначилъ тамбуръ-мажоромъ.

— Ты пойдешь съ булавою! Впереди всѣхъ!..

— Въ первой роли, значить!..

— Будешь шагать важно, не торопясь!

— И стану послѣ cadaго взмаха булавы дѣлать маленькую оттяжку—вотъ такъ!..—И Сарай показалъ, какъ онъ будетъ дѣлать оттяжку булавой.

— Bravo! Молодецъ, Сарай!..

— Вѣдь я, братцы, въ статистахъ бывалъ... въ театрѣ...

— Нѣтъ-ли и мнѣ какой работы?—спросилъ трактирный писарь, сидѣвшій въ переднемъ углу, подъ образами.

— Ха, ха, ха! Какая тебѣ работа!..—засмѣялись босяки и горюны.

— А вотъ я спрошу купчиху, не требуется-ли сочинить стихи на смерть ея мужа...

— Пожалуйста!..

— Ну, ребята, пора на работу! Идемъ ко мнѣ на фатеру переодѣваться, а оттуда и по мѣстамъ! Вы на Сергіевскую улицу д. N. N., а оттуда въ Новодѣвичій монастырь, вы на Петербургскую, а оттуда на Смоленское кладбище, вы на Выборгскую, а оттуда на Митрофаніевское...

— А намъ куда?

— Вы по Финляндкѣ поѣдете, на Успѣнское!..

Сережка и Мишка облачились въ траурный нарядъ, надѣли похоронную ливрею и цилиндръ, взяли фонари и пошли вмѣстѣ съ другими горюнами на Петербургскую сторону, на купеческія похороны. Когда они чинно шли въ похоронной процессіи факельщиками, то никто бы ихъ не принялъ за босяковъ. За свою работу они получили по цѣлковому. Когда могилу засыпали землею, босяки подошли къ родственникамъ покойнаго и проговорили:

— На чаекъ бы съ вашей милости!..

Имъ подали.

— Да будетъ земля ему легка!..

На возвратномъ пути Мишка и Сережка подкрѣпились «мерзавчикомъ» и вернулись въ ночлежку въ самомъ радужномъ расположеніи духа.

Забрали!..

— Ну-ка, сяду я сегодня на якорь! сказала Сережка, выходя изъ «ночлежки», своему товарищу Мишкѣ.

— Больше подадутъ!.. Теперь скоро праздники! Публика — въ елейномъ настроеніи, такъ авось либо рублевку настрѣляю!..

— Смотри, не попадись фараонамъ!..

— Я — старый воробей! Меня на мякинѣ не обманешь!.. А ты куда, Миша?

— А я пойду сегодня въ круговую...

— Съ Богомъ, товарищъ...

— Добрый путь!..

— Вечеромъ увидимся у Макокина!..

И босяки разстались.

Сережка пошелъ и «сѣлъ на якорь» на одной изъ самыхъ многолюдныхъ улицъ—на Литейной.

Здѣсь онъ выбралъ укромное мѣстечко, возлѣ сплошного каменнаго забора, и, свернувши ноги калачикомъ, сѣлъ на панель, прислонившись спиною къ забору. Передъ собою онъ положилъ на панель шапку, а въ шапку—для почина копѣйку денегъ.

Скрюивши умильную рожу несчастнаго калѣки, онъ тотчасъ же принялся «стрѣлять»: кто мимо его ни проходилъ—онъ всѣмъ кланялся почти до земли, истово крестясь.

— Господинъ баринъ! помогите несчастному калѣкѣ, безногому! Заставьте вѣчно за васъ Богу молиться!..

— Получи!..

— Ваше сіятельство! окажите Божескую милость, подайте сколько-нибудь страдальцу!..

— Отчего не работаешь?

— И радъ-бы всею душою, да не могу!.. Нога болить!..

— Что у тебя съ ногою?

— Параличъ!..

— Давно онъ у тебя?

— Съ малолѣтствія... припадокъ былъ, родимчикъ.

— Копѣйку сдачи!

— Извольте! Пошли вамъ, Господь, всего хорошаго.

Но вотъ Сережка взглянулъ направо, и такъ и оберъ: по улицѣ шелъ приставъ. Одно мгновеніе, Се-

режка схватываетъ свою шапку, вскакиваетъ и опро-
метью бросается бѣжать — сперва на противоположную
сторону улицы, а затѣмъ съ Литейной повернулъ на
Итальянскую улицу.

— Вишь ты, посадскій, убѣжалъ!.. посмѣивались
извощики.

— Откуда и прыть явилась!..

— Я тебѣ, каналья! пригрозилъ приставѣ удаляю-
щемуся Сережкѣ.

— Взять его!.. сказалъ онъ, обращаясь къ стояв-
шему городовому. Догнать на извощикѣ!..

Городовой сѣлъ на перваго попавшагося извощика
и погналъ велѣдъ уленетьяющему босяку. Раздался
призывной свистокъ городского къ дворникамъ, которые
выбѣжали на улицу, посматривая по сторонамъ, зачѣмъ
ихъ вызвали.

— Лови, лови его! закричалъ городской, указывая
на бѣгущаго оборванца.

Между тѣмъ, Сережка бѣжалъ, что было силы, блѣд-
ный, запыхавшись.

— Лови, лови его!..

Любопытная публика остановилась на панеляхъ, ожи-
дая, чѣмъ кончится эта исторія.

— За что его ловятъ?

— За нищенство!

— За прошеніе милостыни!

Дворники сосѣднихъ домовъ пересѣкли Сережкѣ до-
рогу и схватили его за шиворотъ.

— Стой! А, ты бѣжать!

— Попался!..

Подошелъ городской.

— Сведите его въ участокъ за прошеніе милостыни.

— Господинъ городской, простите, я больше не буду!..

— Простите!..

— Ведите его!..

— Простите! Никогда больше не буду!..—вымаливалъ себѣ прощеніе Сережка, все еще не покидая надежды, что его освободятъ.

— Нельзя! Ведите!..

— Ну, пойдѣмъ, посадскій, въ кутузку, а потомъ— въ нищенскій комитетъ пеньку щипать!.. И дворники подхватили Сережку подъ мышки.

— Братцы, я самъ пойду!..—умоляющимъ голосомъ проговорилъ Сережка. Какъ только Сережка попалъ въ руки полиціи, онъ сразу измѣнился. Голосъ упалъ, всѣ мышцы какъ-то ослабли и опустились, живой и жизнерадостный по натурѣ, онъ вдругъ сталъ угрюмымъ и молчаливымъ. Держался онъ какъ-то съжившись, понуривъ голову.

Вечеромъ Мишка въ домахъ Макокина напрасно ожидалъ Сережку: его не было.

— Забрали!.. —сказалъ хромой нищій.

— Врешь?—сказалъ Мишка.

— Вѣрно! Вѣрно! — авторитетно заявилъ слѣпой Костя.

— Я видѣлъ, какъ самъ приставъ отправилъ его въ участокъ!..

— Упекли!..

— Ау! Сереженька!..

— Поди-ка, теперь сидитъ въ нищенскомъ комитетѣ, да пеньку щиплетъ!

— Не смѣйся горохъ, не лучше бобовъ! Самъ скоро будешь тамъ!

— Вѣстимо! Нашему брату одна дорога — въ нищенскій комитетъ, а оттуда въ Домушку этапъ ломать!..

— Чѣмъ не житье?..

— Мы люди вольные!..

— Сегодня здѣсь, а завтра тамъ!

— Въ нищенскомъ комитетѣ или въ домушкѣ!..

Черезъ нѣсколько дней Серезку, въ сопровожденіи городского, изъ участка повели въ комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ. Это учрежденіе находится на углу Англійскаго проспекта и Торговой улицы. Ежедневно по утрамъ изъ разныхъ концовъ города, изъ мѣстныхъ полицейскихъ участковъ, сюда ведутъ и ведутъ нищихъ: мужчинъ, женщинъ и дѣтей, не умѣющихъ отличить правой руки отъ лѣвой. Серезку сдали подъ росписку — въ комитетъ. Здѣсь его первымъ дѣломъ переодѣли въ казенную одежду. Дали ему пиджакъ и штаны изъ грубаго сѣраго солдатскаго сукна. Что было на немъ, то взяли на сохраненіе. Серезку ввели въ большую камеру съ нарами, гдѣ было множество такихъ-же «стрѣлковъ», какъ и онъ, забранныхъ на улицахъ города за прошеніе милостыни. Всѣ они тоже уже были переодѣты въ казенное платье. Среди заключенныхъ кое-кто оказался знакомымъ Серезки.

— А, Сереза, здравствуй!..

— Здорово, Ваня!..

— Ну, что? Какъ въ домахъ Макокина?

— Все по старому!..

— Ну, и слава Богу!

— А здѣсь какъ кормятъ?

— Ничего! Щи и каша! А въ постные дни — горохъ!..

— А хлѣба-то сколько?

— По два фунта на человѣка! А на ужинъ всегда каша!..

— Что-жь? Хорошо!

— Чѣмъ не житье нашему брату!..

— Одно не хорошо! Свободы лишаютъ!

— Да! Вѣдь мы люди вольные!..

— А строго здѣсь?..

— Коли въ первый разъ попался, отпускаютъ на всѣ четыре стороны, вдругорядь не попадайся, мошь, а попадешься, не взыщи!..

— Значить, меня отпустятъ?

— Навѣрное...

— А нашихъ много здѣсь?

— Изъ Макокина дома?

— Да!

— Есть кой-кто! Гришка, Миколка!..

— А цыганку Наташу знаешь?

— Гадальщицу-то? Какъ-же!..

— Тоже попала сюда, съ двумя дочерьми...

— Какъ онѣ попали?

— Тоже за прошеніе милостыни...

— Вотъ бы погадали, когда ихъ выпустятъ...

— Здѣсь, братъ, строгимъ нельзя быть!

— Отчего?

— Да ты погляди, какая сила нищей братіи валить сюда... Мѣсть не хватаетъ! Приведутъ изъ участковъ-то, да назадъ ведутъ, жди очереди! Некуда помѣстить нашего брата!.. Ты погляди только, сколько нищей братіи за одинъ день привалило!..

Дѣйствительно, большая комната почти сплошь была

набита нищими, а за этой комнатою — другая, а тамъ еще женское отдѣленіе...

Нищія братія хотя и одѣта вся одинаково, въ сѣрые пиджаки и штаны, но по своему составу довольно разнообразна. Тутъ былъ и «колпинскій мѣщанинъ», и «сынъ дворянина», и крестьянинъ Пошехонскаго уѣзда Ярославской губерніи.

Извѣстно, что нищенство принижаетъ человѣческое достоинство, и это прежде всего отражается на лицѣ человѣка: лицо нищаго сразу, такъ сказать, пріобрѣтаетъ просительный характеръ...

Нищія братія, сосредоточившись въ «Комитетѣ Нищихъ», невольно обращаетъ на себя вниманіе наблюдателя своимъ забитымъ видомъ, худобою и апатичнымъ выраженіемъ лица — вѣрнымъ признакомъ вырожденія.

Были и калѣки. Одинъ изъ нихъ — здоровый парень, съ крѣпкими руками и развитымъ крѣпкимъ туловищемъ, стоялъ на колѣняхъ, и производилъ впечатлѣніе маленькаго человѣка. Оказывается, что онъ сроду такъ. Голени и ступни ногъ его съ самаго рожденія переплелись въ какую-то безформенную массу. И онъ не ходилъ, а какъ-то странно ползалъ, благодаря своимъ могучимъ рукамъ, которыя вслѣдствіе этого развились на счетъ ногъ.

— А что? Неужели и меня засадятъ? — говорилъ несчастный калѣка.

— Не бойся, выпустятъ!

— Я бы сейчасъ на родину поѣхалъ!

— А что, братъ, много подавали тебѣ?

— Ничего, подавали!..

— Еще бы! Такое чудище покажется, такъ у кого

сердце не дрогнетъ! Всякій подастъ!.. Господа любятъ, чѣмъ чловѣкъ безобразнѣе, тѣмъ больше подають!..

— Ты, братъ, навѣрное, богатъ!

— Откуда у меня богатство! — протестоваль калѣка.

— Говорять, что ты деньги отдашь на сохраненіе надзирателю!..

— Мало-ли что болтають!..

— А завтра, братцы, присутственный день! Будеть разборъ нашего брата и опросъ, кого куда!.. А теперъ скоро обѣдать! Казенныхъ щей поѣдимъ...

На разборѣ нищихъ.

Попавши въ комитетъ нищихъ, босяки обмѣниваются впечатлѣніями дня.

— Ты, Сережка, какъ угодилъ сюда?

— Только-что сѣлъ на якорь на Литейной улицѣ, какъ приставъ тутъ какъ тутъ...

— А ты, Миколка, какъ?

— А я зашелъ въ колбасную лавку, обрѣзковъ попросить, выхожу, а фараонъ ужъ меня поджидаетъ!.. Пожалуйте! говорить...

— Порядочнымъ людямъ житья нѣтъ въ Петербургѣ!

— Забирають! Да больно много расплодилось нашего брата...

— Передъ праздниками пострѣлять бы, и нечего Бога гнѣвить, подають православные, и хорошо поподають: жалѣють нищую братію!..

— А тутъ вотъ сиди въ нищенскомъ комитетѣ... Хорошо, ежели выпустятъ на волю, а какъ засадятъ на всѣ праздники!..

— И просидишь...

— Охо-хо, житье наше горькое!..

Какая-то женщина, въ платкѣ и ситцевомъ платьѣ, освѣдомлялась, «не попался ли» ея мужъ.

— Вотъ ужъ третій день, точно какъ въ воду капнулъ! Хотя въ полицію заявляй...

— А какъ по фамиліи?

Женщина назвала.

— Да онъ третій день у насъ «сидитъ». Изъ дворянъ или изъ простыхъ?

— Изъ благородныхъ... И пенсію получаетъ, хоть и небольшую, а все таки поддержка!..

— Пенсіонарь, а нищенствуетъ!

— Велика ли наша пенсія-то! Пять рублей тридцать семь копѣекъ въ треть! Сами посудите!

— Да, съ такой пенсіи не разжирѣешь! замѣтилъ Сережка, — я больше настрѣляю!..

— Вашъ мужъ второй разъ попался!

— Что мнѣ съ нимъ дѣлать? Слабость имѣеть къ крѣпкимъ напиткамъ! Какъ напьется, такъ и попадется! На выпивку и милостыню собираетъ!..

— Завтра будетъ присутственный день, возьмите его на поруки!..

— Хорошо! Я приду за нимъ!..

— А что, братцы, странника-то босоногого не видали?

— Онъ говорятъ, въ Москву уѣхалъ...

— Неужто босой ходить въ такіе-то морозы?

— Босой какъ есть. Мало того, съ непокрытой головою!..

— А ты видѣль?

— Я самъ видѣль!.. Гляжу, идетъ по улицѣ по снѣгу здоровый человѣкъ, коренастый такой, босой, ноги, что лапы у гуся... Сзади ребятишки бѣгутъ!.. Онъ закалилъ себя, и ничего ему не дѣлается...

— Привычка значить!

— Вѣстимо!.. А какіе глаза у него, братцы...

— Что въ нихъ особеннаго?

— А вотъ что... Я—старый воробей! Бываль во многихъ монастыряхъ, видалъ тамъ отшельниковъ и схимниковъ, и всетаки у нихъ въ глазахъ есть нѣкоторый проблескъ хитрости и лукавства, а у него—нѣтъ!.. Его глаза—прямые, открытые, безхитростные!.. Такъ все и глядѣль бы на нихъ!

— Вѣстимо, глаза—зеркало души!

— Онъ, значить, не отъ міра сего человѣкъ!

— Кто его знаетъ...

— А подавали ему много?

— Страсть сколько! А только денегъ онъ неимѣль!..

— Куда-же онъ дѣвалъ ихъ?

— А бѣднымъ помогаль, только помогаль онъ какъ-то особенно! Узнаеть, что не на что похоронить кого -нибудь, бѣдняка выселяютъ изъ квартиры, придетъ, заплатитъ, дастъ на похороны за нѣсколько мѣсяцевъ впередъ.

— Вѣдь это, братцы, подвигъ!

— Да! Не то, что мы: стрѣляемъ!

— Онъ бѣднымъ помогаетъ!..

— А Спасителю-то любо да любо!..—сказаль старикъ-нищій съ сѣдою бородою.

— Завтра на разборъ! Что-то мнѣ присудятъ господа члены комитета.

— А ты въ который разъ?

— Въ пятый разъ!

— Ну, пожалуй, вышлютъ на родину!

— А ты который разъ?

— Въ первый!

— Не бойся! Выпустятъ на волю! Ступай, стрѣляй, пока не попадешься!

На другой день утромъ, съѣхались члены комитета, и засѣданіе открылось.

— Ребята, стройтесь!—скомандовалъ надзиратель. И нищѣ выстроились въ линію въ сосѣдней комнатѣ. Всѣ они одѣты были въ казенную одежду: сѣрые пиджаки и штаны. Надзиратель сталъ выкликать ихъ по фамиліямъ и уводитъ на засѣданіе комитета.

Засѣданіе комитета происходитъ въ обширномъ свѣтломъ залѣ, стѣны котораго украшены портретами государей и разныхъ благотворителей.

Посрединѣ зала—большой столъ, покрытый зеленымъ сукномъ. За столомъ сидѣло нѣсколько членовъ комитета. Опросъ нищихъ начался. На столѣ лежалъ цѣлый ворохъ занумерованныхъ дѣлъ о нищихъ. При каждомъ дѣлѣ имѣлись свѣдѣнія отъ сыскной полиціи.

Осторожно ступая по паркетному полу, нищѣ входили въ залъ засѣданія и становились впереди стола.

Иванъ Петровъ!

Я самый!

— Кто вы такой?

— Кронштадскій мѣщанинъ!

— Такой молодой и попрошайничаите!

— Работы нѣтъ, ваше превосходительство!

— Ну, хотите, мы вамъ дадимъ работу?

— Съ удовольствіемъ!

— Остаются при убѣжищѣ на два мѣсяца!

— Благодарю васъ!

— Твоя фамилія?

— Медвѣдевъ.

— Званіе?

— Крестьянинъ Ярославской губерніи.

— Въ первый разъ попалъ?

— Такъ точно!

— На первый разъ будешь уволенъ, если еще разъ попадешься, вышлютъ на родину! Ступай себѣ съ Богомъ!

— Покорнѣйше благодаримъ, ваше превосходительство! И мужикъ отвѣсилъ всѣмъ присутствующимъ земной поклонъ.

— Вы дворянинъ?—спрашиваетъ членъ комитета одного алкоголика съ опухшимъ одутловатымъ лицомъ.

— Такъ точно!

— Какъ вамъ не стыдно заниматься нищенствомъ!..

— Я не занимаюсь... Я только зашелъ въ колбасную лавку, обрѣзковъ купить, а тутъ какъ разъ городской мимо проходилъ, ну, меня и забралъ...

— Какъ вамъ не стыдно еще лгать!.. А еще дворянинъ!..

— Э, что мнѣ дворянство! Ничто! Звукъ пустой! Нынче дворянство-то въ карманѣ!..

— Родственники есть у васъ здѣсь?

— Есть!

— На поруки сдадимъ васъ! Ступайте!

— Слушаю-съ...

— Тебя зовутъ Сергѣемъ?

— Такъ точно, ваше превосходительство!

— Изъ какой губерніи?

— Колпинскій мѣщанинъ!—отвѣтилъ Сережка.

— Чѣмъ занимаешься?

— Чѣмъ извѣстно! На рукопротяжной фабрикѣ работаю!

— Стрѣляешь?

— Такъ точно!

— Отчего не поступишь на мѣсто куда-нибудь?

— Мы народъ потерянный! Кто насъ возьметъ въ такомъ видѣ-то?..

— Ну, такъ поработай у насъ! Хочешь?

— Отчего-жь!

— Въ убѣжищѣ, на мѣсяцъ?

— Ну, что-жь? Поработаемъ!..

— А ты, тетка, какъ сюда попала?

— Ваше превосходительство, понапрасну! Видитъ Богъ, понапрасну!

— Какъ такъ?

— А я встрѣтила на улицѣ одну барыню, и просила у ней мѣсто, въ услуженіе, а тутъ подвернулся городской и забралъ меня!..

— Какъ-же это случилось, что именно въ тотъ моментъ, когда ты просила у барыни «мѣсто», случился городской?..

— Вотъ провалиться мнѣ... понапрасну!..

— На первый разъ я тебя увольняю, а если еще попадешься, то отсидишь въ тюрьмѣ!..

— Спасибо, кормилецъ мой! Дай тебѣ, Господи, всего хорошаго, что пощадилъ меня, бѣдную... сироту!..

И тетка бухъ въ ноги.

— А я по пьяному дѣлу, ваше превосходитель-
ство,—сказаль портной, подходя къ столу.

— Нѣтъ! Ты забранъ за нищенство.

— Никакъ нѣтъ! Я остановился на улицѣ, чтобы
размѣнять деньги у товарища, а въ это время прохо-
дилъ городской!..

— Странное совпаденіе обстоятельствъ!

— Ну, меня и забрали, а я не стрѣляль... Ви-
дять Богъ, не стрѣляль!..

Молодой портнишка имѣль печальный видъ, на но-
гахъ надѣты были какіе-то старые опорки.

— Дать ему валенки! На первый разъ увольняю!
Ступай домой, впередъ не попадайся, а то придется
посидѣть въ тюрьмѣ!

— Слушаю-съ!..

— А ты, дѣдко, какъ попалъ?

— Одинъ, какъ персть, сударь! Надо-же чѣмъ ни-
будь кормиться. Вотъ я Христовымъ именемъ и сталь
промышлять!

— Въ богадѣльню-бы поступилъ?

— И, гдѣ мнѣ, сударь! Въ богадѣльнѣ нужна
рука, а у меня руки нѣтъ тамъ, не принимаютъ!..

— Ну хочешь, мы составимъ тебѣ протекцію, при-
мутъ?

— Заставьте вѣчно Богу Молиться!

— Останься пока у насъ, мы тебя опредѣлимъ
въ богадѣльню!..

— Слава Богу, наконецъ-то нашлись добрые лю-
ди!.. промолвилъ прослезившись старикъ.

Похороны босяка Серезки.

У Серезки было въ Петербургѣ нѣсколько братьевъ: одинъ служилъ на государственной службѣ, другой—въ частной конторѣ, по вольному найму, и третій управлялъ чьимъ-то домомъ. Братья помогали Серезкѣ, на сколько могли, но видя, что ихъ помощь идетъ, словно въ бездонную бочку—совсѣмъ отказались отъ него, и даже не принимали его къ себѣ. Безпутный братъ скитался по ночлежнымъ домамъ и наконецъ скрылся изъ вида своихъ родственниковъ. Пропалъ Серезка—и все тутъ. И гдѣ онъ скитается—неизвѣстно. Словомъ, Серезка сталъ потеряннымъ, пропащимъ человѣкомъ.

Однажды Мишка, закадычный товарищъ Серезки, явился къ старшему брату его, департаментскому чиновнику, съ печальнымъ извѣстіемъ, что Серезка умеръ... Брата онъ не засталъ дома, но за то засталъ его мать—почтенную бодрю старушку.

— Вашъ сыночекъ приказалъ вамъ долго жить!.. Онъ утонулъ..

— Утонулъ?..—воскликнула старушка. Ну, дай ему, Господи, царство Небесное!..—При этомъ старуха прослезилась.

— Покойному плохо жилось на бѣломъ свѣтѣ, ну теперь—конецъ!.. Какъ онъ утонулъ?

— А съ барки упалъ въ воду!

— Зачѣмъ онъ попалъ на барку?

— Очень просто! Мы тамъ ночевали, на баркѣ-

то! Барка стояла пустая, отчего-же не ночевать, чѣмъ платить пяточокъ въ ночлежку!..

— Такъ онъ на баркѣ ночеваль?

— И на баркѣ, и въ ночлежкѣ, и подъ заборомъ— гдѣ придется!..

— Ахъ! Сережа, Сережа!.. Думала-ли я!

— Съ барки на берегъ перекинута была доска. Онъ пошелъ съ барки по доскѣ, поскользнулся — и бултыхъ въ воду!.. Я туда, сюда,—его подъ барку-то и засосало сильнымъ теченіемъ!.. Ну, разумѣется, сейчасъ же городской, полиція—запротоколили...

— Ахъ, Боже мой!..

— На третій день трупъ выплылъ!

— Гдѣ же онъ?

— А по близости—въ Обуховскую больницу отправили, тамъ въ покойницкой и лежитъ... Хоронить надо... на похороны не дадите-ли, ваша милость, сколько-нибудь.

— Послѣдній долгъ покойному мы сами исполнимъ! Сами похоронимъ его!.. Спасибо, что извѣстили!.. Вотъ вамъ на чай! При этомъ старуха подала Мишкѣ полтора рубля.

— Спасибо, сударыня... Только зачѣмъ вамъ беспокоиться: дали бы на похороны мнѣ, а я бы все устроилъ!..

— Нѣтъ, нѣтъ! Послѣдній долгъ покойному отдадимъ! Похоронимъ его прилично, какъ слѣдуетъ... Старуха подошла къ платяному шкафу, достала оттуда сюртукъ и брюки и, подавая ихъ босяку, сказала:

— А это вамъ я дарю!.. На память о Сереженькѣ! Носите!..

— Спасибо, сударыня!..

— Сегодня панихиду по немъ отслужимъ, а завтра похоронимъ!..

— Прощайте, сударыня! Благодарю!..

Когда пришелъ со службы старшій братъ Сережки, то его мать сообщила ему печальную новость о смерти безпутнаго брата...

— Утонулъ Сереженька!

— Утонулъ! Ну, туда ему и дорога! Худая трава изъ поля вонь...

— Теперь ужъ не будетъ бродяжничать.

— И не станетъ насъ срамить!..

— А похоронить-то все таки надо!

— Конечно!

— Гдѣ онъ лежитъ?

— Въ покойницкой Обуховской больницы.

Дали знать братьямъ и прочимъ родственникамъ покойнаго. Вечеромъ, въ 7 часовъ, всѣ родственники и нѣкоторые знакомые Сережки собрались въ покойницкую—на панихиду. Покойницкая помѣщалась въ отдѣльномъ флигелѣ больницы и представляла собою большую комнату, посрединѣ которой стояло въ рядъ нѣсколько широкихъ скамеекъ; окрашенныхъ въ черную краску. На скамейкахъ лежали трупы скончавшихся больныхъ, недавно вынесенныхъ изъ больницы. Всѣ трупы покрыты были бѣлыми простынями, въ изголовьи пришиллены были ярлычки—съ обозначеніемъ имени и фамиліи покойника. Только у одного покойника не было ярлычка. Это былъ трупъ утопленника, «неизвѣстно кому принадлежащій».

— Здѣсь лежитъ утопленникъ? спросили у сторожа собравшіеся на панихиду родственники Сережки.

— Здѣсь! Пожалуйте въ мертвецкую!..

— Гдѣ онъ?

— Вотъ... при этомъ сторожъ быстрымъ движеніемъ руки отогнулъ край простыни съ головы и плечъ утопленника. Посинѣлый и распухнувшій трупъ производилъ тяжелое впечатлѣніе: глаза его залѣплены были иломъ, а волоса переплетались кое-гдѣ съ рѣчною травой.

— Ахъ! Неужели это Сережа! воскликнула бѣдная мать.

— Еще бы! Теперь его не узнаешь!

— Сколько времени былъ въ водѣ-то!..

— Извѣстно, смерть никого не красить!

— А тѣмъ болѣе утопленника!..

— Нѣтъ, это не мой сынъ!.. Я сомнѣваюсь.

— Что вы? Что вы, мамаша!..

— Нѣтъ, нѣтъ!..

— Полноте вамъ смущать народъ!

— Если это Сережа, то у него на правомъ плечѣ должно быть родимое пятно!.. Это вѣрная примѣта!..

Мать и братья отогнули рубаху покойника, посмотрѣли на правое плечо, — родимаго пятна не оказалось...

— Ну, что? Я говорила!..

— Перестаньте, мамаша! Вѣдь, родимое, пятно могло и сойти, исчезнуть у утопленника!.. Вотъ если бы онъ умеръ естественной смертью, то родимое пятно могло бы и остаться... А вѣдь передъ вами — утопленникъ!.. Мало ли что могло быть въ водѣ-то...

— Ну, пусть будетъ по вашему! Надо будетъ его одѣть! Эй сторожъ! Вотъ вамъ узелокъ: здѣсь халать... Одѣньте покойника...

— Слушаю-съ! Покойника одѣли. Позвали гро-

бовщика и уговорились съ нимъ на счетъ гроба и похоронъ.

— Сейчасъ будетъ панихида.

Пришелъ больничный священникъ и отслужилъ «по рабѣ божіемъ бояринѣ Сергіи» панихиду...

На третій день назначены были похороны. Приѣхалъ гробовщикъ съ нѣсколькими факельщиками. Когда отслужили литію и закрыли крышку гроба, братья подхватили гробъ, вынесли изъ покойницкой и поставили на дроги. Похоронная процессія тронулась. Впереди всѣхъ, за гробомъ, шла удрученная горемъ мать Сережки, за ней шли братья покойнаго со своими женами и знакомыми.

— Ну, вотъ Сереженька и преставился...

— Одинъ конецъ!

— Теперь по крайней мѣрѣ не будетъ скитаться по ночлежкамъ...

— Сколько я разъ говорила: Сережа, одумайся, нельзя такъ жить...

— Погубилъ свою забубенную головушку!...

— А все изъ-за чего?

— Любилъ выпить!..

— Вѣдь и мѣсто было хорошее: прогнали изъ-за пьянства!.. Поступилъ въ контору страховаго общества, тамъ тоже вскорѣ отказали за пьянство!..

— Да можетъ быть, онъ и пилъ-то изъ-за своихъ неудачъ!..

— Кто его знаетъ!..

— А во сколько, мамаша, намъ вскочать похороны-то?

— Да я еще не подсчитывала, полагаю, что около

ста рублей!.. Гробовщику одному шестьдесят рублей, плата за панихиду, да мало-ли сколько расходовъ...

— Да, глупо прожилъ свою жизнь покойный! Стоило-ли родиться, чтобы скитаться по ночлежнымъ домамъ, пьянствовать и наконецъ утонуть...

— Вся жизнь его — сплошная неудача...

— Несчастный!..

— И въ кого онъ вышелъ такой? Кажется, у насъ въ семьѣ всѣ порядочные люди!...

— А все-таки жаль бѣднягу!..

— Чего онъ не перенесъ, чего не испыталъ, мыкаясь по ночлежкамъ!.. Ну, теперь отошелъ въ вѣчность!.. И слава Богу...

Съ Лиговки похоронная процессія повернула на Разстанную улицу, которая ведетъ на Волково кладбище. Лошади тихо шли, понутивъ головы. Впереди, въ черныхъ ливреяхъ и черныхъ цилиндрахъ, точно вороны, шествовали факельщики. Позади за гробомъ, плелись родственники и знакомые Сережки. Когда печальная процессія повернула на Разстанную улицу, то бабы-торговки съ вѣнками въ рукахъ выбѣгали на середину улицы.

— Купите вѣнокъ для покойничка!..

— Не угодно-ли вѣночекъ!..

— А вотъ у меня хорошій вѣнокъ, дешево уступлю! Купите!..

— Что стоитъ этотъ вѣнокъ?

— Рубликъ!

— Дорого! Полтинникъ!

— Ужъ не торгуйтесь для покойничка-то!

— Ну, семьдесятъ пять копѣекъ...

— Извольте!..

Купленный вѣнокъ возложили на гробъ покойника...

По обѣимъ сторонамъ Разстанной улицы то и дѣло попадались монументальные магазины и трактиры, гдѣ заказываютъ поминальные обѣды и справляютъ тризну по покойникамъ. Вдали виднѣлись кладбищенскія ворота, растворенныя настежь.

Когда похоронная процессія проходила мимо трактира «Веселая Долина», оттуда вышелъ пьяный босякъ съ подбитымъ глазомъ, — въ коротенькомъ пиджакѣ, въ картузѣ, надѣтомъ на бекрень, что придавало ему безшабашное выраженіе. Засунувъ себѣ руки въ карманы брюкъ, онъ подошелъ, пошатываясь, къ процессіи и спросилъ:

— А кого это вы хороните?..

Какъ громомъ поразили эти слова всѣхъ участниковъ процессіи. Всѣ вглядываются въ неизвѣстнаго субъекта, и узнаютъ въ немъ Сережку... Это былъ онъ. Ужасъ и смятеніе овладѣли присутствующими.

— А кого это вы хороните? — съ цинизмомъ повторилъ вопросъ пьяный Сережка.

Мать Сережки воскликнула:

— Тебя болвана!..

— Ну, хороните, а я пойду въ трактиръ!

Похоронная процессія остановилась посреди улицы. Произошла нѣмая сцена, которая длилась нѣсколько минутъ. Затѣмъ насталъ общій переполохъ...

— Вотъ такъ похороны!

Сережка, пошатываясь, ушелъ въ трактиръ.

Старый факельщикъ, который на своемъ вѣку не мало проводилъ на тотъ свѣтъ покойниковъ, покачалъ

головою и промолвилъ: «Много лѣтъ я живу на свѣтѣ, а такого скандала не видалъ, и не слыхалъ»!

Когда первое мгновеніе нѣмого оцѣпѣненія прошло, то одинъ изъ братьевъ Сережки спросилъ:

— Что-жъ намъ теперь дѣлать, мамаша?

— Надо везти покойника обратно! Что-жъ мы будемъ хоронить чужого... Можетъ быть, у него найдутся родственники...

— Поворачивай дроги назадъ!..

И похоронная процессія повернула опять въ больницу.

— А какъ же на счетъ могилы, мамаша, вѣдь она уже вырыта!..

— Пускай останется...

Привезли неизвѣстнаго утопленника въ больницу и снова поставили его въ часовню... Продѣлка Сережки дорого обошлась его братьямъ: гробовщикъ ни копѣйки не скинулъ съ условленной платы. А въ пустую могилу положили утопленника.

Сережка надѣялся получить съ братьевъ на похороны и подослалъ Мишку, но это ему не удалось. Съ тѣхъ поръ Сережка пропалъ безъ вѣсти, и о немъ ни слуху, ни духу. И его мать не знаетъ, какъ его помянуть: «о здравіи», или «за упокой».

Мальчикъ и Пальчикъ.

I.

Въ одномъ изъ чайныхъ заведеній, находящихся на Подъяческой улицѣ, часа въ четыре пополудни сидятъ два субъекта и ведутъ между собою, вполголоса, разговоръ!

— Сегодня, «Пальчикъ», надо быть на чеку, напиваться нельзя, погода хорошая, на Невскомъ и на Морской гуляющей публики много—клевь важный будетъ!..

— Разумѣется, отвѣчаетъ второй субъектъ, ты «Мальчикъ» руби и покупай, а я буду слѣдь замечать! Идетъ, что-ли?

— Идетъ! Для удара выпьемъ немножко—и на работу!..

— Для храбрости, значить!

— Вѣстимо:

Пріятели достаютъ осторожно изъ кармана бутылку водки, наливаютъ въ чайные стаканы, причемъ одинъ изъ нихъ, чтобы отвлечь вниманіе буфетчика, держитъ газету, выпиваютъ, закусываютъ имѣющейсея на столѣ снѣдью, пьютъ чай и, расплатившись, уходятъ.

Восемь часовъ вечера... Чудная погода при морозѣ въ 3 градуса. Невскій проспектъ залитъ электричествомъ. Многочисленная публика сплошною толпою снуютъ туда и сюда по тротуарамъ. Большинство—гуляющихъ. Эти дамы набѣленные и разрумяненные, окру-

женныя толпою поклонниковъ, ведутъ непринужденные разговоры на вѣчно юную тему—про любовь. Порою сверкають черныя очи какой-нибудь красавицы.

Кончивъ работу, снѣшать по домамъ модистки, бѣлошвейки, конторщицы. Вонъ идетъ какой-то восточный челоуѣкъ съ хищническимъ выраженіемъ на лицѣ... У витринъ магазиновъ, ярко освѣщенныхъ электричествомъ,—масса любопытныхъ, любующихся выставленными новинками. Вотъ у одного изъ богатыхъ ювелирныхъ магазиновъ безопасно стоятъ два молодыхъ челоуѣка, одѣтые оба въ короткія тужурки, обшитыя поддѣльнымъ барашкомъ, въ суконныя шаровары съ напускомъ, въ барашковыя мелкія шапки, на ногахъ лакированныя сапоги. Ведя между собою, повидимому, серьезный разговоръ, они въ то же время зорко всматриваются въ проходящую публику. Это—два нашихъ знакомца: «Мальчикъ» и «Пальчикъ». Зачѣмъ они остановились около ювелирнаго магазина и зачѣмъ всматриваются въ публику? Они намѣчаютъ себѣ жертву, которую можно обокрасть—здѣсь же, на улицѣ, при всемъ честномъ народѣ, пользуясь многолюдствомъ большаго города, а отчасти и разсѣянностью обывателей.

Къ магазину лихо подкатываетъ на лихачѣ блестящій франтъ, въ цилиндрѣ, съ дамой сердца подъ руку, достаетъ туго набитый кошелекъ, уплачиваетъ лихачу, кладетъ кошелекъ въ карманъ и смѣясь направляется вмѣстѣ съ дамой къ дверямъ магазина.

Эхе-хе! «Мальчикъ», не зѣвай! говоритъ товарищъ своему коллегѣ по ремеслу.

— Видишь, франтикъ пріѣхалъ съ дамой своего сердца къ ювелиру, купить ей подарокъ! Смѣкай!

— Рубить, что-ли?

— Валяй!..

— А ты не выдавай! Въ случаѣ чего — слѣдь заметай!..

— Не безпокойся!.. Постою!..

Съ быстротою молніи, Мальчикъ бросается на перерѣзъ франту, крича кому-то: «здравствуйте! здравствуйте!» и чуть не сбивъ съ ногъ франта вмѣстѣ съ его дамой. Пальчикъ за нимъ, моментъ — и кошелекъ съ деньгами изъ кармана франта попадаетъ въ руки Мальчика, а затѣмъ быстро передается Пальчику, при чемъ пріатели спѣшно расходятся въ разныя стороны.

Среди суматохи, ничуть не подозрѣвая совершенной у него кражи, франтъ съ дамою направляются въ ювелирный магазинъ, а пріатели пошли далѣе, пробираясь на Большую Морскую улицу. На пути они зашли въ какой-то ресторанъ и съ радости тотчасъ же вспрыснули «удачный фортъ», что на жаргонѣ босяковъ значить ловкое удачное дѣло...

Черезъ часъ мы видимъ двоихъ пріателей уже на Большой Морской улицѣ, порядочно охмѣлѣвшими и слѣдящими за гуляющей публикой. Навстрѣчу имъ идетъ, сильно пошатываясь, молодой человѣкъ въ растегнутомъ пальто и сюртукѣ, съ болтающейся на жилетѣ золотой часовой цѣпочкой.

— Вонъ пижонъ идетъ!... сказалъ Пальчикъ, указывая на молодого человѣка. — Не мѣшало бы его поучить!..

— Дадимъ ему урокъ!..

Мальчикъ не зѣваетъ. Сильно пошатываясь, направляется навстрѣчу къ молодому человѣку, нарочно спотыкается и, какъ будто желая удержаться, обхватываетъ молодого человѣка, при чемъ лѣвая его рука

ловко попадаетъ въ жилетный карманъ, и часы съ золотой цѣпочкой уже у Мальчика. Извиняясь, что нечаянно толкнулъ, и не успѣвъ передать часы съ цѣпочкой Пальчику, Мальчикъ хочетъ перейти на другую сторону улицы, но въ этотъ моментъ чья-то рука схватываетъ его за локоть и передъ лицомъ его появляется знакомая личность «фигляра», т. е. агента сыскной полиціи, видѣвшаго и наблюдавшаго эту продѣлку.

— Не удалось сфортовать, такъ поди попарься! (т. е. ступай въ тюрьму), говоритъ агентъ.

— Не прошло, не надо!—отвѣчаетъ Мальчикъ.

— Не все коту масленица!

— Да, второй фортъ не удался!..

— Гдѣ же первый-то фортъ былъ?

— На Невскомъ!

— Молодецъ!..

— Семь бѣдъ—одинъ отвѣтъ!..

И Мальчикъ передается дворнику для отправленія въ участки.

— Сорвалось!—сказалъ онъ, и въ сопровожденіи дворника поплелся въ «часть».

II.

Шесть часовъ утра... Въ камерахъ N—ской части только-что проснулись заключенные, многіе еще спятъ. Камера освѣщена висячей лампой. Кто-то изъ вставшихъ производитъ починку платья, кто сидитъ, бессмысленно тараща глаза невѣдомо куда, въ пространство, и припоминая вчерашній день, что съ нимъ было и какъ онъ сюда попалъ, а кто занимается истре-

бленіемъ «нечестивыхъ», т. е. паразитовъ, въ изобиліи имѣющихся здѣсь.

На нарахъ, около окна, сидитъ, по турецки поджавши ноги подъ себя, молодой человекъ, въ одномъ нижнемъ бѣльѣ и тщательно подпарываетъ перочиннымъ ножикомъ барашковую опушку съ короткой суконной тужурки.

Это — нашъ знакомый, «Мальчикъ», какъ онъ слыветъ среди босяковъ, а по просту Василій Никитинъ.

— Ты это что тамъ перомъ то строчишь? (т. е. что рѣжешь ножомъ?) спрашиваетъ его одинъ изъ арестованныхъ, нѣкто «Ванька Валетка».

— Да «смолка» зашита, (т. е. табакъ), такъ вотъ достаю... Мнѣ вѣдь, другъ, париться-то долго придется (т. е. долго придется сидѣть въ заключеніи). Многіе профессиональные карманные воры на случай если имъ придется сидѣть въ тюрьмѣ, имѣютъ запасы табаку, который они зашиваютъ въ своей одеждѣ, за подкладкой.

— А зайчики-то есть? (т. е. спички) спрашиваетъ опять «Валетка».

— А то какъ же, отвѣчаетъ Никитинъ, не безъ этого. Не даромъ поется, что мы «повороты не куклимы»!.. У меня, братъ, и соренка (т. е. деньги) имѣется, да далеко запрятана, ты ужъ выручай до четверга, а тамъ придетъ Пальчикъ, онъ принесетъ всего!

Онъ братъ, ловокъ...

— А гдѣ же онъ?

— Я-то съ дѣломъ засыпался (т. е. попался), а онъ видитъ, что застремили (т. е. забрали), винта на-рѣзалъ... (т. е. убѣжалъ).

Разговоръ этотъ прекращается крикомъ вбѣжавшаго въ камеру оборваннаго заключеннаго

Эй, вы, что зѣваете! Чай заваривать! А то весь кипятокъ разберутъ, потомъ не дождемся!..

Начинается суетня; у кого есть чай, сыплоть его въ большіе казенные чайники, и надѣлавшій тревогу заключенный моментально исчезаетъ съ чайникомъ. Минуть черезъ десять онъ возвращается съ завареннымъ чаемъ—и вся камера, разбудившая остальныхъ спавшихъ товарищей, принимается за чаепитіе. Здѣсь сразу бросается въ глаза разница между находящимися въ камерѣ ворами и «стрѣлками». Заключенные по дѣламъ, предусмотрѣннымъ ст. 169 уголовного судопроизводства, т. е. за кражу—одѣты болѣе прилично, у нихъ имѣются булки, чай, сахаръ и колбаса, а также,—несмотря на строгій обыскъ въ конторѣ,—и деньги; между тѣмъ какъ у другой категоріи заключенныхъ, т. е. «стрѣлковъ», понавшихъ за прошеніе милости, не имѣется ровно ничего, и они во время пребыванія въ части являются полнѣйшими рабами первыхъ; получаютъ отъ нихъ пинки и подзатыльники, выносятъ по утрамъ «парашку», стоятъ на стремѣ, т. е. стерегутъ, не идетъ ли надзиратель, чистятъ имъ сапоги и т. п., за что пользуются чаемъ, сахаромъ, остатками отъ нихъ казеннаго хлѣба, выдаваемого по 2 фунта на человѣка въ сутки, и изрѣдка перепадаетъ кусокъ булки или кренделя, а иногда въ видѣ поощренія и покурить даютъ...

Чай отпили...

Разговоръ вертится болѣе о ловкихъ кражахъ, полицейскихъ чинахъ и о товарищахъ: кто на волѣ гуляетъ, кто попался, или кто куда высланъ...

Въ 8 часовъ утра начинается мытье корридоровъ, что исполняется исключительно «стрѣлками». Вслѣдъ за этимъ является надзиратель, съ требованіемъ пилить дрова. Тутъ среди заключенныхъ начинаются пререканія: никто не изъявляетъ желанія идти на пилку. Подъ разными предлогами всякій старается увильнуть отъ работы.

— Мы люди вольные!..

— Мы не привыкли къ работѣ!

— Что же вы, анаемы, урезониваетъ надзиратель, вѣдь жрать-то будете, надо-же пищу-то варить! Лодыри! Вѣдь всего часъ попилить-то!..

Въ отвѣтъ на эту рѣчь раздаются возгласы:

— Я слѣдственный, мы не ходимъ никуда на работы!..

— Я за сенатомъ!..

— А я за министромъ!..

— Мнѣ въ «Крестъ» идти надо. (Такъ называютъ арестанты тюрьму одиночнаго заключенія, что на Выборгской сторонѣ, за то, что она построена крестообразно).

— А мнѣ въ сыскное!..

Въ итогъ выходитъ, что дрова пилить идутъ все тѣ же «стрѣлки», да попавшіеся въ первый разъ за кражу и не получившіе права гражданства между арестованными.

Въ 9 часовъ входитъ въ камеру староста, тоже изъ арестованныхъ, и вызываетъ на обѣдъ тѣхъ, кому сегодня слѣдуетъ идти въ тюрьму, къ мировому судѣ и въ сыскное отдѣленіе, потому что они, вернувшись поздно въ участокъ, могутъ не застать обѣда.

Между вызванными находится и Мальчикъ.

По уходѣ ихъ, въ камерѣ начинается «чтеніе святцевъ» *) (т. е. игра въ карты).

— Братцы, надо сторожа поставить!

— Вѣстимо! Чтобы надзиратель врасплохъ не засталъ!

— Эй, ты, савотѣшникъ, стремь у окна, да смотри, не продай!..

Одинъ изъ стрѣлковъ становится у дверей и глядитъ въ очко (маленькое, круглое отверстіе въ дверяхъ), не идетъ-ли надзиратель.

Играютъ на деньги въ стуколку, въ банкъ и въ темную.

Изъ сосѣдней камеры раздается пѣніе многихъ осиплыхъ голосовъ:

Петербургской институтки
 Незаконный я сынокъ.
 На Крестовскомъ рожденъ въ будкѣ
 На Великій Четвертокъ.
 Я воспитанъ былъ тюрьмою,
 Въ арестантскихъ кончилъ курсъ,
 И кричу: «Любую кражу
 Чисто здѣлать я берусь!»
 Вотъ попался кражъ удачный,
 Какъ-то чуть-ли не съ милльонъ,
 И въ суконный рядъ калачный
 Безъ стѣсненья втерся онъ.
 Вотъ, квартира въ бель-этажѣ
 Пара сѣрыхъ рысаковъ,
 Содержанокъ, трое даже,
 Гардеробъ имъ весь готовъ.

*) „Чтеніе святцевъ“—у арестантовъ называется игра въ карты.

Пѣсня продолжается до тѣхъ поръ, пока герой ея не угодилъ, наконецъ, въ Сибирь.

Изъ камеры въ камеру расхаживаетъ старикъ, лѣтъ пятидесяти, и спрашиваетъ вновь прибывшихъ: не видаль-ли кто его сыновей, Сашку-цыгана, да Петьку-кривого. Старикъ этотъ съ двумя сыновьями извѣстенъ между ворами, какъ «благочестивое семейство», потому что онъ и его сыновья завзятые воры-рецидивисты.

Около 12 часовъ дня раздается зычный окликъ старосты по корридорамъ:

— За чашками!..

Изъ каждой камеры идутъ по три, по четыре человека—получать обѣдъ и возвращаются съ пайками хлѣба, ложками и похлебкой, нечто въ родѣ щей, съ нѣсколькими кусочками мяса въ чашкѣ и затѣмъ съ кашей. Все это, за неимѣніемъ мѣста на столѣ, ставится на нары, и всѣ пристраиваются вокругъ чашки на корточкахъ, а нѣкоторые хлебають и стоя.

— Глядите-ка, братцы, въ чашку-то!

— А что?

— Крупина крупину погоняетъ дубиной!..

Послѣ обѣда всѣ ложатся спать, кто на нары, а кто подъ нарами.

Въ два часа опять крикъ:

— За кипяткомъ!...

Происходитъ то-же самое, что и утромъ, пьютъ чай, галдятъ, ругаются. Около печки стоятъ два стрѣлка и спрашиваютъ другъ друга, скоро-ли поведутъ ихъ въ комитуху, т. е. въ комитетъ для разбора и призрѣнія нищихъ, и какой генераль будетъ разбирать ихъ.

Въ камеру влетаетъ буквально нагой, въ однихъ

только исподнихъ подштанникахъ, юноша и во всю мочь ореть: «Мы изъ Вязьмы два громилы»!

— Ты что-же это, Витька-баринъ, никакъ прямо изъ Гостиного двора, такъ пріодѣлся?—спрашиваютъ его.

Все, братцы, въ святцы прочиталь!—отвѣчаетъ онъ, и вновь заливается пѣсней:

Въ магазинъ, въ «очко» пролѣземъ...
 Все до чиста оберемъ
 И опять въ очко уйдемъ!
 Мы гуляемъ больше парой:
 Я съ «Томой», а онъ съ «гитарой»...
 Если «Сидоръ» насъ застремить,
 То Митюха черепъ сломить.
 Другъ на друга мы похожи,
 У обоихъ страшны рожи...

Витька-баринъ сынъ хорошихъ родителей, весьма образованный, и вслѣдствіе нежеланія родителей жениться на любимой имъ дѣвушкѣ изъ модистокъ пустился сначала въ пьянство, а потомъ и въ воровство; отбылъ уже наказаніе въ тюрьмѣ, и теперь назначенъ на высылку на родину.

Къ вечеру отъ мирового судьи возвращается Мальчикъ и громко, не ожидая вопросовъ объявляетъ товарищамъ:

— По второму разу дали 8 мѣсяцевъ, да еще изъ Креста придется идти со свѣчами (т. е. въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ солдатъ) къ слѣдователю...

Въ камеру входитъ староста и спрашиваетъ, кто

будеть посылать въ лавку... Желающихъ записываетъ на листкѣ бумаги, отмѣчая, кому что надо купить, и запись несетъ въ контору смотрителя, гдѣ выдается изъ отобранныхъ при арестованіи денегъ необходимая сумма для покупки товаровъ, и посылается надзиратель въ лавку.

Покупки выдаются на другой день—въ полдень или въ 1 часъ дня.

Въ корридорѣ и камерахъ среди заключенныхъ вдругъ подымается шумъ, слышатся крики, среди которыхъ можно рбзобрать слова:

— Бурду!..—кричитъ кто-то.

— Куда его, онъ Бурда, такъ Бурда и есть!..

— Онъ обираль насъ!..

— Бурда, братцы, накатчикъ!—кричатъ другіе.

— Валяй, братцы, Завьяла: онъ хорошій парень!

— Завьяла, Завьяла!

— Мы хотимъ Бурду!..

Начинается потасовка изъ-за выбора старосты, вмѣсто прежняго, выходящаго изъ части на высылку. Большинствомъ голосовъ; а отчасти и Кулаковъ выбрали Бурду, и прежній староста идетъ докладывать о результатахъ выбора «самому», т. е. смотрителю участка.

— Въ отхожемъ мѣстѣ, въ ретирадѣ, идетъ свое совѣщаніе: привели въ часть ненавистнаго Сидора, т. е. дворника, и такъ какъ вообще говоря, всякій дворникъ—врагъ босяковъ, рецидивистовъ и воровъ, то собравшіеся совѣтуются между собою, какъ и гдѣ лучше «всыпать» ему... Подъ именемъ Сидора среди босяковъ разумѣется вообще дворникъ.

— Ребята, Сидора привели!

— Всыпать ему!

— Влить!..

— Вѣдь, онъ насъ обижалъ когда-то, на волѣ-то...

Не онъ, такъ другой... Пускай пошлатится.

— Высыпать, высыпать! Пускай маленькихъ не обижаютъ!

— Гдѣ ему зададимъ потасовку?

— На повѣркѣ!—кричитъ Мальчикъ.

— А какъ?

— Очень просто! Кто-нибудь наведи мнѣ чистоту, а я, думая, что это онъ, садану его по кумполу-то!..
Всѣ соглашаются съ этимъ мнѣніемъ.

— Молодецъ, мальчикъ!

— Ловко придумалъ!

— Проучимъ Сидора!..

— Витя, ты, кажется, назначенъ на Балахны, я братъ, тоже туда буду проситься, тамъ сойдемся и пошмоналимъ вдосталь!.. Я тамъ бывалъ, и знаю, гдѣ клюеть!..

— Руку, коллега!..

— Ладно, ладно!..

Одинъ изъ заключенныхъ направляется со своимъ бѣльемъ къ выходу.

Ты куда это, «Непроходимое болото», прешь?

— Да надо кожу въ чистку отдать...

— Кому?

— Спиридону-повороту!..

Спиридонъ-поворотъ—это стрѣлокъ, безсчетное число разъ ломавшій этапы, и въ участкѣ считающійся какъ-бы своимъ человѣкомъ. Онъ занимается стиркою бѣлья на арестованныхъ за небольшую плату.

Въ 7 часовъ вечера опять раздается возгласъ старосты:

— За чашками! Заключенные идутъ и приносятъ ужинъ, состоящій изъ однѣхъ только щей.

Послѣ ужина опять игра въ карты или на ремешокъ, тѣ-же разговоры и подь-часъ драка, оканчивающаяся миромъ. Въ 9 часовъ вечера староста кричить на весь участокъ:

— На повѣрку!.. Всѣ высыпаютъ изъ камеръ, становятся въ корридорѣ во фронтъ, въ двѣ шеренги, и явившійся смотритель, или его помощникъ производятъ по книгѣ перекличку всѣхъ арестованныхъ—по фамиліямъ.

Послѣ повѣрки поютъ хоромъ вечернія молитвы, и заключенные расходятся по камерамъ.

Приносятся въ камеры «парашки», и временные обитатели сего жилища, привернувъ лампу потемнѣе и прикурнувъ на нарахъ успокаиваются до слѣдующаго утра...

Ш.

Въ девять часовъ утра изъ воротъ N—ской «части» вышла партія арестованныхъ въ сопровожденіи нѣсколькихъ полицейскихъ надзирателей. Партія эта сопровождается въ с.-петербургскую тюрьму одиночнаго заключенія, что на Выборгской сторонѣ.

Почти всѣ арестованные идутъ или съ узелками, или бумажными свертками въ рукахъ; въ нихъ завернута дневная порція хлѣба, выданнаго въ «части», такъ какъ въ тюрьмѣ они хлѣба уже не получаютъ. У осужденныхъ по дѣламъ кражъ имѣется также чай, сахаръ, баранки и всякая снѣдь, допускаемая въ тюрьмѣ, и ранѣе ими выписанная изъ лавки. Къ этому же вре-

мени, то есть къ девяти часамъ утра, къ воротамъ «части» собралось нѣсколько молодыхъ женщинъ, тоже съ узелками, а нѣкоторыя и съ чайниками, мѣдными или фарфоровыми, но отнюдь не жестяными, которые не допускаются въ тюрьму.

Это все дамы сердца «фортовыхъ» заключенныхъ, по большей части ночныя бабочки мелкаго пошиба. Рѣдкій «фортовый», то есть карманный ворюшка, не имѣеть подобной подруги: ей онъ передаетъ краденое, у нея хранить свою добычу до продажи, часто содержать ее на своемъ иждивеніи, и за это, при плохихъ дѣлахъ, часто самъ находится у нея на содержаніи; а въ случаѣ ареста и сидѣнія въ тюрьмѣ, онъ обезпеченъ отъ нея всякими съѣстными припасами, чаемъ, сахаромъ, а также и бѣльемъ, что крайне необходимо при полицейскомъ арестѣ. Напротивъ, у лицъ, забранныхъ за нищенство, ничего подобнаго нѣтъ, никто къ нимъ не придетъ, и ничего не принесетъ.

При выходѣ партіи изъ воротъ участка, ожидавшія жеищины быстро подходятъ къ ней, здороваются, и начинается передача принесеннаго. Къ одному изъ идущихъ въ партіи, къ нашему знакомому «Мальчику» подбѣгаетъ женщина среднихъ лѣтъ и, передавая ему чайникъ и узелокъ, начинаетъ утѣшать его

— Здравствуй, Вася!

— Здорово, Леля! Спасибо, что пришла!..

— Не горюй, Вася!.. Тутъ тебѣ всего хватитъ недѣли на двѣ, а тамъ я, или Пальчикъ, придемъ къ тебѣ въ тюрьму и опять принесемъ всего!..

— Спасибо!.. Леля,—спрашиваетъ у нея Мальчикъ,—а Пальчикъ передалъ шмель-то тебѣ?

— Какъ же! Въ тотъ же день получила!

— А много-ли въ шмель-то оказалось? Я вѣдь тогда не успѣлъ и посмотрѣть!

— Въ шмель-то пять «желтяковъ» большихъ, да «бѣляковъ» четыре штуки было!

— Выйду изъ «Креста», погуляемъ! Смотри, Лелька, — урезониваетъ ее Мальчикъ, — не будь «чѣмъ ши-то хлебають», не попадись, а то застремять и засыплють: тебѣ вѣдь придется тогда въ «Предварилловку» со свѣчами шагать (то есть въ сопровожденіи двухъ конвойныхъ солдатъ съ саблями на-голо).

— Будь спокоенъ! Не застремять!.. Я далеко запрятала шмель-то, — отвѣчаетъ Лелька, — ну, прощай, Васька, пора идти, не горюй!..

Она цѣлуется съ нимъ и убѣгаетъ со середины улицы на тротуаръ.

Партія продолжаетъ путь, шутя и смѣясь между собою. А вотъ и Александровскій мостъ. Съ моста, на-право, видать колоссальное каменное зданіе одиночной тюрьмы, съ блестящимъ крестомъ на маленькомъ куполѣ.

— Вонъ, братцы, дворецъ Михнева!.. (Михневъ — начальникъ тюрьмы).

— Славныя палаты!..

Сойдя съ моста и повернувъ на-право по набережной, партія подходит къ воротамъ тюрьмы, у которыхъ стоитъ толстый привратникъ.

— Ну, братцы, сколько гостей-то привели! Пожалуйте!.. — привѣтствуетъ онъ вновь пришедшихъ и, пропустивъ партію въ калитку, запираетъ ее.

Пока партія вступаетъ въ тюрьму, не лишнимъ будетъ, хотя вкратцѣ, ознакомить читателя съ этимъ зданіемъ, которое украшаетъ Выборгскую сторону.

Петербургская тюрьма одиночнаго заключенія — ко-

лоссальнѣйшая въ Европѣ, Въ ней насчитывается 1,228 камеръ: она на нѣсколько камеръ больше, чѣмъ самая большая тюрьма во Франціи, въ Парижѣ. Она состоитъ изъ двухъ зданій въ пять этажей, а каждое зданіе изъ четырехъ корпусовъ, сходящихся другъ съ другомъ крестообразно, въ одной точкѣ. Въ томъ мѣстѣ, гдѣ четыре корпуса сходятся, стоитъ высокая центральная башня. Помѣстившись въ центральной башнѣ, можно наблюдать три корпуса сразу, впереди, справа и слѣва, и при томъ всѣ пять этажей, потому что этажи половъ не имѣютъ, а камеры cadaго этажа соединены другъ съ другомъ желѣзными галлереями, которыя, точно радіусы въ кругѣ, сходятся въ центральной башнѣ; отъ пола и до самаго потолка стоитъ винтовая желѣзная лѣстница. Свѣтъ Божій проникаетъ въ тюрьму черезъ стеклянный потолокъ центральной башни и черезъ четыре огромныя окна, обращенныя на сѣверъ, югъ, востокъ и западъ. Для освѣщенія же собственно камеръ, каждая камера имѣетъ по одному небольшому окну.

Въ центральной башнѣ находится зальный надзиратель, который передаетъ распоряженія начальства 8-ми галлерейнымъ надзирателямъ, вызывая ихъ свисткомъ. Свисткомъ дается сигналъ къ вставанію, къ отправленію на кухню за обѣдомъ и кипяткомъ; по свистку становятся на молитву и ложатся спать.

Только что приведенную партію доставили въ тюремную контору, гдѣ у cadaго спрашиваютъ: имя отчество, фамилію, адресъ, званіе, занятіе, отбираются деньги, и партія отправляется въ подвальное помѣщеніе, гдѣ всѣ раздѣваются до-нага, укладываютъ свои вещи въ мѣшокъ и сдаютъ на сохраненіе, затѣмъ въ присутствіи фельдшера каждый взвѣшивается на вѣ-

сахъ для опредѣленія вѣса при поступленіи въ тюрьму и при выходѣ изъ нея; потомъ вахтеръ «Максимичь» предлагаетъ новичкамъ вымыться въ ваннахъ, послѣ чего раздаетъ имъ казенное платье: исподніе холщевые штаны, верхніе штаны, рубаху, бушлатъ и колпакъ сѣраго сукна, коты, полотенце и онучи: все это надѣвается на себя. Вновь прибывшихъ сажаютъ по камерамъ, куда является галлерейный надзиратель, стрижетъ машинкой заключенному голову и предлагаетъ прочесть висящія на стѣнѣ правила для заключенныхъ, послѣ чего арестантъ остается одинъ въ камерѣ.

Только что размѣщенныхъ по камерамъ, вновь прибывшихъ арестантовъ обходитъ священникъ, который спрашиваетъ причину наказанія и даетъ пастырское наставленіе. Нѣкоторые изъ заключенныхъ охотно отвѣчаютъ на вопросы и внимательно выслушиваютъ слова батюшки, и даже благодарятъ его; но многіе упорно молчатъ, и даже обращаются къ священнослужителю съ просьбою: «оставь ты меня, батюшко, въ покоѣ, и безъ тебя все это знаю, чего тутъ еще учить-то».

На другой день всѣхъ вновь прибывшихъ ведутъ къ начальнику тюрьмы, который назначаетъ каждому арестованному два №№: одинъ большой—для ношенія на рукавѣ бушлата а другой малый—для опусканія во время прогулки въ кружку на тотъ случай, если заключенному понадобится о чемъ-либо лично переговорить съ начальникомъ тюрьмы. При разбивкѣ по камерамъ назначаются арестованнымъ и какія-нибудь работы, смотря по тому, кто чѣмъ занимался раньше.

— Какъ твоя фамилія?

— Ивановъ, ваше высокоблагородіе!

— Твое занятіе?

— На всѣ руки мастеръ, ваше высокоблагородіе!

— Да, вижу: ты ужъ въ пятый разъ попадаешься въ тюрьму!

— Такъ точно, ваше благородіе!

— Какое же твое главное занятіе?

— По слесарной части! Водопроводчикомъ былъ! За кражу кошелька съ тремя копѣйками попалъ на три мѣсяца въ тюрьму!

— Дѣло! Въ другой разъ не воруй!..

— Другу и недругу закажу, ваше благородіе!

— Что?

— Чтобы не воровать... такіе пустяки!..

— Чтобы тебѣ не скучно было у насъ, будешь работать въ тюремной кузницѣ...

— Слушаю-сь!..

— Твой номеръ будетъ 1105-й!

Въ это время арестанту на лѣвую руку на рукавъ нашили мѣдную бляху съ обозначеніемъ упомянутаго номера.

Подводятъ слѣдующаго арестанта.

— Твоя фамилія?

— Петровъ—изъ дворянъ...

— Ты долженъ знать, что здѣсь въ тюрьмѣ всѣ равны. Мы всѣ обязаны говорить на *ты*, мужикъ ли, дворянинъ ли, все равно. Ты не долженъ обижаться, если надзиратель, или тюремная стража будетъ говорить тебѣ *ты*. Запомни это!..

— Я не хочу выдѣляться отъ другихъ!..

— Твое занятіе?

— По письменной части!

— Ну, у насъ подходящихъ занятій для тебя не

найдешь! Вотъ развѣ въ типографію тебя назначить— «Тюремный вѣстникъ» печатать! Номеръ твоей камеры 1101, на солнечной сторонѣ!

— Чувствительно благодарю васъ!

Подошелъ слѣдующій арестантъ.

— Ты чѣмъ занимаешься?

— Въ огородникахъ состоиль!

— Прекрасно! Намъ огородниковъ надо! Будешь капусту растить! Твой № 1102-й... Ступай!

— А я, ваше высокоблагородіе, на ткацкой фабрикѣ работаль, сказаль фабричный рабочій, блѣдный и худой...

— Ну, что-жь? И у насъ будешь работать на ткацкомъ станкѣ, только на ручномъ!

— Могу и на ручномъ!

Прочимъ арестантамъ тоже назначили подходящія работы, кому склеиваніе коробочекъ для табачныхъ фабрикъ, кому картонажныя работы, нѣкоторымъ назначили даже щипать пеньку, именно тѣмъ, кто ничего не умѣеть дѣлать, за эту работу они получали «пяточокъ» въ день и кровавые подтеки на пальцахъ...

Нашъ знакомецъ «Мальчикъ» попалъ въ тюремные служителя, чему онъ весьма обрадовался. Выходя отъ начальника тюрьмы, онъ шепнулъ на ухо своему товарищу:

— Вотъ, братецъ, лафа-то: въ служителя попалъ! Теперь пойду на кухню за пищей и «смолку» (т. е. табаку) тамъ стрѣльну и зайчиковъ—и буду, какъ баринъ!

Придя въ одиночную камеру, Мальчикъ усѣлся на тубаретѣ и оглядѣлся вокругъ... Маленькая комната въ 2—3 кубическихъ сажени. Свѣтъ въ эту комнату про-

ходилъ въ единственное окно, которое прорѣзано высоко, поближе къ потолку. Взглянуть въ это окно на свѣтъ Божій нѣтъ никакой возможности. Направо—железная кровать, на день привинченная къ стѣнѣ въ отвѣсномъ положеніи. Къ вечеру кровать отвинчиваютъ. Впереди кровати небольшой деревянный столикъ и табуретка. Въ углу стоитъ «парашка».

Ознакомившись съ мѣстомъ заключенія, Мальчикъ предался размышленію. Видитъ онъ и свою Лельку, и Невскій проспектъ, и какъ шмель вытаскиваетъ изъ кармана франта, и Большую Морскую улицу, гдѣ онъ попался и опять Лельку при прощаніи, и невольная улыбка удовольствія появляется у него на лицѣ при воспоминаніи о деньгахъ, находившихся въ кошелькѣ, и онъ уже представляетъ себя сидящимъ въ трактирѣ вмѣстѣ съ Лелькой и Пальчикомъ, и хочетъ онъ крикнуть: «Эй, паренекъ, водки и пива сюда!», но громкій голосъ тюремнаго надзирателя разрушаетъ его мечтанія:

— Эй, служитель, что дрыхнешь-то!.. анаеема! Бѣги, анаеема, за кипяткомъ, уже всѣ собрались!..

Мальчикъ очнулся, вспомнилъ, гдѣ онъ, съ сокрушеніемъ сердца оглянулся на стѣны камеры и со вздохомъ отвѣтилъ:

— Сейчасъ, виновать!..

— То-то, анаеема!.. Чего дрыхнешь-то!

— Да я вовсе не спалъ!..

— Что-жь ты дѣлалъ?

— Такъ сидѣлъ, задумавшись!

— Врешь, анаеема!.. Тебѣ думать не полагается!..

И Мальчикъ поплелся съ надзирателемъ въ коридоръ, а оттуда на кухню. Обязанности Мальчика, какъ тюремнаго служителя, слѣдующія: въ 7 часовъ

утра онъ обтираетъ на перилахъ галлерей пыль, выметаетъ галлерею своего отдѣленія, раздаетъ по камерамъ кипяткомъ и приводитъ въ порядокъ отхожія мѣста, куда выносятся парашки; въ 9 часовъ идетъ въ хлѣбную за хлѣбомъ и раздаетъ по камерамъ; въ 11 часовъ идетъ въ кухню за мясомъ; въ 12 часовъ— за обѣдомъ, въ 4 часа за кипяткомъ въ 7 часовъ— за ужиномъ и кипяткомъ. Затѣмъ чистка мѣдной посуды—и спать. Плата служителю полагается 8 копѣекъ въ сутки.

Отсидѣлъ Мальчикъ свой срокъ въ тюрьмѣ благополучно: ни разу не побывалъ въ «поддувалѣ», т. е. карцерѣ, на хлѣбѣ и водѣ, что при его задорномъ характерѣ является дѣломъ мудренымъ; получилъ на руки около 15 рублей заработанныхъ денегъ, и полетѣлъ на волюшку вольную, къ милой своей Лелькѣ, предварительно распрощавшись съ надзирателемъ.

— Прощай, другъ милый, теперь лечу, лечу куда хочу! Не вспоминай меня лихомъ!..

— Когда опять-то ждать?—спрашиваетъ его надзиратель: недѣльники-то черезъ двѣ пожалуешь?

— Нѣтъ, братъ, кончилъ Мальчикъ въ «Крестѣ» париться, а ужъ если попадусь, то прямо въ Литовскій замокъ поведутъ съ почетомъ, со свѣчами! (т. е. въ сопровожденіи солдатъ съ обнаженными шашками).

Нищенка.

— Милый баринъ! подите старому старичку на гробъ!.. плаксивымъ голосомъ, на распѣвъ, стоя на панели, на одной изъ шумныхъ улицъ Петербурга, приставала женщина къ прохожимъ. Одѣта она была въ полушубкѣ съ оборками сзади, въ черныхъ валенкахъ, въ пестромъ шерстяномъ платкѣ. И по внѣшнему виду, по одеждѣ, скорѣе походила на деревенскую бабу, чѣмъ на профессиональную нищенку, тѣмъ болѣе, глаза ея были заплаканы, что свидѣтельствовало о ея неутѣшномъ горѣ.

— Милый баринъ! подайте старому старичку на гробъ!..

— Ахъ Боже мой! какое несчастье! Не на что старика похоронить!.. невольно подумаль встрѣчный прохожій, полъзъ въ карманъ и раскошелился.

— Эй, тетка, получи на похороны!

— Спасибо, благодѣтель мой! Дай вамъ Господи всего хорошаго!..

— Милая барыня! помогите несчастной вдовѣ! Подайте старому старичку на гробъ!.. Семеро дѣтей не ѣвши сидятъ!..

— Ахъ Боже мой, Боже мой! сколько горя на бѣломъ свѣтѣ!.. На, получи, милая!..

Получивъ подачку, нищенка еще болѣе захныкала, приговаривая на распѣвъ:

— На кого ты меня оставилъ! Семеро дѣтей— куда я съ ними дѣнусь!..

Барыня расчувствовалась и подала нищинкѣ еще.

— На, дѣткамъ твоимъ!...

— Ахъ, добрая барыня! Спасибо, спасибо! Пошли вамъ Господи сторицею...

— Давно у тебя старичокъ-то умеръ?

— Вечера... Квартира нетопленая, дѣти голодныя...

— Ахъ бѣдная!..

— Спасибо голубушка!..

Нищенка подошла къ подъѣзду богатаго дома, къ которому только-что подкатила карета.

Изъ подъѣзда выходилъ молодой, жизнерадостный господинъ въ собольей шубѣ, онъ хотѣлъ сѣсть въ карету, какъ вдругъ съ панели услышалъ чей-то возгласъ.

— Добрый баринъ! подайте старому старичку на гробъ!.. заголосила нищинка.

Не смотря на то, что господинъ былъ въ самомъ веселомъ, радужномъ настроеніи, веселость его моментально пропала, лицо стало серьезно, а въ глазахъ промелькнулъ отпечатокъ грусти, когда онъ услышалъ просьбу нищенки помочь на похороны. Господинъ на минуту остановился.

— Ага! клюнуло! — промолвила нищинка, опытнымъ взглядомъ наблюдывая за своей жертвой.

— Добрый баринъ! подайте старому старичку на гробъ!..

— Вѣдь это-же — вопіющая бѣдность! — проговорилъ господинъ, обращаясь къ швейцару. Просятъ на гробъ!..

— Вѣрьте имъ, сударь, — отвѣтилъ швейцарь.

— Нѣтъ, не можетъ быть, чтобы лгали!..

Жизнерадостный господинъ никогда не помышлялъ

о смерти, беззаботно срывалъ цвѣты удовольствій — и вдругъ просьба нищенки на минуту заставила его призадуматься: вопіющая бѣдность представляла неизмѣримо большой контрастъ съ его богатствомъ. Онъ сразу представилъ себѣ, что рядомъ съ богатствомъ существуетъ страшная бѣднота, когда люди выходятъ на улицу — просить на гробъ...

Господинъ полѣзъ въ карманъ, досталъ рублевку и подалъ нищинкѣ.

— Пошелъ!.. сказалъ онъ кучеру. И карета покатила. А женщина стала ругать швейцара.

— Что тебѣ чужихъ денегъ жалко!.. Вишь, морду-то какъ развезло! А тутъ человѣка не на что похоронить!.. Дѣти голодныя сидятъ...

— А ты, тетка, не врешь ли?

— Вотъ истинный Богъ, не вру... Отсохни моя рука... Провалиться мнѣ на мѣсть!..

— На! промолвилъ швейцаръ и подалъ бабѣ копѣйку.

— Ну, вотъ давно бы такъ!..

Нищенка пошла далѣе. Цѣлый день она бродила по улицамъ, приставая къ прохожимъ съ одной и той же фразой: «подайте старому старичку на гробъ»! Многіе ее жалѣли и подавали.

— Ну, что, кажется, довольно! подумала она, подошла въ одно укромное мѣстечко и пересчитала деньги, выручку за цѣлый день.

— Ого! Порядочно набралось!.. Вотъ этотъ рублевикъ подалъ баринъ, это двугривинный сунула одна барышня: такая миловидная, беззаботная, этотъ мѣдякъ, кажись, подалъ купецъ, а эти копѣечки — отъ разнаго сѣраго люда.

Все пригодится старому старичку...

И нищинка поплелась домой.

Она жила на окраинѣ города въ маленькомъ одноэтажномъ домикѣ, покосившемся на сторону и вросшемъ отъ безвременья въ землю. Здѣсь она нанимала крошечную квартиру въ одну комнату. Въ то время когда нищенка слонялась по городу, выпрашивая на гробъ старому старичку, въ квартирѣ ея сидѣли два колпинскихъ мѣщанина и вели между собою разговоръ.

— Ну, что, Петруха, какъ дѣла?

— Дѣла, какъ сажа бѣла!

— Что такъ?

— Плохо! А все таки два «жулика» хватилъ!..

«Жуликомъ» на жаргонѣ босяковъ называется одна сотая часть ведра, или шкаликъ.

— О! У тебя дѣла хороши! Нѣтъ ли на «чирка»? Дай пожалуйста!..

«Чирикомъ» или «мерзавчикомъ» называется двухсотая часть ведра.

— Нѣтъ братъ! Съ удовольствіемъ бы! Чаю пить хочется, и то нѣтъ!.. Голова трещить, да и тошнить что-то! Воду пьешь, еще хуже отъ нея: что и третьяго дня ѣлъ и пилъ—все наружу вышло...

— Вѣрно, Петруха! Вѣдь я и самъ выпить не дуракъ! Вчера не знаю во что лѣзло, двѣнадцать «жуликовъ» огородилъ, такъ тоже что-то тошнить!..

— Ого! Здорово!

— Просто все такъ и горитъ внутрѣ-то!..

— Не знаю, чѣмъ тебѣ помочь...

— На «чирика» бы гдѣ-нибудь достать!..

— Погоди, вотъ Матрена придетъ...

— А гдѣ она у тебя?

— На работу ушла!..

— Давно?

— Съ утра самага! Скоро вернется!

Да вотъ она кажется, и идетъ!

— Легка на поминѣ!..

— Знаеть, что мы изнываемъ съ тобой!

Нищенка торопливо вошла во дворъ.

Оба колпинскихъ мѣщанина посмотрѣли въ окно.

— Идетъ, идетъ!— обрадовались они.

Когда нищенка дернула за ручку двери, то изнутри комнаты послышался зычный голосъ Петрухи:

А что Матрена, много настрѣляла!..

— Хватить съ насъ!— бойко отчеканила Матрена.

— Она у меня молодець баба!..— хвастался Петруха передъ своимъ товарищемъ.

Съ тѣхъ поръ какъ Матрена вернулась домой, она сразу измѣнилась: плаксивый голосъ исчезъ, выраженіе лица приняло обыкновенный видъ, дѣловой...

— Много настрѣляла, Матрена — допытывается Петруха. Матрена разжала свой кулакъ и показала деньги.

— Э! Пируемъ, значить!..

— Это все на гробъ стараго старичка!..

— Ха,ха,ха!—засмѣялись пріятели.

— Пока гробъ-то дѣлають, а мы и выпьемъ! Ванюха, бѣги за водкой!..

— Много-ли?

— Валяй «солдата»! (что на жаргонѣ босяковъ означаетъ полбутылки).

— Солдата мало! Возьми «армейца» (т. е. бутылку).

— Ладно, бѣги скорѣе! Страсть какъ хочется!
Слюнки такъ текутъ!

— И у меня, Петруха въ животѣ такъ и за-
ходило!..

— Бѣги! Тошнить!.. Ой, тошнить!

— А на закуску-то что?

— Чего-нибудь соленькаго!

— Я сама пойду! сказала Матрена.

— Иди скорѣе!..

Ванюха и Матрена разошлись въ разныя стороны: одинъ пошелъ въ винную лавку, а другая въ колбасную и мелочную.

И вскорѣ на столѣ появилась бутылка водки, колбаса, соленные огурцы, кислая капуста и хлѣбъ. Началась попойка.

— Ну, выпьемъ за стараго старичка — сказалъ Ванюха, обращаясь къ Матренѣ.

— Это все онъ выдумалъ! Ступай, говорить, проси на гробъ старому старичку! Ну, я и пошла!..

— Молодецъ Петруха!

— Голь на выдумки хитра!

— А ловко придумалъ, только одно не хорошо.

— А что?

— Вдругорядъ уже нельзя идти!

— Отчего?

— Замѣтятъ! Скажутъ, все еще не похоронили!..

— Э! Сегодня стрѣляла на Гагаринской набережной, а завтра пойдешь на Васильевскій островъ, а послѣзавтра на Выборгскую сторну!..

— Все равно, могутъ замѣтить!

— Пускай пока стрѣляетъ на гробъ, а потомъ придумаемъ что-нибудь другое!

— Молодецъ!

— Выпьемъ! Ой, тошнить!..

— А хорошо подавали! Да жалѣли! Чѣмъ больше жалѣютъ, а мнѣ смѣшно!..

— Дура! А ты плакала-бы!..

— Да я и то плакала, чтобы смѣху-то не видать было сквозь слезы...

— Вотъ такъ старичокъ! Косая сажень въ плечахъ, а силища-то какая! Ну, братъ Петруха, ты на выдумки мастакъ!.. Выпьемъ...

— Спасибо добрымъ людямъ! Пожалѣли стараго старичка... Ой, тошнить... Выпьемъ!..

Слѣпенькій.

Утро въ ночлежномъ домѣ...

— Эй, господа почтенные, вставайте! расхаживая вдоль наръ, въ проходѣ, будиль босяковъ смотритель.

— Какъ мы съ тобою сегодня день проведемъ?— лежа на нарахъ, спрашивалъ слѣпой Костя своего товарища, босяка Мишку.

— Какъ? По обыкновенію, публику накаливать будемъ!.. отвѣтилъ, потягиваясь, Мишка.

— Куда пойдѣмъ?

— Сегодня на Гагаринскую набережную махнемъ. Тамъ теперь гуляющей публики много... Аристократія жиру себѣ нагуливаетъ... Кавалеры и дамы стрѣляютъ, пойдѣмъ и мы съ тобою стрѣльнемъ, авось либо подадутъ копѣечку слѣпенькому... на ночлегъ...

— Убогому и несчастному!..

— Вставай, Костя! Вѣдь мы не дома!

— Дома, да не на печкѣ!..

— А то честью попросятъ!..

— А вѣдь и правда!..

Слѣпой Костя и босякъ Мишка встали, умылись. Потомъ была общая молитва, послѣ которой всѣ пили чай.

— Ну-съ, пора на работу!

— Пойдемъ, товарищъ, честнымъ трудомъ хлѣбъ зарабатывать!..

— Отъ трудовъ праведныхъ не наживешь палатъ каменныхъ!

— Сколько мы съ тобой, Мишка, въ Питерѣ око-лачиваемся, а все нѣтъ ничего!.. Что заработаешь, все Макокину спустишь!

— Да, въ казну—за монополю!..

— Пользу казнѣ приносимъ!

Костя нахлобучилъ свою шапку на самые глаза, понурилъ голову впередъ, взялъ своего товарища, Мишку, за руку, подмышками, и вышелъ съ нимъ изъ воротъ ночлежнаго дома на улицу.

Костя такъ надѣлъ шапку, и такъ держалъ нагнувши голову внизъ, что встрѣчный прохожій никакъ не могъ разглядѣть его глазъ. При всемъ этомъ, Костя ступалъ по землѣ какъ-то робко, неувѣренно, какъ будто онъ боялся запнуться за что-нибудь... Всей фигурой своей онъ изображалъ несчастнаго убогаго слѣпца.

Мишка игралъ роль поводыря.

— Господа хорошие! подайте слѣпенькому, слѣпенькому, слѣпенькому! Подайте убогому слѣпенькому!.. Помогите, Христа ради, несчастному!

Въ то время, какъ Мишка заливался соловьемъ,

прося прохожихъ подать слѣпенькому, Костя тупо смотрѣлъ внизъ, на землю, не говоря ни слова.

— Подайте слѣпенькому, слѣпенькому!.. Помогите сколько нибудь на хлѣбъ убогому несчастному слѣпцу!..

— Давно онъ слѣпъ?—спросилъ Мишку какой-то сердобольный прохожій.

— Съ рожденія!..

— Ахъ, несчастный!..

— Что-жь, онъ какъ есть ничего не видитъ?

— Ничего, сударь! Для него свѣтъ Божій — вѣчная тьма!.. Онъ не знаетъ, что такое день, что такое ночь!.. Для него все это—безразсвѣтная тьма... вѣчная, непрерывная!

— Ахъ, бѣдный!

— Подайте слѣпенькому!

— На, получи!

— Спасибо! Пошли вамъ, Господь, всего хорошаго.

Слѣпой Костя вмѣстѣ съ Мишкою пошли дальѣе.

— Подайте слѣпенькому, слѣпенькому, убогому, несчастному!..

— Получи копѣчку!..

— Спасибо вамъ!

— Всякое даяніе — благо! — промолвилъ слѣпой, положивъ копѣйку въ карманъ.

Двое босяковъ вышли на Гагаринскую набережную.

— Вишь, народу-то сколько! — сказалъ слѣпой Костя.

— Праздникъ! Да и погода-то хорошая! Рысаки, рысачницы катаются!..

Вонъ барыня идетъ важная!

— Давай-ка, стрѣльнемъ!

— Позади коляска шагомъ ѣдетъ.

— Валяй!

— Милая барыня! помогите слѣпенькому, несчастному, убогому!..

Дама небрежно сунула Мишкѣ серебряную монету, а тотъ передалъ ее слѣпому Костѣ.

— Двугривенный дала! — сказалъ Костя, когда дама прошла.

— Вонъ, кажется, подъѣзжаетъ къ подъѣзду — идемъ туда!

— Идемъ!..

И слѣпой Костя церемоніальнымъ маршемъ, не торопясь, какъ подобаетъ слѣпому, сталъ переходить дорогу.

Въ это время на него наѣзжала другая карета съ противоположной стороны. Кучеръ, вытаращивъ глаза, звѣринымъ голосомъ закричалъ:

— Эй, берегись, берегись!..

— Чего орешь, лѣшій!.. Не видишь, что слѣпенькій идетъ! Дармоѣдъ этакій!.. Куда торопишься, поспѣешь!..

— Ахъ, ты, посадскій! Я тѣ задамъ!

— Дармоѣдъ! Вишь, брюхо-то какое отростилъ за господской спиною, дармоѣдина! Душу христіанскую загубить захотѣлъ, что-ли? Слѣпенькаго чуть не задавилъ... Чѣмъ онъ виноватъ, что слѣпъ отъ рожденія? Видно, ужъ Богу такъ угодно!

Карета поѣхала далѣе.

Слѣпенькаго чуть не задавилъ, дармоѣдина! Отвѣтилъ-бы передъ Богомъ и передъ людьми!..

Между тѣмъ къ подъѣзду, возлѣ котораго стоялъ слѣпой Костя, подъѣзжала карета.

— Стрѣльнемъ!

— Чего зѣвать!

Карета остановилась у подъѣзда, лакей соскочилъ и отперъ дверцы кареты, откуда стала выходить молодая дама.

— Какая шикарная! — тихо промолвилъ слѣпой Костя.

— Авось подасть!

— Милая барыня! подайте слѣпенькому, убогому, несчастному!..

— Пошли прочь! — закричалъ швейцарь. Дама подала серебряную монету и, когда вошла въ двери, то слѣпой Костя вмѣстѣ съ Мишкой напустились на швейцара.

— Да ты что это? Тебѣ чужихъ денегъ жалко!

— Вишь, дормоѣдъ какой!

— Рожа-то лопнуть хочеть!

— Пойдемъ, Костя, стойть съ такой канальей разговаривать!..

— Отѣлся, какъ боровъ!.. Харя!..

— А тутъ у людей корки хлѣба не на что купить!..

— Пойдемъ!.. Ну, его...

— Иродъ этакій!..

— Ливрею-то надѣлъ, такъ заважничаль.

— Пѣтухъ индѣйскій!

— Халуй!..

— Мы, по крайней мѣрѣ, вольные люди, а ты халуй господскій!..

— Дармоѣдъ!..

— Мы трудомъ хлѣбъ то достаемъ!

— Пойдемъ!..

И слѣпой Костя вмѣстѣ съ поводыремъ долго

слонялись по шумнымъ улицамъ Петербурга, обращаясь ко всякому встрѣчному съ однимъ и тѣмъ же возгласомъ: «подайте слѣпенькому на хлѣбъ!»! При этомъ они часто перебѣгали съ одной стороны улицы на другую, когда видѣли, что къ какому-нибудь подъѣзду подъѣзжаетъ карета.

— А что, не пойти-ли намъ къ Казанскому собору?

— На паперти, возлѣ монашекъ, пострѣлять!

— Отчего-жь? Хорошо и въ самый соборъ войти!

— Развѣ тамъ можно стрѣльнуть?

— Видишь, богомолецъ стоитъ на колѣняхъ гдѣ-нибудь возлѣ колонны, ну подойди и поклонись — подають!..

— Подають благочестивые!..

— Я зналъ одного нищаго, который весь вѣкъ свой стрѣлялъ въ Казанскомъ соборѣ!

— Какъ такъ? Это что-то странно!

— Очень просто! Сторожа довѣрили ему стеречь величайшую святыню собора, икону Казанской Божіей Матери, усыпанную брилліантами!..

— Какъ же онъ стерегъ ее?

— Надо было смотрѣть, чтобъ кто-нибудь не сперъ икону-то! Ну, нищій сидѣлъ въ укромномъ мѣстечкѣ, на стулѣ, непримѣтно для всѣхъ, и все время смотрѣлъ на икону-то, когда публика къ ней прикладывается... Одни приходятъ, другіе уходятъ, а нищій сидитъ себѣ да поглядываетъ... Во мракѣ-то собора его сразу и не замѣтишь... А между тѣмъ, онъ и себя не забывалъ! Кто мимо его ни пройдетъ, онъ у всѣхъ просилъ милостыню... Говорятъ, большія деньги нажилъ...

— Вѣдь, вотъ поди-жь ты! Брилліанты-то на иконѣ стоятъ многія сотни тысячъ!

— Да! А стерегъ ихъ нищій..

— Довѣріе большое отъ сторожей было!..

— Больше, чѣмъ иному кассиру!..

— Ну, пойдѣмъ къ Казанскому... Здѣсь Костя и Мишка стали рядомъ съ манахинами и заголосили:

— Подайте убогому слѣпенькому!.. Имъ подавали довольно часто, потому-что Костя обладалъ искусствомъ разжалобить богомольцевъ своими гримасами.

Когда стало смеркаться, то Костя сказалъ.

— Не пора ли домой!

Въ ночлежку!..

На пути они зашли въ дешевую столовую. Здѣсь пообѣдали плотно, и веселые, жизнерадостные поплелись въ ночлежку. Теперь уже Костя не держался за руку Мишки, а шли они рядомъ, бодрой и смѣлой походкой. Точно также и голову Костя не держалъ опущенною внизъ, а поднялъ ее высоко и глазѣлъ по сторонамъ.

Оба пріятеля шли, весело размахивая руками и громко разговаривая о проведенномъ днѣ. Ихъ голоса звучали теперь совсѣмъ иначе, чѣмъ-когда они стояли на панели и стрѣляли. Въ нихъ слышалась какая-то увѣренность и довольство своимъ положеніемъ. Когда босяки вошли въ начлежку, то кто-то изъ товарищей промолвилъ:

— А вотъ, братцы, и слѣпой Костя пришелъ!

— Ну, что, Костенька, много настрѣлялъ!

— Хватить съ меня! отвѣтилъ онъ ухмыляясь.

— Да много-ли слѣпенькому и надо!

— Казанскому сиротѣ!..

— Сытъ и пьянь и носъ въ табакѣ! съострилъ кто-то.

— Ха, ха, ха, засмѣялись товарищи.

— А здорово мы, братцы, съ Мишкой сегодня публику накаливали: два съ полтиной настрѣляли! похвастался слѣпой Костя при дружномъ смѣхѣ товарищей.

— Молодецъ Костя...

Въ Домушкѣ.

На черной половинѣ пересыльной тюрьмы:

— Шель по Боровой! Разбили! говорить босякъ съ подбитымъ глазомъ. Хотѣлъ въ погребъ ночевать— не пускаютъ! А въ лѣсъ? Куда теперь въ лѣсъ! Теперь только стрѣльба! А не удастся, невольно попадешься въ руки фараоновъ! Отправятъ въ «пересылку!» Тамъ тепло! Дадутъ щи!

— Довольно мы съ тобой, Сережа, ходили! говорить другой, болѣе опытный босякъ.

— Вышлютъ на родину!

— А что мы на родинѣ? За соху что-ли возьмемся!

— Мы природные жители Петербурга! Домушка— нашъ братъ!

— Вышлютъ, придемъ!

— И будетъ сказка безъ конца!

— Вотъ и борись съ нами администрація!

— Домушка нашъ домъ! Тепло и не дуетъ!

-- Эхъ, кабы не безписьменность! Фараонамъ-бы не попались въ руки.

Безписьменность состоитъ въ томъ, что босяки не могутъ выслать въ деревню, старостѣ или волостному правленію, деньги, гербовый сборъ и «больничныя», и потому имъ оттягиваютъ обмѣнъ паспорта впредь до присылки денегъ, и такимъ образомъ субъектъ становится безписьменнымъ.

— Нѣтъ ужъ, къ отцу Іоанну Кронштадтскому никогда не поѣду! говоритъ босякъ-странникъ.

— И радъ-бы, да скоро заморозки!..

— Что-же васъ заставляеть, братцы, попадаться въ тюрьму? спрашиваетъ босяковъ надзиратель.

Безписьменность наша проклятая, ваше благородіе, да холодъ невольнo загоняютъ въ вашу домушку! Мы ваши гости! Опять уйдемъ на лѣто! Побольше запасайте ситцу!

Истые босяки рецидивисты гнушаются мелкихъ карманныхъ воришекъ и смотрять на нихъ съ презрѣніемъ.

— Стрѣляль-бы лучше, а не вороваль на Невскомъ проспектѣ.

— Вишь ты, тоже честный человѣкъ... На Смоленскомъ кладбищѣ стояль тридцать разъ, да укралъ сорокъ разъ!.. Смѣхъ товарищей.

— Обладаль бы хорошимъ голосомъ, какъ у меня, получаль-бы по двугривенному за каждую панихиду въ престольный праздникъ на Смоленскомъ кладбищѣ!

— Тоже пѣвецъ! За полушубкомъ пришелъ! Вишь, выискался архіерейскій пѣвчій! За полушубкомъ плывешь!

— Что, братцы, съ такою дрянью и разговаривать!

Намъ всякій руку помощи протянетъ! Мы тоже люди честные!..

— И я тоже честный человѣкъ! съ цинизмомъ выкрикиваетъ мелкій карманный воришка: что плохо лежитъ, у меня ужъ и брюхо болитъ!

— Ха, ха, ха! гогочуть босяки.

— Залѣзь плохо въ карманъ, вотъ и воръ!

— Всѣ мы въ душѣ воры! философски замѣчаетъ старый, опытный рецидивистъ. Наше воровство — плевое дѣло! Мы воруюмъ съ голоду! Мы младенцы передъ тѣми ворами, что гуляютъ въ Питерѣ на свободѣ, да на Невскомъ проспектѣ на рысакахъ катаются! Вотъ ихъ-бы сюда, мѣстовъ-бы не хватило! Богъ грѣхамъ терпитъ! Не пойманъ — не воръ! говоритъ русская пословица... Слушайте, братцы, что я вамъ скажу! Питеръ самый воровской городъ! На всю Россію воруетъ! Глядишь, сѣла какая-нибудь мелкая сошка на тепленькое мѣсто, въ какое-нибудь богоугодное заведеніе, штановъ не было, а черезъ годъ, черезъ два гдѣ-нибудь на сторонѣ имѣнье себѣ покупаетъ, или приданое даетъ за дочерью — этакъ тысячь тридцать!.. И всѣ знаютъ, и всѣ молчатъ. Гдѣ-же справедливость? Чего смотреть общество!..

— Что и говорить! А вотъ лучше помянемъ-ка раба Божія Георгія, да покушаемъ свининки!

— Э, братъ, не разъ вспомнишь Домушку!

— Да кто отъ нея отказывается!

— Мы сами съ тобой, Сережа, частенько бывали здѣсь!..

— Опять по этапу скоро уйдемъ!

— Упокой, Господи, душу раба твоего Георгія!

— Спасибо добрымъ людямъ, насъ не забываютъ!

- Пусть будетъ земля ему пухомъ!..
- Пошли ему, Господи, крѣпкое лежаніе .
- Вѣчная память!..
- А славная свинина! Жирная!
- Трехъ борововъ зарѣзали на поминъ души!..
- Родственникамъ покойнаго горе, а намъ— лафа.
- Слышали?
- Что?
- Купецъ одинъ цѣлый возъ булокъ прислалъ, три тысячи штукъ французскихъ булокъ!
- Здорово! Отъ кого это?
- Отъ чайнаго торговца N!..
- Дай Богъ ему добраго здоровья!..
- Хорошо здѣсь, братцы!
- Спасибо благочестивымъ людямъ!
- Говорять, Макокинъ дома-то сдалъ?
- Плату-то не набавять!..
- Какъ-то тамъ Мишка-Колдунъ поживаетъ? Колька-Нога! Васька-Тюлень? Подъ этими кличками въ домахъ Макокина слывуть вожаки босяковъ. Они пользуются громаднымъ авторитетомъ у босяковъ, и оказываютъ на нихъ большое вліяніе.
- Говорять, Мишка-Колдунъ попался!
- Врешь?
- Правда! Скоро къ намъ придетъ!
- Надо ему торжественную встрѣчу устроить!
- Бѣдовая голова!
- А Колька-Нога улизулъ! Облаву на него устраивали, а онъ улизулъ, въ дуракахъ всѣхъ оставилъ!
- Молодецъ!
- Васька-Тюлень, говорятъ, подъ судъ попался!

- За что?
- Кто его знает!
- Въ «пересылку», значить, придетъ!
- Извѣстно, одна дорога!..
- Поживемъ, увидимъ!..

Въ Домушкѣ.

На женской половинѣ пересыльной тюрьмы.

Для прекрасныхъ представительницъ рода человеческого, высылаемыхъ по этапу на родину, въ пересыльной тюрьмѣ имѣется женское отдѣленіе или женская половина. Здѣсь вы встрѣтите нашихъ старыхъ уличныхъ знакомыхъ — нищенокъ, мелкихъ бродяжекъ, побирушекъ, попадавшихся въ нищенскій комитетъ, а оттуда высылаемыхъ на родину. Кромѣ того, здѣсь же находятся старыя алкоголички, поклонницы отца Іоанна Кронштадскаго, обладающія религіозной маніей, мелкія карманныя воровки и падшія женщины, опустившіяся до нельзя.

Гдѣ двѣ бабы соберутся, тамъ базаръ, а гдѣ три бабы — тамъ ярмарка, говоритъ русская пословица. Принимая во вниманіе женскую словоохотливость, нѣтъ ничего удивительнаго, если въ женскомъ отдѣленіи тюрьмы цѣлый день «судачать» и «перемываютъ другъ дружкѣ косточки». Впрочемъ, кто желаетъ работать, тѣ могутъ заниматься стиркой и шитьемъ арестантскихъ

рубахъ и портовъ, и за это имъ платятъ по 1 ко-
пѣйкѣ въ день...

Не мудрено поэтому что желающихъ работать на
казну находится очень мало, и женщины предпочита-
ютъ лучше судачить.

Въ камеру только что пришла нищенка, въ пер-
вый разъ попавшаяся за прошеніе милостыни, и ей
дали новую казенную экипировку. Ея товарки по ка-
мерѣ не приминули тотчасъ же высказать по этому по-
воду свои впечатлѣнія. А нѣкоторыя опытыя рециди-
вистки стали ее и просвѣщать.

— Эхъ, сарафанъ! поди-ка, въ деревнѣ тебя не
узнають!

— Бла-адать одна!..

— А то стоишь на Миргородскій улицѣ, и не
знаешь, гдѣ раки зимуютъ!..

Миргородская улица пролегаетъ мимо дѣтской ба-
рачной больницы въ память доктора Боткина. На этой
улицѣ, возлѣ больницы, нищіе и нищенки стоятъ цѣ-
лыми вереницами. Пріѣзжающая въ больницу публика
охотно подаетъ имъ милостыню во здравіе или за упо-
кой болѣющихъ или умершихъ дѣтей...

— Вишь, сарафанъ-то какой дали въ нашей До-
мушкѣ!..

— Мѣшковать малость!

— Вѣдь не по заказу шили!.. Небось, на Ни-
кольскомъ рынкѣ зябла да чахла!.. Не разъ вспомнешь
нашу Домушку!.. наставительно говорить старая алко-
голичка съ опухшимъ лицомъ и краснымъ носомъ.

— Колпинская, что-ли?

— Изъ Кронштадта!

— Ну, что? Какъ у васъ тамъ насчетъ стрѣльбы?

— Нечего Бога гнѣвить! Подаютъ!

— Жить можно?

— Ничего!..

— А ты откуда, тетка, въ лаптяхъ пришла?!

— Новгородская, родимая, къ отцу Іоанну Кронштадскому на поклонъ пришла, а фараоны-то и забрали!..

— Ироды проклятые!

— Никому спуску не даютъ!

— Ну, да ничего! Носъ-то не вѣшай! Научишься этапъ ломать! Это не хитрая штука! Вышлютъ на родину, придешь! Опять будешь на Миргородской улицѣ стрѣлять!.. Совѣтую бѣгать съ родины!.. говоритъ опытная рецидивистка.

— Вишь, какая кухарка нашлась! Совѣтовала-бы лучше обратиться къ надзирательницѣ, какъ найти честный трудъ!..

— Молчи, старая салопница. Тебѣ-бы только казенные салопы получать да казенетовыя шубы!

— Есть чѣмъ меня попрекать! Вмѣстѣ стрѣлять-то ходили! Воронъ ворону глазъ не выклюетъ. Вишь, старая вѣдьма!

— Какая я тебѣ вѣдьма! Вѣдьмы живутъ въ Кіевѣ, а я питерская!..

— Ха, ха, ха! засмѣялись на всю камеру заключенныя.

— А на темныя дѣла молодку не сбивай!

— Я ее не сбиваю!..

— Какъ не сбиваешь? Вѣдь ты же сказала: совѣтую бѣгать съ родины! Чего ей дѣлать въ Питерѣ? У отца Іоанна Кронштадскаго побывала, ну и иди себѣ съ миромъ во-свояси! Мало нашихъ сестеръ въ Питерѣ окалачивается по трущобамъ да по тюрьмамъ! А

она женщина молодая, въ соку и недурна собою!.. Нѣтъ, нѣтъ, милая, ты не слушай ее! Зря болтаетъ!

Ты бы вотъ лучше научила ее, какъ копѣйку заработать въ тюрьмѣ...

— А развѣ можно? Я бы поработала! У меня за душою ни гроша!

— Обратись къ надзирательницѣ! Скажи, что ты желаешь работать на матушку казну!

— А какая работа? Можетъ, не по плечу!

— Арестантскія рубахи починять! Вѣдь шить умѣешь?

— Умѣю! А много-ли платятъ?

— Да не много!

— Сколько?

— По копѣйкѣ въ день!

— Ой, какъ мало!

— Въ недѣлю-то на два фунта ситника и зарабатываешь! Все лучше заработать что-нибудь, чѣмъ колотырить-то! Ну, что? Хочешь?

— Отчего-жъ!

— Пойдемъ къ надзирательницѣ.

— А ты, Матрена, за что попала?

— Ой, и не спрашивай!

— За что же?

— За прошеніе милостыни... Хлопотала чтобъ приняли въ богадѣльню! Не принимаютъ! Говорятъ, мѣстовъ нѣтъ свободныхъ, запишись въ очередь, и жди, когда кто-нибудь изъ богадѣленокъ помретъ... Вотъ я и записалась.

— И что-жъ? Не помираютъ?

— Нѣтъ! А живутъ себѣ да живутъ, да казен-

ный хлѣбъ жрутъ! Только небо коптятъ, прости Господи!

— Какія старухи нынче долговѣчныя стали!..

— Костяныя да жиленыя! Межь тѣмъ одна моя знакомая, еще совсѣмъ не старая женщина, поступила въ богадѣльню не въ очередь...

— Не въ очередь?

— Да, не въ очередь, да тамъ возьми да и роди!..

— Ха, ха, ха! Вотъ такъ старуха!

— Богъ милости послалъ!

— Грѣхъ случился, значить!..

— Хахалемъ обзавелась!..

— Это она съ жиру, сестрицы, бѣсится, на казенныхъ хлѣбахъ... Къ намъ-бы ее—въ «Пересылку»!..

— Есть тамъ одна старуха—на ладонь дышитъ!

— Ну, значить, скоро поступишь!

— Она ужъ и саванъ приготовила себѣ, рубашку, платье, туфли, все какъ есть на случай смерти...

— Скоро мѣсто освободится!..

— Въ томъ-то и дѣло, что она саванъ и прочія вещи пять разъ уже дарила своимъ умершимъ подругамъ... А я, говирить, еще успѣю себѣ приготовить...

— Вотъ и ждетъ смерти, да Богъ не даетъ!..

У окна сидѣла богомолка и читала на-распѣвъ «Житіе Іоанна Новгородскаго». Подруги со вниманіемъ слушали ее. Ея мѣрное повѣствованіе прерывались иногда плачемъ ребенка, который спалъ въ казенной люлькѣ, стоявшей въ углу. Какъ только ребенокъ начиналъ плакать, къ люлькѣ подходила его мать и принималась его качивать, тихо напѣвая колыбельную пѣсню:

Баюшки баи,
Угомонъ тебя возьми!

— Вотъ и малютка попалъ въ тюрьму!

— Да, яблоко отъ яблоньки недалече падаетъ!

— Кто у него отецъ-то?

— Кто его знаетъ! Много ихъ у меня было! Всѣ воры!..

— Воды испили, а колодезя не закрыли!..

— Ха, ха, ха!

— Кто нашу сестру не обманываетъ!..

— Дуры мы!..

— За что попала?

— Извѣстно! За стрѣльбу!.. Съ малюткой-то хорошо подавали! У другихъ-то полно, вмѣсто ребенка, завернутое, а у меня всякій видитъ: малютка на рукахъ... Ну и подавали...

— Куда высылаютъ?

— Въ Шлюпинъ!

— Тамъ и останешься?

— Что мнѣ тамъ дѣлать? Тамъ у меня ни кола, ни двора! Съ первымъ же пароходомъ опять тѣ Питеръ! Опять за старое...

— И выйдетъ сказка про бѣлаго бычка...

— Въ Шлюпинѣ только лѣтомъ хорошо! А зима настанетъ, все замретъ! Тамъ я съ голоду помру! Всѣ наши бѣгутъ оттуда! А здѣсь я съ малюткой-то сколько настрѣляю!

— Только вотъ бѣда! простудить недолго ребенка-то на улицѣ-то!..

— Ну, что-жь? Умереть, такъ пускай умереть? По-

плачу... Ребенокъ заворочался въ люлькѣ. Мать снова принялась его укачивать и тихо напѣвать сквозь слезы:

Баюшки баи,
Угомонъ тебя возьми!

— Охо-хо житье наше!..

Въ Домушкѣ.

За желѣзной рѣшеткой.

Не свиданіе въ Лѣтнемъ саду, гдѣ влюбленная парочка назначаетъ другъ-другу встрѣтиться на условленной аллеѣ, не свиданіе въ садовой бесѣдкѣ въ какомъ-нибудь вѣковомъ паркѣ, гдѣ нашелъ себѣ пріютъ шаловливый амуръ, наконецъ, не свиданіе на желѣзнодорожномъ вокзалѣ, когда влюбленные, подъ видомъ расстающихся пассажировъ, цѣлуются несчетное число разъ,—нѣтъ, не эти и имъ подобныя свиданія я хочу описывать. Увы! тѣ свиданія часто бываютъ лицемерны и обманчивы. Ихъ болѣе или менѣе наблюдалъ всякій. Я хочу повести читателя на свиданіе, которое происходитъ въ тюрьмѣ, за желѣзной рѣшеткой.

Въ с.-петербургской пересыльной тюрьмѣ, гдѣ многія тысячи пересылаются на родину или ссылаются въ Сибирь на каторжныя работы, свиданія съ родственниками и знакомыми допускаются два раза въ недѣлю—по средамъ и воскресеньямъ.

Свиданія въ тюрьмахъ бываетъ 1) *личныя*, когда

арестованному дозволяется сидѣть рядомъ съ тѣмъ лицомъ, кто къ нему пришелъ, съ разрѣшенія прокурора окружнаго суда и 2) *за желѣзной рѣшеткой*—въ присутствіи тюремнаго надзирателя.

Довольно большое пріемное зало пересыльной тюрьмы раздѣлено пополамъ, наглухо, сплошною деревянною перегородкою, отъ пола до потолка, съ маленькими окошечками, затянутыми желѣзною рѣшеткой.

Во всей перегородкѣ прорѣзано 6 окошечекъ.

Сплошная перегородка съ затянутыми рѣшоткой окошечками сдѣлана для того, чтобы никто изъ публики ничего не могъ передать арестантамъ какъ-нибудь потихоньку, тайно отъ надзирателя.

На свиданіе и на разговоры полагается 15 минутъ, не болѣе. Шестъ человекъ изъ публики входятъ въ пріемное зало и становятся возлѣ окошечекъ, имъ выводятъ арестантовъ, по предъявленіи билетиковъ, съ обозначеніемъ имени и фамиліи арестанта. Арестанты становятся съ противоположной стороны перегородки, у окошечка. Они весело идутъ на свиданіе и ждутъ съ нетерпѣніемъ этого дня.

Здѣсь бывають свиданія съ отцомъ, матерью, братомъ, женою... Здѣсь рѣкою льются слезы...

Вотъ подошла къ окну моложавая крестьянская баба, въ полушубкѣ, въ красномъ платкѣ и синей юбкѣ изъ холщевой дерюги. Она привела съ собою за руку и своего сынишку—тоже на свиданье.

Съ противоположной стороны перегородки, у окна, стоялъ только что выведенный изъ камеры арестантъ въ сѣромъ арестантскомъ халатѣ,—половина головы у него была выбрита. Облокотившись на подоконникъ,

арестантъ слегка уперся своимъ лбомъ о желѣзную рѣшотку.

— Тятя! Здравствуй! сказалъ мальчуганъ.

— Здравствуй! тихо, вполголоса промолвила жена арестанта.

— Здравствуйте! Спасибо, что пришла!

— Ну, что? какъ дѣла?

— Доля моя горькая!

— Что присудили?

— Въ Сибирь на поселеніе...

— Охъ! Несчастные мы...

— Опрометчиво поступилъ...

— Видно, судьба... Крестьянка заплака.

— Ну, чего плачешь! Полно! Перестань! И въ Сибири люди живутъ!.. Утѣшаетъ свою жену арестантъ

— Тятя, отчего у тебя половина головы бритая?

— Такъ!.. Надо... отвѣчаетъ за отца мать.

— Лучше-бы всю обрить, а то половину... Не-красиво!

— Много будешь знать, милый, скоро состаришься!

— Когда васъ погонять по этапу?

— Во вторникъ!

— Тятя, мы съ тобой пойдёмъ! Мама! сказывала.

— Спасибо, Авдотья! Вѣкъ не забуду! Но зачѣмъ тебѣ себя губить...

— Нѣтъ, нѣтъ! Я рѣшила... И парнишку съ собой возьмемъ... Можно? Начальство позволить?

— Не воспрещаютъ!.. Тебѣ придется сейчасъ-же поступить въ тюрьму, только ты будешь продовольствоваться не изъ общаго котла, а тебѣ полагаются порціонныя деньги...

— А насчетъ сына?

— Ему будутъ отпускать по 10 копѣекъ въ сутки на продовольствіе...

— Я пойду съ тобой! Надо заявить!

— Сейчасъ скажу начальству тюрьмы!

— Кончайте разговоръ, кончайте! Скоро конецъ свиданію! Десять минутъ ужъ прошло! Полагается четверть часа!.. предупреждаетъ публику тюремный надзиратель.

Бабу ввели въ кабинетъ начальника тюрьмы.

— Ваше благородіе!

— Что тебѣ, милая? Да еще и съ сыномъ!

— Здѣсь мой мужъ сидитъ!

— Такъ что-же?

— Во вторникъ онъ по этапу въ Сибирь отправляется...

— Что-жъ ты, матушка, хочешь идти съ нимъ, что-ли?

— Вѣстимо! Хоть убивецъ, а все-таки, онъ мнѣ мужъ!..

— Хорошо, милая, но вѣдь ты сейчасъ-же должна поступить въ тюрьму на общемъ основаніи!..

— Я согласна...

— По закону ты свободна!

— Ваше благородіе все-таки, вѣдь онъ мой мужъ, хошь и убивецъ!

— Ну, какъ хочешь! Я не могу тебя ни принуждать, ни отговаривать—идти со своимъ мужемъ! Это твое дѣло!

— Такъ ужъ возьмите меня, а вотъ и сынъ нашъ... Мы готовы!..

— Мы хотимъ къ тятѣ! наивно сказалъ мальчуганъ.

Начальникъ тюрьмы сдѣлалъ соответствующее распоряженіе, и бабу съ мальчуганомъ взяли въ тюрьму—для дальнѣйшаго слѣдованія ея въ Сибирь, по этапу, вмѣстѣ со своимъ мужемъ.

Возлѣ другого окна стоитъ старуха и плачетъ.

Зазвенѣли кандалы, и къ окну подошелъ ссыльно-каторжный. Правая половина головы у него была наголо выбрита. Онъ осужденъ былъ въ Сибирь, на каторжныя работы, на пятнадцать лѣтъ.

— Боже мой! Боже мой! Думала-ли я!.. Плакалась старуха на свою судьбу.

— Мама! полно плакать... Не плачь.. Видно, на роду написано... Чему быть, того не миновать... Вотъ проклятыя кандалы...

— Что, тѣсны что-ли?

— Обручъ рѣжетъ ногу!.. До крови натерло!..

— Я принесла тебѣ чулки!.. Мнѣ добрые люди сказали, что хорошо было-бы на ноги чулки надѣть, чтобы кандалы не натирали ноги...

— Спасибо, мама...

— Только какъ передать сквозь желѣзную рѣшотку?

— Надо просить позволеніе у доктора! Онъ добрый человѣкъ! Жалѣетъ насъ несчастныхъ...

— Какъ его видѣть?

— Скажи надзирателю! Проведетъ!

Старуху повели къ тюремному врачу.

— Господинъ докторъ!..

— Что тебѣ, старуха?

— Я вотъ насчетъ своего сына...

— Что? Говори...

— Ему кандалы рѣжутъ ноги...

— Чтожь-я подѣлаю... Снять кандалы я не могу! Это не въ моей власти!..

— Очень жмутъ! Обручи такъ и врѣзались въ тѣло... до крови!

— Жаль! Не привыкъ еще носить кандалы!

— Недавно только заковали...

— Кандалы надо умѣючи носить! Всякое дѣло мастера боится... Видно, натираютъ...

Старуха бухъ доктору въ ноги.

— Что ты, милая, кланяешься мнѣ! Здѣсь поклоны ничего не помогутъ. Кандалы я снять не могу...

— Не объ этомъ я хочу васъ просить господинъ докторъ!

— О чемъ-же?

— Позвольте моему сыну чулки надѣть подъ кандалы-то... чтобы ноги не такъ натирало холоднымъ желѣзомъ-то!..

— Это я тебѣ могу разрѣшить! Пусть наденетъ чулки.

— Спасибо, благодѣтель!..

Докторъ позвалъ надзирателя и сдѣлалъ распоряженіе, чтобы арестанту позволили носить чулки, подъ кандалами.

— А гдѣ же у тебя чулки?

— Вотъ они, сама и вязала ему на дорогу!..

Старуха отдала чулки надзирателю для передачи арестанту,

— Спасибо, родные!..

Затѣмъ надзиратель вывелъ старуху опять въ приемное зало.

— Смотри, бабушка, теперь немного осталось тебѣ времени для свиданія, какихъ-нибудь пять минутъ...

Слышу, родимый!..

Старуха подошла къ окошечку.

— Разрѣшили тебѣ, Ваня, чулки носить!

— Спасибо, мама!..

— Когда васъ отправляютъ будутъ?

— Во вторникъ...

Ахъ, Ваня, Ваня! Сердце мое надрывается, на тебя глядячи...

— Полно плакать, мама!..

— Молись, Ваня..!

— Пора! Пора! Свиданіе оканчивается. Срокъ прошелъ!— напоминаетъ надзиратель.

— Прощай, мама!..

— Прощай, Ваня... навсегда... во вторникъ уѣдешь!.. Старуха разразилась рыданіями, и ее вывели изъ пріемнаго зала.

А вонъ у окошечка стоитъ, подбоченившись, закоренелый злодѣй, осужденный на каторжныя работы. Онъ и въ тюрьмѣ съ цинизмомъ и нахальствомъ хвастаетъ передъ товарищемъ своими кровавыми дѣяніями.

— А ловко проучилъ я Миколку! Хорошо ему будетъ на томъ свѣтѣ! Каково-то теперь его семьѣ? Пусть семья-то его поголодаетъ безъ батьки-то...

— Охота тебѣ вспоминать старое!—отвѣчаетъ товарищъ, желая переѣнить разговоръ.

— Я давно собирался его проучить! И здорово проучилъ... не цкнулъ...

— Ну, перестань!

— А вотъ теперь въ Сибирь пойдемъ! Экая бѣда! И въ Сибири люди живутъ!..

— Ну, прощай!..

— И снисхожденія никакого не дали господа судьи! На двадцать лѣтъ каторги присудили!.. На Сахалинъ!.. Прощай! Не поминай лихомъ...

Общая исповѣдь въ тюрьмѣ.

Мѣрно раздается великопостный благовѣсть, призывающій православныхъ христіанъ къ покаянію. Въ воскресный день въ с.-петербургской пересыльной тюрьмѣ назначена была общая исповѣдь заключенныхъ—предъ принятіемъ св. таинъ. Маленькій колоколь на колокольнѣ тюремной церкви тихо звучалъ, созывая арестантовъ къ обѣднѣ. Заскрипѣли ключи въ желѣзныхъ дверяхъ камеръ, двери распахнулись, и оттуда, въ сопровожденіи надзирателей, выходятъ арестанты, позвякивая кандалами, въ сѣрыхъ бушлатахъ съ бубновыми тузами на спинѣ. Тихо, молчаливо, по узенькой лѣстницѣ поднимаются они на верхъ въ свою домашнюю церковь—въ пятомъ этажѣ. Тишина эта нарушалась только мѣрнымъ позвякиваніемъ цѣпей, издающихъ своеобразный непріятный звукъ, вызывающій на размышленіе.

Нѣкоторые субъекты подвергнуты были «тяжкому скрѣпленію», у нихъ закованы были руки и ноги—лѣвая рука съ лѣвой ногой, а правая рука съ правой ногой... Кандалы, вѣсомъ въ 8 фунтовъ, состоятъ: 1)

изъ кандалной цѣпи: 2) ножныхъ колець и 3) поддерживающаго ремня. Чтобы кольца не царапали ноги, у нѣкоторыхъ арестантовъ надѣты были кожаные подкандалники, у другихъ—чулки... На спинѣ каторжниковъ, на бушлатѣ, вышито два черныхъ туза, а на спинѣ ссыльныхъ поселенцевъ одинъ тузъ. Кромѣ того, у ссыльныхъ поселенцевъ возлѣ туза вышиты инициалы тѣхъ губерній, куда они назначены на житье.

Невысокая желѣзная рѣшетка раздѣляетъ тюремную церковь на двѣ половины: впереди, поближе къ иконостасу, становится администрація тюрьмы и публика съ воли, а позади, за рѣшеткой, стоятъ арестанты. Войдя въ церковь, одинъ за другимъ, гуськомъ, заключенные становятся въ слѣдующемъ порядкѣ. Въ первомъ ряду стоятъ каторжники, съ выбритыми съ правой стороны головами; во второмъ ряду—ссыльные поселенцы въ Тобольскую и Енисейскую губернію, головы у нихъ выбриты съ лѣвой стороны; въ третьемъ ряду—посадскіе, «стрѣлки» и босяки, попадавшіе въ тюрьму по нѣсколько разъ за безписьменность; въ четвертомъ ряду—новички, попавшіеся въ первый разъ, и наконецъ наверху, на хорахъ, стоятъ женщины. Хоромъ пѣвчихъ, набранныхъ изъ арестантовъ, руководить бась, когда-то пѣвшій въ Старорусскомъ монастырѣ. Апостоль читаетъ тоже арестантъ, въ арестантскомъ одѣяніи, и читаетъ толково и вразумительно. Взглянувъ за рѣшетку, вы видите человѣкъ около двухсотъ арестантовъ. Всѣ они похожи другъ на друга, у всѣхъ волосы короткіе, стриженные, всѣ одѣты въ сѣрые бушлаты, разница только та, что одни въ кандалахъ, а другіе безъ кандаловъ. Когда стоишь впереди рѣшетки, во время богослуженія, то не видишь сзади

печальную толпу, и на мгновение забываешь, что находишься въ тюремной церкви. Но вотъ пѣвчіе запѣли «Отче нашъ». Тихо и торжественно слышались простые слова Спасителя, проникающія въ сердце... Въ это время вдругъ по всей церкви раздалось острое звякиваніе цѣпей, напоминающее собою беспорядочный звонъ битаго стекла: это арестанты опустили на колѣни, гремя своими оковами. И вы наблюдаете печальную дѣйствительность... Всѣ, какъ одинъ человѣкъ, стоятъ арестанты колѣнопреклоненные.

«И остави намъ долги наши» — молятся они, и тать, и убійца, и бродяга, и босякъ, и нищій... Тутъ есть и наши старые знакомые: вонъ бродяга — рецидивистъ изъ Сибири, вонъ безшабашный Сережка съ подбитымъ глазомъ, вонъ Слѣпой Костя.

Сегодня арестанты причащаются...

Предъ самымъ принятіемъ св. Тайнъ, священнослужитель, благообразный сѣдой старичокъ, говоритъ арестантамъ слово утѣшенія, призывая ихъ къ духовному возрожденію, доказывая имъ, что еще не все погбло для нихъ, и ставя имъ въ примѣръ разбойника, распятаго на крестѣ.

Его слово, обращенное къ заключеннымъ, дышитъ истиннымъ краснорѣчіемъ. Едва переводя дыханіе, слушаютъ арестанты, стараясь не проронить ни одного слова.

— Покайтесь, братцы!.. Вы не отчаявайтесь, что вы въ настоящее время въ тюрьмѣ! Покайтесь во грѣхахъ вашихъ! Начальство ваше мнѣ все говоритъ, и я много знаю о васъ, но я не начальникъ, я священникъ. Покайтесь! Я знаю ваши прегрѣшенія изъ официальныхъ бумагъ, но души-то ваши откройте отцу

вашему духовному!.. Я истинный свидѣтель передъ Богомъ!.. Я вижу въ васъ много грѣховъ! Кто наказанъ за убійство, кто за воровство... Но вѣдь и разбойника, распятаго на крестѣ, Господь простилъ, потому что онъ покаялся...

— А вѣдь хлестко говорить! тихо вполголоса, замѣтилъ одинъ изъ арестантовъ рядомъ стоящему товарищу.

— Даже слеза прошибла! отвѣтилъ тотъ.— Вѣдь я, братъ, давно не плакалъ!..

— Да, поди-жь ты... старикъ до слезъ довелъ!..

— Эхъ! гдѣ мнѣ исправиться! У меня и приличнаго-то платья нѣтъ: фараоны заберутъ! сказалъ босякъ.

Убійца, стоявшій равнодушно, вдругъ поблѣднѣлъ и зашатался точно раненый—когда услыхалъ напоминаніе священника о разбойникѣ, распятомъ на крестѣ.

Священнослужитель продолжалъ:

— Покайтесь! Общую исповѣдь я вамъ сдѣлаю! Откройте мнѣ души ваши! Скажите мнѣ свои прегрѣшенія!.. Помните, мнѣ дано прощать грѣхи!..

Священникъ умолкъ. Въ церкви воцарилась гробовая тишина. Арестанты углубились въ самихъ себя, беспощадно разбираются въ тайникахъ своей души, припоминая свои тяжкіе грѣхи. Мало-по-малу въ церкви раздается шопотъ, потомъ плачь, потомъ рыданія. Подымается гулъ отъ многихъ голосовъ... Заключенные высказываютъ свои грѣхи съ полною откровенностью, ничего не утаивая.

— Я воробья спугнулъ...

— Я стрѣльнулъ!.. кается босякъ.

— Я задавилъ... грубымъ голосомъ кается убійца, звеня кандалами.

— Я Миколку задушилъ...

— Я нечаянно малолѣтнюю дѣвочку посадилъ въ карманъ... (Иносказательное выраженіе, означающее одинъ изъ самыхъ тяжелыхъ грѣховъ).

— И зарѣзалъ ножомъ!.. продолжаетъ тотъ же голосъ.

— Я укралъ!..

Настала пауза. Священникъ продолжалъ:

— Братья мои! Я васъ всѣхъ долженъ любить! И всѣхъ я васъ люблю и жалѣю!.. Вѣдь, многіе изъ васъ совершили преступленіе по несчастію—иные нужды, другіе по невѣдѣнію. Я долженъ простить всѣхъ грѣхи, ибо и Господь простилъ разбойника, кающагося на крестѣ... И даже вы, братья мои, показавшіеся въ вашихъ грѣхахъ, можете быть опять полезными христианами!.. Аминь!..

Подходите!..

Позвякивая кандалами, арестанты стали подходить одинъ за другимъ къ святому причастію.

Причастившись, они становились въ ряды, сосредотеченные и въ благоговѣйномъ настроеніи.

У многихъ изъ нихъ на лицахъ, хотя на минуту, просвѣчивала радость... Самые угрюмые субъекты, убійцы, и тѣ стали какъ-то бодрѣе.

Когда кончилось богослуженіе, арестантовъ стали разводить по камерамъ.

— Поздравляю васъ, братцы, съ принятіемъ св. Тайнъ! сказалъ начальникъ тюрьмы.

— Благодаримъ покорно, ваше благородіе!..

Затѣмъ арестанты стали поздравлять другъ друга.

— А я, братъ, пятнадцать лѣтъ какъ въ церкви не бывалъ! сказалъ одинъ босякъ.

— Гдѣ намъ! И одѣжки-то нѣтъ, какъ пойти въ церковь? На посмѣшище!..

— Бога мы позабыли... замѣтилъ каторжникъ. Оттого и душу свою погубили!..

— Кабы въ церковь ходили, можетъ быть, здѣсь-бы не были...

— Вѣстимо!..

— Кто въ церковь ходитъ, до грѣха-ли тутъ!..

— Поздравляю тебя, Сережка!..

— Спасибо! Поздравляю тебя, Гришутка!

— Теперь-бы умереть, братцы, хорошо—безъ грѣ-

сто, гдѣ-то нѣтъ. Гдѣ-то мнѣ въ будущей годъ говѣть придется въ одинъ изъ ссыльныхъ на поселеніе.

Гдѣ? Извѣстно, въ Сибири! Вѣдь, ты въ Енисейскую губернію назначенъ.

— Да!..

— Ну, вотъ тамъ, гдѣ-нибудь въ сельской церкви...

— Съ Принятіемъ св. Тайнъ поздравляю тебя, Костя!..

— Спасибо, Ваня! отвѣтилъ нищій-рецидивистъ.

— Теперь пора намъ поправиться! О душѣ подумать! Слышалъ, что говорилъ батька?

— Я и то думаю, хорошо говорилъ онъ!..

— Кабы пораньше намъ вспоинали о Богѣ-то!

— Да, не то-бы было.

— Всѣ мы озвѣрѣли да одичали!..

— Извѣстно, пропашіе люди!..

— Отпѣтые.

— Только и думаемъ, какъ-бы публику объегорить!..

— Соблазнъ великъ! Весь міръ во злѣ лежитъ! Трудно уберечься! промолвилъ странникъ, ходившій на поклонъ къ отцу Іоанну Кронштадскому! Вѣдь всѣ мы стали ворами, нищими и бродягами отъ бѣдности!.. Да, бѣдность есть мать всѣхъ пороковъ! Посмотри въ тюрьму—вѣдь, это все голытьба сидитъ.

По случаю говѣнія, на этотъ день орестантамъ была улучшена пища.

Босяки.

Сцена въ ночлежномъ домѣ.

Осень. Западный вѣтеръ порывисто дулъ съ моря. Съ Петропавловской крѣпости грохотали пушечные выстрѣлы, извѣщавшіе обитателей низменныхъ частей города о предстоящей опасности. Нева почернѣла и вздулась, поднявъ высоко плашкоутные мосты. Улицы замѣтно опустѣли, потому что всякій предпочиталъ сидѣть дома, чѣмъ идти куда-нибудь въ такую погоду. Только у воротъ ночлежки, на Калашниковской пристани, стояла разношерстная толпа—въ ожиданіи впуска въ пріютъ.

— Вишь ты, вѣтеръ какой!

— Такъ и свищетъ, завываетъ!

— Скоро-ли впускать будутъ!

— Терпи казакъ, атаманъ будешь!

— Извѣстно, въ шесть часовъ!

— А хорошо бы въ такую погоду сидѣть дома у огонька!..

Впереди всѣхъ стоялъ старикъ-нищій, сѣдой какъ лунь, съ правильными чертами лица, въ сѣромъ изорванномъ зипунѣ, подпоясавшись. За нимъ стояли нищенки-побирушки, а далѣе посадскіе люди, занимавшіеся грабежомъ и мелкимъ воровствомъ.

— Дѣдко много-ли тебѣ лѣтъ-то? — спрашиваетъ старика одна нищенка съ опухшимъ лицомъ.

— Семьдесятъ, бабушка, семьдесятъ!

— А скоро-ли, дѣдко, умирать-то будешь?

— Въ среду, Пахомовна, въ среду!..

— Толпа размѣялась.

— Вишь, старый хрѣнь, шутить!..

Старикъ не любилъ рассказывать, чѣмъ онъ занимается. Если кто спрашивалъ его объ этомъ, онъ всѣмъ отвѣчалъ, что наслѣдство ищетъ, что ходитъ по канцеляріямъ и хлопочетъ о наслѣдствѣ, и что всѣ ему говорятъ: что завтра придите, завтра... Но «свои» всѣ знали, онъ нищенствуетъ. Нищенство—его профессиональное занятіе, и въ ночлежкѣ онъ живетъ нѣсколько лѣтъ и освоился съ нею. Старикъ спокойно переносилъ свою судьбу и не жаловался на свою горькую участь. Прохожіе подавали ему охотно изъ уваженія къ его маститой старости.

— Что, дѣдушка, хватаетъ-ли тебѣ?

— Да ничего! Слава Богу, подаютъ... Свѣтъ не безъ добрыхъ людей...

— Что-жъ не впускаютъ.

— Пора!

— Надо позвонить!

Одинъ изъ «посадскихъ» дернулъ за ручку звонка.
Вышелъ смотритель.

— Кто позвонилъ?

— Я!

— Чего напрасно беспокоишь! Говорять, рано!

— Вѣтрено очень!

— Вишь, баронъ какой нашелся!

— Баронъ пугаетъ воронъ! А я—князь!

— Упаль въ грязь...

— Я князь Волкъ-конскій!

— Ха, ха, ха!..—засмѣялась толпа.

— Много васъ такихъ посадскихъ найдется!..

— Да впусти, благодѣтель, вишь какой вѣтеръ свищетъ.

— Погодите, щи разливаютъ! Сейчасъ впускать начнемъ!..

Ворота ночлежки распахнулись, и толпа хлынула во дворъ.

— Стой, стой! не всѣ сразу! закричалъ смотритель.

— Господа почтенные! другъ дружку не давите! Подходите поочереди!..

И толпа стала подходить къ кассѣ гуськомъ, поочереди. Уплативъ пяточокъ за билетъ, посѣтители стали пробираться въ столовую. Старикъ сѣлъ въ укромное мѣстечко въ уголокъ.

— Что сегодня?

— Супъ безъ крупъ, черного хлѣба полфунта, и чаю кружка!.. Славный обѣдъ!

— Даровому коню въ зубы не смотрять!..

Пообѣдавъ, старикъ пошелъ въ общую спальню и сѣлъ на нары, которыя окрашены были охрой. Онъ за-

няль на паряхъ свое мѣсто, за № 00. Когда всѣ ночлежники собрались, то пропѣли хоромъ нѣсколько молитвъ: «Отче нашъ», «Вѣрую», «Спаси Господи, люди Твоя» и друг.

— Спокойной ночи! сказалъ смотритель.

— Благодаримъ покорно! И вамъ также!..

— Спать, спать! Не разговаривать! кричалъ смотритель, расхаживая по спальнѣ.

— На противоположномъ концѣ ночлежкѣ раздался взрывъ хохота.

— Что тамъ еще?

— Ха, ха, ха!

Толпа хохотала.

— Вотъ такъ милліонщикъ появился!

— Что тамъ за милліонщикъ такой?

— Покажите мнѣ его! гдѣ?

— Вотъ онъ!.. Сейчасъ только съ улицы пришелъ.

Пожалуйте!..

Смотритель, выдавшій виды, остолбенѣлъ, когда увидѣлъ передъ собою пьянаго босяка, почти буквально голаго, въ однихъ только штанахъ, безъ рубашки.

— Гдѣ же у тебя рубашка?

— Продалъ, а деньги пропилъ...

— Тѣло-то какое красное!

— Словно у рака...

— Это у него отъ холода.

— Обвѣтрилось...

— Эхъ-ма! Жизнь наша трынъ-трава!

— Давно ты пьешь?

— Лѣтъ двѣнадцать, и водку пью, что воду...

Ничего не чувствую!..

— Какъ же теперь ты будешь безъ рубахи-то? Вѣдь тебѣ на улицѣ нельзя показаться...

— А такъ...

— Какъ такъ?

— Безъ рубахи и пойду!.. Гдѣ мнѣ ее взять?

Старикъ-нищій, слушавшій весь этотъ разговоръ, досталь изъ подъ нарѣ свою котомку, порылся въ ней и вынулъ оттуда подштанники и рубашку.

— На, тебѣ рубаху! сказалъ онъ, подойдя къ пьяному босяку. Тотъ, какъ ни былъ пьянъ, но почти сразу отрезвѣлъ подъ впечатлѣніемъ великодушнаго поступка старика-нищаго, и бухъ ему прямо въ ноги при всей публикѣ ночлежки.

— Не мнѣ кланяйся, а Богу! сказалъ старикъ.

— Спасибо, благодѣтель!..

— А вотъ тебѣ и подштанники!..

— И подштанники подарилъ! слышалось въ толпѣ. Босякъ опять поклонился старику-нищему въ ноги земнымъ поклономъ.

— Богу кланяйся, а не мнѣ, землячекъ!..

Рубаху и подштанники я два года носилъ, берегъ ихъ, ни одной заплаты, онѣ тебѣ нужнѣе—возьми и носи на здоровье.

Сцена эта произвела на обитателей ночлежки потрясающее впечатлѣніе.

— Ай да старикъ!

— Послѣднюю рубаху отдалъ!..

— Да кто онъ самъ-то?

— Нищій...

— Нищій нищему рубаху отдалъ!..

— Что-жъ? Онъ поступилъ по-евангельски!..

— Богатый дѣлаетъ доброе дѣло отъ своего избытка, а бѣдный—отъ своей скудости!..

— Лепта вдовицы...

— Чѣмъ я отплачу тебѣ, дѣдко?

— Ничего мнѣ не надо, милый, носи себѣ и не думай обо мнѣ!...

— Ну, пошли тебѣ, Господи, всего хорошаго! Вѣкъ не забуду твоей помощи...

Босякъ надѣлъ на себя дареную рубаху. Она пришла ему какъ разъ въ пору.

— Видно, доброму вору—все въ пору! Точно на меня шили!.. По мѣркѣ!.. И сидить хорошо! Спасибо дѣдкѣ!..

— Вишь ты, въ чистой рубахѣ, словно именинникъ!..

— Тебѣ идетъ!

— Совсѣмъ другой человекъ сталъ!

— А то—въ костюмѣ Адама пришелъ...

— Да нашелся добрый человекъ, который пожалѣлъ меня, меня—пьяницу горькаго... А знаете, братцы, что я вамъ скажу?

— Что?

— Вы не повѣрите?

— Говори!

— Я-бы долженъ подавать, а мнѣ подають!

— Всяко бываетъ!..

— Тысячи имѣлъ!.. Имѣнья, капиталы. Все промоталъ съ друзьями-приятелями. Многіе изъ нихъ теперь сами богатыми стали, а какъ увидятъ меня, не узнають, сторонятся, бѣгутъ, какъ отъ чумы...

— Всѣ други—пріятели до чернаго лишь дня!..

— А здѣсь вотъ нищій въ первый разъ меня увидѣлъ—и послѣднюю свою рубаху отдалъ...

— Рыбакъ рыбака видитъ издалека!

— Ну, довольно, ребята! Пора и честь знать! Полѣзайте на нары—по мѣстамъ!

Спать! Спать! кричалъ смотритель.

— А ты что тутъ болтаешь?

— Виновать!

— Смотри, а то выведу вонъ на улицу! Здѣсь вѣдь не въ своемъ домѣ! Придется ночевать гдѣ-нибудь подъ заборомъ!..

— Больше не буду!

— То-то...

И мало-по-малу ночлежники уgomонились. Они покалякали о томъ, кто гдѣ работаль поденно, и сколько получилъ за работу, кто гдѣ «стрѣляль», и много-ли «настрѣляль» милостыни—и потомъ заснули. Въ углу, передъ образомъ, теплилась лампадка, слабо освѣщавшая «ночлежку». Тамъ и сямъ на нарахъ слышалось сопѣніе и храпѣніе во всю носовую завертку. Изрѣдка кто-нибудь вскакиваль, садился на нары и спросонокъ спрашиваль, озираясь по сторонамъ:

— А? Что?

— Полиція? Пришла?

— Гдѣ? Вонъ сыщики!..

— Да ложись ты! Что ты пугаешь народъ честной! проворчитъ сосѣдъ.

— Никого нѣтъ!..

— Кто теперь придетъ! Въ такую пору!..

И въ ночлежкѣ снова слышится сопѣніе и храпѣніе...

Городской ночной обходъ.

Посѣтители «ночлежки» поужинали, пропѣли хоромъ общую молитву и расположились на нарахъ спать. Свѣтъ ночника слабо освѣщаль помѣщеніе, въ которомъ отъ этого былъ полумракъ. Въ воздухѣ стояла сырость и испарина, пахло кожей и дегтемъ. Мало-помалу обитатели «ночлежки» уgomонились.

Только нѣкоторыя изъ нихъ сидѣли на подоконникѣ, или у окна, и прислушивались, не идетъ ли кто на улицѣ. Другіе лежали на нарахъ, не смыкая глазъ: и тѣ и другіе были насторожѣ, какъ будто они боялись кого нибудь, поджидали.

— Ухъ! Спать охота!

— Погодить надо!

— Еще рано!

— Опасно!

— Вдругъ нагрянуть!

— Попадешья, какъ куръ во щи!

— Вѣстимо, заберуть...

— А потомъ въ «Пересылку»... Этапъ ломать!..

— Нѣтъ, надо подождать до трехъ часовъ, а потомъ можно на боковую...

— Который теперъ часъ?

— Скоро два!

— Какъ ты думаешь, придуть къ намъ сюда сегодня «фараоны»? такъ на своемъ жаргонѣ босяки называютъ городовыхъ.

— Нѣтъ!

— Поздно очень! Сейчасъ будетъ два часа. Какой лѣшій теперь сюда заглянетъ!..

— На грѣхъ мастера нѣтъ!..

Вдругъ раздался звонокъ. Пришелъ какой-то запоздалый ночлежникъ.

— Ты что такъ громко звонишь?

— Хорошихъ людей по ночамъ беспокоишь!..

— Словно графъ какой...

— Насъ напугалъ только...

— Мы думали, что фараоны...

— Нѣтъ, братцы, будьте спокойны: никто не придетъ...

— Третій часъ ужъ!..

— Вѣстимо!..

— Теперь ужъ не придутъ...

— Ложись, ребята! — успокаивали другъ друга опытные рецидивисты, которые, изъ опасенія попасть въ руки полиціи, во время ночного обхода долго не ложатся спать и засыпаютъ подъ утро—въ надеждѣ, что тогда ужъ обхода не будетъ.

— Ты почему знаешь?

Разумѣется, у кого есть паспортъ, тѣ спать спокойно и никого не боятся.

Пробило три часа. Всѣ спали.

У воротъ ночлежнаго дома замелькали силуэты городскихъ и нѣсколькихъ представителей сыскной полиціи. Городовые заняли всѣ входы и выходы, и вмѣстѣ съ сыщиками направились въ ночлежку.

Позвонили... Въ это время въ ночлежкѣ поднялся настоящій содомъ...

— Милліонщики, вставайте! Фараоны пришли!..

— Ребята, обходь!..

— Полиція!

— Вставать, вставать! кричалъ смотритель. Приготовьте паспорта!.. Повѣрять будутъ — у всѣхъ-ли есть...

Лѣнливо подымались босяки и вынимали изъ кармановъ паспорта.

— Стройся въ рядъ, становись вдоль наръ!

Въ это время раздался звонъ разбитаго стекла.

— Что тамъ такое?

— Окно разбили!

Кто-то выпрыгнулъ на улицу—со второго этажа!

Въ разбитое окно доносился съ улицы, среди ночной темноты, крикъ городскихъ: «лови ихъ! лови»!

Между тѣмъ въ ночлежкѣ начался обходъ и опросъ ночлежниковъ.

— У тебя паспортъ есть!

— Такъ точно, ваше благородіе!..

— А у тебя?

— Вотъ онъ!

— Ты какой губерніи?

— Запомятоваль, ваше благородіе!

— Твоя фамилія?

— Чтой-то забыль, ваше благородіе!

— Взять его!..

— Твой паспортъ гдѣ?

— Потеряль...

— Взять его!..

Безпаспортныхъ отводили въ сторону и ставили въ ширингу. Не всѣ безпаспортные и рецидивисты добровольно отдавались въ руки полиціи.

Многіе изъ нихъ попрятались въ ночлежкѣ, кто куда могъ. Одни изъ нихъ убѣжали на чердакъ, дру-

гіе спрятались за печками, третьи ушли въ отхожее мѣсто. Полицейскіе городовыя и сыщики стали ходить по всему ночлежному дому и разыскивали спрятавшихся субъектовъ. Они заглядывали подъ нары, смотрѣли за печками, въ углу, и подымались даже на чердакъ.

— Вишь ты, словно тараканы попрятались...

Нѣсколькихъ ночлежниковъ привели съ чердака, гдѣ они хотѣли было спрятаться, но безуспѣшно.

Вишь ты, какіе артисты! Прятаться задумали... На чердакъ убѣжали! Неохота, должно быть, въ пересыльную тюрьму идти!..

— Извѣстно, на волѣ лучше...

— Много-ли ихъ?

— Надо сосчитать!

— Считайте!

— Сколько?

— Сто пять человѣкъ!..

Вѣрно-ли? Повѣрти! — начали снова считать.

— Ну, что?

— Вѣрно! Сто пять человѣкъ!..

— Направо! Маршъ! — Въ сопровожденіи городовыхъ, беспаспортные и рецидивисты стали выходить изъ ночлежки одинъ за другимъ, гуськомъ, и выстраивались на дворѣ ночлежнаго дома.

Чтобы выйти изъ ночлежки, надо пройти двое дверей, которыя отворялись въ простѣнокъ — такъ, что двѣ половинки дверей вмѣстѣ со стѣною образовали трехъ-угольную глухую нишу. Этимъ обстоятельствомъ воспользовался одинъ изъ босяковъ. Выходя, въ числѣ прочихъ, гуськомъ, изъ ночлежки во дворъ, онъ моментально юркнулъ въ простѣнокъ и закрылъ себя двумя половинками дверей, которыя придерживалъ ру-

ками, чтобы онѣ не отходили. И такимъ образомъ, на виду у всѣхъ спрятался за дверями... Чего проще? Геніальныя мысли приходятъ на умъ быстро, мгновенно... Товарищи, конечно, не выдали своего, и по-малкивали себѣ. Когда всѣ вышли во дворъ и выстроились въ шеренгу, стали опять пересчитывать, и тутъ-то обнаружилось, что одного не хватаетъ!..

— Какъ такъ? Что за оказія!

— Много-ли ихъ?

Сто четыре!

— Вѣдь было сто пять!

— Пересчитайте снова!

— Сколько?

— Сто четыре!..

— Не можетъ быть!

— Извольте сами пересчитать!

— Да, сто четыре...

— Какъ же такъ? Вѣдь, никто не могъ убѣжать?

На нашихъ глазахъ выходили...

— Должно быть, давеча ошиблись счотомъ...

— Обсчитались... Пусть будетъ такъ—сто четыре!

— Значить, сто четыре.

— Ведите! Всѣхъ забранныхъ рецидивистовъ и безпаспортныхъ городовые повели въ сыскное отдѣленіе—для удостовѣренія личности.

Смотритель ночлежки, распроставшись со своими кліентами, пошелъ въ помѣщеніе пріюта. Каково же было его удивленіе, когда дернувъ половинку дверей, онъ увидѣлъ тамъ стоявшаго босяка—ни живъ, ни мертвъ.

— Ты зачѣмъ здѣсь?

— Простите! Я спрятался сюда отъ рукъ полиціи... Ради Бога, не выдайте! Заставьте вѣчно Бога молить!.. Пощадите!

— Ступай спать! Не мое дѣло—тебя сажать въ тюрьму!..

— Спасибо! Спасибо! Никогда не забуду!

— И босякъ, торжествующій, побѣжалъ и легъ спать на нары.

Но если бы смотритель выдалъ этого босяка въ руки полиціи, то нажилъ бы себѣ враговъ въ лицѣ его товарищей, которые рано или поздно отомстили бы ему изъ-за угла... камнемъ, полѣномъ или даже ножомъ... Вообще говоря, у босяковъ сильно развитъ духъ товарищества, въ силу котораго они мстятъ за обиженнаго.

Отъ смотрителя требуется большой тактъ и умѣнье, чтобы ладить съ босяками. Онъ всегда долженъ держать руку босяка. Онъ принимаетъ съ воли, отъ благодѣтелей, пожертвованія въ пользу ночлежниковъ деньгами и натурой. Онъ организуетъ ежедневный сборъ милостыни на рынкахъ, натурой, для питанія своихъ гостей. Денежныя пожертвованія записываются въ шнуровую книгу.

Лѣтомъ и осенью, пока тепло, ночлежки не бываютъ такъ переполнены какъ зимою, когда наступятъ холода! Лѣтомъ каждый кустикъ ночевать пустить! говорятъ босяки. Лѣтомъ они ютятся вездѣ, прямо подъ открытымъ небомъ, подъ заборомъ, въ полѣ, въ лѣсу, на Горячемъ полѣ, на Куликовомъ полѣ, въ баркахъ, въ пустыхъ вагонахъ и даже въ садовыхъ бесѣдкахъ—гдѣ нибудь на окраинѣ столицы. Лѣтомъ для босяковъ просторъ въ лѣсу: грибы, ягоды! Одни изъ нихъ только и дѣлаютъ, что собираютъ грибы, а другіе

этотъ товаръ несутъ въ городъ на продажу. Въ лѣсу босяки устраиваютъ шалаши, гдѣ и живутъ на свободѣ Робинзонами. Но наступающіе холода гонятъ босяковъ въ городъ, въ ночлежку Мококина, гдѣ они и попадаютъ въ руки полиціи— во время ночного обхода. Конечно, только безпаспортные: для нихъ ночлежка оказывается западнею. Впрочемъ, не всѣ рецидивисты унываютъ, попавши въ руки полиціи. Многіе изъ нихъ бываютъ рады, переходя на казенные хлѣба и на полное казенное иждивеніе. Чтобы понять это, надо ознакомиться съ дальнѣйшей исторіей босяковъ — въ Пересыльной тюрьмѣ. Опасный элементъ столичнаго населенія высылается на родину, а то еще и въ мѣста болѣе отдаленныя. Такъ или иначе, но весь «опасный элементъ» проходитъ черезъ Пересыльскую тюрьму.

Шмонало.

На жаргонъ босяковъ шмонало значить карманный воришка, отсюда шмоналить — воровать, запускать руку въ карманъ. Въ ночлежныхъ домахъ мелкое карманное воровство развито чрезвычайно; шмоналы безъ зазрѣнія совѣсти обкрадываютъ своихъ товарищей. Они высматриваютъ неопытныхъ новичковъ, и въ первую же ночь обчищаютъ ихъ, какъ липку, и задаютъ имъ выучку, послѣ чего новички становятся осторожными, и если у нихъ имѣются какія-нибудь вещи, то на ночь отдаютъ на храненіе смотрителю ночлежки. Босяки въ

ночлежкахъ спать не раздѣваясь, даже сапогъ не снимаютъ—изъ боязни, что шмоналы утащатъ.

Мелкое карманное воровство царить въ ночлежкѣ, и каждый бѣднякъ озабоченъ, какъ бы его не обокрали. Шмоналы не брезгаютъ ничѣмъ; воруютъ, что подъ руку попадетъ. Они смѣло запускаютъ руку въ чужой карманъ, если замѣтятъ тамъ какой-нибудь мѣдякъ... Въ особенности шмоналы оперируютъ по ночамъ, когда все спятъ. Тѣснота на нарахъ, гдѣ люди спятъ бокъ-о-бокъ, прикасаясь другъ къ дружкѣ на руку шмоналамъ. Рѣдкая ночь не обходится безъ того, чтобы шмоналы не обчистили кого-нибудь.

— Полно шутить!—сказаль, проснувшись, портнишка своему сосѣду. Хозяинъ отказаль портнишкѣ отъ мѣста, и онъ попалъ въ ночлежку.

— Я не шучу.

— Да не шутишь. Только руку въ карманъ запустиль.

— Въ чей карманъ?

— Да въ мой!..

— Извини, я нечаянно!..

— Заблудилась, должно быть, рука-то!..

— Говорятъ тебѣ, нечаянно!..

— Отъ меня, братъ, нажива небольшая!..

— Я честный человѣкъ...

— Да, честный, что плохо лежитъ, у тебя ужъ и брюхо болить!..

— Извини, я пошутил!..

— Въ чужой карманъ залѣзъ! Хорошая шутка!..

— Ну, чего расхорохорился...

— А вотъ я скажу смотрителю.

— Спи, спи, не трону!..

Всѣ ночлежники спали, только на нарахъ, при свѣтѣ висячей лампы, сидѣлъ одинъ босякъ и читаль какую-то брошюрку для народа. Онъ снялъ сапоги и поставилъ ихъ позади себя, поближе, чтобы не украли. Должно быть, онъ читаль очень внимательно, или сапоги его были очень хорошіе, но только когда онъ кончилъ чтеніе и оглянулся назадъ, то сапогъ уже не было.

— Вотъ те на, никакъ сапоги мои украли!

— Послушай-ка, сосѣдъ, ты не видалъ моихъ сапогъ?

— А? Что? Зачѣмъ ты меня разбудилъ?

— Сапоги мои украли?..

— Я-то причемъ...

— Помоги, пожалуйста, найти мои сапоги!

— Заяви смотрителю!

Потерпѣвшій пошелъ къ смотрителю.

— У меня кто-то сапоги укралъ!..

— Какъ такъ? Съ соннаго стащили?

— Нѣтъ! Я читаль книжку, а сапоги снялъ и поставилъ сзади...

— Не клади плохо, не вводи вора въ грѣхъ; ты читаль, а шмоналы въ это время и обработали...

— Нельзя ли всѣхъ обыскать!

— Да развѣ это можно? Въ ночлежкѣ спить теперь около тысячи человѣкъ—мыслимо ли дѣло всѣхъ обыскать!...

— Значить, мои сапоги—ау!

— Пиши-пропало!

— Какъ же быть, безъ сапогъ-то? Вѣдь мнѣ не на что и купить...

— Вотъ завтра утромъ, когда народъ будетъ выходить изъ ночлежки, надо осмотрѣть всѣхъ... Обыскать!

— А теперь босикомъ!

— Что-жь дѣлать! У насъ шмоналы не переводятся!.. Воруютъ направо и налево... Съ соннаго и зрячаго...

Потѣрпѣвшій босякъ пошелъ къ своему мѣсту и, прежде чѣмъ выбратся на нары, остановился у окна, облокотился на подоконникъ и долго стоялъ въ раздумѣ, какъ ему быть завтра, если сапоги не найдутся!..

Мимо его проходилъ какой-то старикъ нищій.

— Что, братъ, задумался?

— Да вотъ, дѣдко, сапоги украли!

— Когда?

— Да сейчасъ!

— Наши—молодцы! Не дремлютъ!..

— Не знаю, въ чемъ завтра пойду на улицу!..

— Босикомъ! Живо настрѣляешь!..

— Въ такой-то морозъ!..

— Не тужи, на сапоги и настрѣляешь... Въ прошлый разъ одинъ шмонало у соннаго сосѣда кошелекъ съ деньгами и паспортомъ вытащилъ и ушелъ изъ ночлежки... Такъ что-жь ты думаешь, деньги-то истратилъ, а паспортъ возвратилъ назадъ!..

— Какъ же онъ возвратилъ? Самъ что-ли пришелъ въ ночлежку?

— Нѣтъ! Онъ съ той поры здѣсь не показывался!.. А дворнику отдавъ паспортъ-то, передай, говорить, такому-то!..

— Видишь ты, честный воръ-то!..

— Зачѣмъ ему паспортъ-то!

— Да, а самъ сюда ужъ больше ни ногой, онъ знаетъ, что его сюда не пустятъ, да мало того, еще и отдуютъ...

— Развѣ здѣсь бьютъ воровъ-то?

— Своимъ судомъ, братъ расправляются!

— Да вотъ увидишь, если твои сапоги найдутся...

Утро вечера мудренѣе, ложись-ка, братъ, спать!..

Босяки спали не только на нарахъ, но и подъ нарами, прямо на полу, такъ что въ проходъ высовывались ноги. Въ это время подъ нарами кто-то зашевелился и невольно обратилъ на себя вниманіе босяка, стоявшаго у окна. Онъ сталъ наблюдать. Субъектъ, сидѣвшій подъ нарами, примѣривалъ сапоги, и такъ какъ подъ нарами было темно, то онъ придвинулся поближе къ проходу, такъ что ноги его высовывались изъ подъ наръ.

— Да никакъ онъ примѣриваетъ сапоги! подумаль босякъ, стоявшій у подоконника.

— Да никакъ это мои сапоги!.. Такъ и есть! Стой! Это у тебя чьи сапоги!.. Ты ихъ укралъ! Это мои сапоги! Дѣдко, бѣги къ смотрителю! Шмонало!..

— Васъ зовутъ! Шмонало тамъ проявился!..

Шмонало былъ пойманъ съ поличнымъ.

— А, такъ ты воровать!..

— Своего же брата, бѣдняка, обкрадываешь!

— Шмонало!..

— Шмонало накрыли!

— Ребята, бей его!

Несмотря на глубокую полночь, по всему ночлежному дому поднялась суматоха. Многіе повскакали съ наръ и прибѣжали на мѣсто происшествія.

— Что такое случилось?

— Шмонало поймали! Сапоги стащилъ!

— Не успѣлъ и примѣрить-то, какъ поймали!

— Бѣдный!..

— Бей его, ребята!..

— Вонъ его отсюда!..

— Гони его!..

И на спину шмоналы посыпались десятки дюжихъ кулаковъ.

— Ой, братцы, пощадите!

— А ты не щадиль, когда у своего же брата, бѣдняка, послѣдніе сапоги украдь...

— Лупи его!..

Затѣмъ дюжія руки взяли шмоналу подмышки и торжественно повели его къ выходу ночлежки. Шмонало упирался и не хотѣлъ выходить изъ ночлежки.

— Братцы, пощадите, вѣдь теперь морозъ!

— А вѣдь ты не щадиль: своего брата, бѣдняка, безъ сапогъ въ такой морозъ оставиль...

— Вонъ его!

— Гоните отсюда, а то всѣхъ обкрадетъ!..

Куда же мнѣ идти теперь, ночью?

— Ступай, куда знаешь!.. И сюда больше ни ногой...

И шмонало выталкивали изъ ночлежки.

Куда идти въ полночь? И поплелся онъ на Обводный каналъ, въ Кобозевскую лавру.

Кто разъ попался въ воровствѣ, тотъ лучше и не приходи въ ночлежку, товарищи все равно прогоняютъ. Они заявляютъ смотрителю, что такого-то не надо пускать въ ночлежку, потому что онъ шмоналитъ, т. е. воруетъ. Впрочемъ, шмоналы и сами знаютъ, что имъ плохо придется отъ своихъ товарищей. Если шмонало проворовался въ какомъ-нибудь ночлежномъ домѣ, то онъ туда глазъ не кажетъ, и для своего ночлега избираетъ ночлежку другую.

По этикѣ босяковъ, шмонало — самый презрѣнный воръ, потому что онъ обкрадываетъ своего же брата, бѣдняка, прельщаясь не грудями золота, а какими-нибудь ничтожными грошами. Шмоналы и сами сознаютъ это, стыдятся своихъ товарищей, боятся ихъ кулаковъ, и калачемъ ихъ не заманешь въ ту ночлежку, гдѣ они проворовались.

Многихъ порядочныхъ людей, волею судьбы загнанныхъ въ ночлежку, ночлежка страшитъ именно тѣмъ, что тамъ обворуютъ, обчистятъ, какъ липку. Если на посѣтителѣ хорошая одежда то бѣда; шмоналы тотчасъ же прикидываютъ въ умѣ, за сколько ее можно продать, въ случаѣ если ее успѣшно украсть... Чтобы быть спокойнымъ въ ночлежкѣ, надо надѣть самое рваное, грязное рубище, чтобы не было никакого сомнѣнія, что ты голъ, какъ соколъ, и что отъ тебя нечѣмъ поживиться.

Многихъ ночлежка страшитъ, какъ притонъ воровства, и объ этомъ слѣдуетъ подумать, въ особенности содержателямъ ночлежныхъ домовъ, которые получаютъ съ бѣднаго люда колоссальныя барыши. Надо такъ поставить дѣло, чтобы бѣднякъ, заплативъ пятакъ за ночлегъ, былъ спокоенъ, что его не обворуютъ въ ночлежкѣ.

День въ городскомъ ночлежномъ домѣ.

На Никольской площади, рядомъ съ биржей для чернорабочихъ, стоитъ городской ночлежный домъ, а при немъ дешевая народная столовая—для бѣдныхъ. Это—единственный пріютъ для бездомниковъ, построенный городомъ, и построенъ, правду сказать, хорошо: много свѣту и воздуха, нары желѣзныя, окрашенныя бѣлою масляною краскою—во избѣжаніе насѣкомыхъ. По ночамъ—электрическое освѣщеніе. Тепло и сухо. Въ верхнемъ этажѣ—помѣщеніе для ночлега, а внизу—столовая. Побольше бы такихъ пріютовъ. Домъ рассчитанъ на 162 человѣка.

Помѣщеніе для ночлега открывается на ночь, а столовая открыта цѣлый день, и всегда бываетъ переполнена голытьбою, въ особенности зимою, въ морозные дни. Это своего рода клубъ босяковъ.

Публика, посѣщающая городской ночлежный домъ и столовую при немъ, подраздѣляется на три категоріи: 1) спеціальныя «стрѣлки», лѣнтяи, избѣгающіе всякой работы; изъ нихъ одни—«саботѣйщики», а другіе—«сухіе». И тѣ, и другіе, въ сущности говоря, нищіе, но только разница между ними та, что одни собираютъ хлѣбомъ, кусочками, а другіе—деньгами. Нищенство запрещено въ столицѣ. И никакой нищій не пойдетъ съ «боковиномъ» по улицамъ Петербурга. А то его заберутъ и отправятъ, куда слѣдуетъ. Во избѣжаніе неприятностей, «саботѣйщикъ» съ внутрен-

ней стороны своего пальто имѣеть колоссальныя карманы, куда можно умѣститъ пуда полтора кусочковъ хлѣба и обрѣзковъ-булокъ. По мѣрѣ того, какъ «савотѣйщикъ» обходитъ городскія булочныя, бока его мало-по-малу оттопыриваются отъ насованныхъ по карманамъ обрѣзковъ, и когда боковые карманы его наполняются до-верху, онъ не безъ чувствъ удовольствія возвращается въ столовую ночлежнаго дома. Правда, онъ въ этомъ положеніи похожъ бываетъ на надутый пузырь, но своя ноша не тяжела! . Идетъ «савотѣйщикъ» по улицѣ, бока его оттопырились отъ многочисленныхъ кусочковъ хлѣба и обрѣзковъ булокъ, но никто его не заподозритъ, что онъ нищій. А это ему и на руку. Стрѣлять «на сухую», значить просить милостыню деньгами. Сухіе стрѣлки брезгають кусочками, они предпочитаютъ просить деньгами.

2) Вторая категорія — стрѣлки по неволѣ, въ силу непредвидѣнныхъ тяжелыхъ обстоятельствъ но имѣющіе работы; они стрѣляютъ осторожно, чтобы достать себѣ на «гопъ», т. е. на ночлегъ. Какъ только найдутъ себѣ «мѣсто» они скрываются съ горизонта темнаго Петербурга». 3) Портовые рабочіе, которые работаютъ въ Спб. порту съ 6 часовъ утра и до 6 часовъ вечера, а на ночь приходятъ въ ночлежный домъ. Это самыя мирныя обитатели ночлежки, не всегда, къ сожалѣнію, попадающіе на работу. Они нанимаются по денно и получаютъ полтину въ день.

День въ городскомъ ночлежномъ домѣ начинается съ 5 часовъ утра, когда поднимаются съ кровати портовые рабочіе. Они встають раньше всѣхъ, чтобы поспѣть на работу въ Спб. портъ. Когда портовые рабо-

чіе всѣ на ногахъ, «стрѣлки» спятъ еще, время еще терпѣть: булочныя еще не открыты.

Въ 6 часовъ утра раздается звонокъ, будятъ всѣхъ. Портовые рабочіе бѣгутъ внизъ, въ столовую, торопятся пить чай, чтобы успѣть въ половинѣ 7 быть въ порту, на работѣ.

Въ седьмомъ часу утра лѣниво поднимаются стрѣлки...

— Эй, ребята, вставай!..

— Пора стрѣлять идти!

— Пошлину собирать время ужъ...

— Съ мелочныхъ и булочныхъ...

— Филиппова булочная ужъ открыта...

— Айда на Невскій...

— А я на Большую Садовую!..

— Кто чаю хочетъ лишнюю кружку выпить?

— Я, я!..

— Покупай билетъ на кружку чая!..

— Почему?

— Копѣйка!

— Получай монету!..

Не пивши чаю, многіе стрѣлки отправляются въ круговую по мелочнымъ и булочнымъ заведеніямъ собирать кусочки хлѣба и обрѣзки булокъ. Особенно много подаетъ имъ всякихъ обрѣзковъ одна извѣстная на Невскомъ проспектѣ булочная. Мало-по малу «стрѣлки» расходятся, и ночлежное помѣщеніе пустѣетъ. Зато жизнь бьетъ теперь ключемъ въ нижнемъ этажѣ, въ столовой.

Въ 8 часовъ, въ девятомъ, со всѣхъ концовъ Петербурга собираются въ дешевую столовую стрѣлки изъ разныхъ ночлежныхъ домовъ. Начинается торгъ саво-тѣекъ, т. е. кусочками чернаго и бѣлаго хлѣба. Са-

вотѣйщики вынимаютъ изъ своихъ необъятныхъ боковыхъ кармановъ обрѣзки булокъ и выкладываютъ ихъ на столы.

— Господа, кому булокъ?

— Вотъ Филипповскіе калачи! Они черствые! Ну, да ничего!..

— Дай-ка, Ваня, на копѣечку черного хлѣба!..

— Изволь!

— Тутъ много-ли?

— Полтора фунта!..

-- А мнѣ бѣлаго хлѣба!

— Можно...

— Почему?

— Да вотъ на три копѣйки!

-- Много-ли тутъ?

— Фунта два!..

— Давай!..

Начинается питье чая съ кусочками хлѣба и обрѣзками булокъ изъ разныхъ булочныхъ—нѣмецкихъ, русскихъ и др.

Около 12 часовъ пополудни собираются въ столовую болѣе опытные «стрѣлки», пренебрегающіе «савотѣйками» и берущіе «сухимъ», т. е. деньгами. Тамъ и сямъ появляются игральныя карты. Начинается дымъ коромысломъ: босяки секретно играютъ въ разныя азартныя игры, причемъ никто изъ служащихъ въ ночномъ домѣ не можетъ замѣтить ихъ игры. Послѣ 3—4-хъ часовой игры, въ азартныя игры, когда играющіе достаточно обалдѣютъ, нерѣдко начинается крупная баталія, тогда на помощь являються чайники съ кипяткомъ, кружки, тарелки... Все это моментально ле-

титъ по назначенію, отъ одного босяка къ другому, въ чью-нибудь фізіономію...

Тогда уже приходитъ въ столовую начальство пріюта и начинаетъ успокаивать расходившихся буяновъ... Достаточно передравшись и исчерпавъ всѣ предметы, которые могутъ попасть подъ руку и летѣть въ непріателя, буяны мало-по-малу утихаютъ.

Безъ четверти въ 6 часовъ входитъ въ столовую смотритель ночлежки, въ сопровожденіи городского, и объявляетъ:

— Сейчасъ впускать будемъ!

— Выходи на улицу, ребята!

— Стройся!..

Всѣ босяки, имѣющіе паспорта, бѣгутъ изъ столовой на улицу, чтобы занять позицію поближе къ входнымъ дверямъ. Начинается давка. Всѣ становятся другъ за дружкой длиною вереницею, въ очередь. А неимѣющіе паспорта, обитатели ночлежекъ Макокина, Кобозева и др., уходятъ на вечернюю стрѣльбу.

Они-бы тоже не прочь ночевать въ городскомъ пріютѣ; но дѣло въ томъ, что сюда впускаютъ только съ паспортами, а безпаспортныхъ не впускаютъ.

Въ 6 часовъ вечера на башнѣ Никольскаго собора бьетъ 6 часовъ. Въ ночлежкѣ зажигаются электрическія лампочки, двери открываются — начинается впускъ бездомниковъ. Входя въ пріютъ, каждый ночлежникъ показываетъ свой паспортъ околоточному.

Въ началѣ седьмого раздается возгласъ:

— Портъ идетъ!.. т. е. идутъ рабочіе съ петербургскаго порта.

Портовскіе чернорабочіе, какъ аборигены ночлежники, не становятся въ очередь, а лѣзутъ прямо на

проломъ, поближе къ кассѣ. Стоитъ только одному чернорабочему стать въ линію, какъ уже въ одинъ мигъ 30—40 человѣкъ стоятъ впереди, оттиснувъ остальныхъ. Кто стоялъ въ хвостѣ, тому волею неволью приходится идти въ другой ночлежный домъ, къ Макину, Пономареву и проч.

Многіе бездомники входятъ въ городской ночлежный домъ съ «куклимами», т. е. съ купленными паспортами. Тутъ же рядомъ, на Никольскомъ рынкѣ, продаются для желающихъ ворованные паспорта. Конечно, надо знать, къ кому обратиться...

Подходятъ по очереди къ кассѣ и получаютъ билетъ для входа въ ночлежку, съ двумя талонами, каждый на 1 кружку чаю, 1 кусокъ хлѣба и 1 кусокъ сахара. Въ общемъ, за вычетомъ стоимости чая, сахара и хлѣба, самый ночлегъ обходится 1 копейка.

Къ 8 часамъ вечера ночлежка переполнена посетителями. Кто пьетъ чай, кто читаетъ какую-нибудь книжку, кто разговариваетъ, обмѣниваясь новостями дня, больше всего о «стрѣльбѣ»: гдѣ лучше подаютъ, гдѣ меньше «пауковъ» (переодѣтыхъ городскихъ), гдѣ хорошій «фараонъ» стоитъ и т. п.

Босяки собрались сюда съ разныхъ концовъ города, много видѣли и слышали—и есть о чемъ поговорить.

— А гдѣ же Ванька?

— Да Ванька былъ со мной. Мы вмѣстѣ стрѣляли! раздается чей-то голосъ изъ другого конца столовой.

— А вѣдь, ты, Арбузь, Ваньку-то сжегъ! (т. е. выдалъ).

— Какъ сжегъ?

— Да вѣдь Ваньку-то замѣли! (т. е. арестовали).

— Я винта нарѣзалъ отъ паука... (т. е. убѣждалъ).

— Нѣтъ-ли куклима, братцы? спрашиваетъ, возглашая на всю столовую, одинъ босякъ. Но его возгласъ прерывается другимъ:

— Кто чайный билетъ продаетъ?

— Давай монету!

— Чайный билетъ тутъ!..

— А «куклима» какой тебѣ надо?

— Давай помоложе!..

— Да ты какой будешь?

— Псковской...

— Американской губерніи, премудраго города Пске... Нѣтъ, братъ, не подходитъ...

— Ахъ, жаль!

— У меня есть дворянскій... Не хочешь-ли?

— Что стоитъ?

— Полтора целковыхъ...

— Нѣтъ, братъ, не надо!

— Отчего?

— А я сегодня у Макокина украду, а завтра, коли хочешь, самъ тебѣ продамъ!..

Между портовыми рабочими происходитъ другого рода разговоръ:

— А что, братцы, какой-то завтра нарядъ будетъ?

— Кто на «Олегъ»?

Такъ называется строящійся военный броненосецъ.

— Кто на «Камчатку»?

— А мы въ артиллерію: ядра таскать!

— Я обезпечень: пойду завтра метельщикомъ!

— А ты что, Арбузь ворчишь? Тебѣ-то что? Пойдешь въ печники! Горно будешь ставить...

Въ 10 часовъ ночи обитатели ночлежки засыпають. Слышенъ храпъ. Кой-гдѣ изрѣдка вспыхивають огоньки: это курильщики закуривають свои «цыгарки», сверченныя изъ газетной бумаги и набитыя такой махоркой, отъ которой носъ ломить...

Изъ-за Урала въ Петербургъ.

Сибирскій трактъ и встрѣча „съ несчастными“ (бродягами).

(Путевыя впечатлѣнія прохожаго).

I.

Сибирскимъ трактомъ, лѣтъ 20 тому назадъ, говорятъ, ходить пѣшимъ было гораздо безопаснѣе и веселѣе, чѣмъ теперь. Это было до проведенія уральской желѣзной дороги. Какъ провели желѣзную дорогу, трактъ сталъ неузнаваемъ: его совсѣмъ забросили. Сoderжатели постоянныхъ дворовъ говорятъ, что прежде бывало, не только возили почту, но и всѣ товары изъ Европейской Россіи въ Сибирь, и обратно, отправлялись на ломовыхъ извозчикахъ. Всѣ пассажиры, которые теперь ѣздятъ по желѣзной дорогѣ, ѣздили на «протяжныхъ» или «перемѣнныхъ» лошадахъ, и всѣ давали доходъ. Бывало, ѣдетъ изъ Сибири обозъ съ товаромъ «гуськомъ», раскинувшись по тракту на цѣлую версту, и займетъ три, четыре двора, и каждый

извозчикъ пьетъ чай, обѣдаетъ или ужинаетъ; для лошадей брали сѣно, овесъ, отъ всего былъ доходъ; хотя и хлопотливо было, но за то наживали копѣечку, брали за ночлегъ, чай и ужинъ 30 или 40 коп. съ чело-вѣка. Хотя и дорогонько, а все-таки никто не оби-жался, потому что кормили на славу, чтобы и въ дру-гой разъ мимо не проѣхали. Смотришь, отъ того, да отъ другого по три, по пяти копѣекъ въ день-то и наберется порядочно. А извозчики, которые не брали овса или не обѣдали, тѣ за лошадей платили по пя-тачку: у иного 10 или 15 лошадей. Да что тутъ и говорить, вспомянешь, такъ сердце кровью обливается. Что прежде нажили, теперь проживаемъ — проклятая машина все отняла. Прежде, бывало, поѣдешь въ го-родъ, и не замѣтишь, какъ доѣдешь, то обозъ тебѣ навстрѣчу, или догонишь кого-нибудь, займешься разго-воромъ: куда, какой и чей товаръ везуть, почемъ съ пуда. Прежде, бывало, брали 75 коп. и рубль съ пуда за триста и четыреста верстъ, и неуспѣвали возить, а нынче радъ бы и за двугривенный, да нечего везти, а если случится куда поѣхать, такъ только и встрѣтишь однихъ бродягъ, да изрѣдка развѣ попадетъ какой-нибудь прохожій или странникъ.

Еще въ моемъ дѣтствѣ мнѣ случалось отъ нянекъ слышать рассказы о бродягахъ. Въ Сибири бродягами стращаютъ маленькихъ дѣтей, а въ недавнее время приходилось мнѣ не только встрѣчаться, но даже и разговаривать съ ними. Бродягъ по сибирскому тракту и уральской желѣзной дорогѣ въ лѣтнее время идетъ очень много. Они по одному не ходятъ, а большею частію по двое, по трое и болѣе. Изрѣдка идетъ и одинъ, пока не найдетъ себѣ товарища. Бродягу можно

тотчасъ-же отличить и по внѣшности отъ какого-либо прохожаго, богомольца или странника. Бродяга при встрѣчѣ съ вами никогда не поклонится, идетъ скоро и смотритъ въ сторону, въ землю, не желая встрѣтить вашу взглядъ; но если и взглянетъ на васъ, такъ вами овладѣваетъ какой-то безотчетный страхъ. Обыкновенно, лицо у бродягъ черное, загорѣлое и грязное, они по всей вѣроятности не имѣютъ привычки умываться. Когда бродяга заговоритъ съ вами, то у него зубы и глаза сверкаютъ, точно у цыгана; одежда у нихъ ужасно грязная и рваная; мѣшокъ за плечами, въ который они кладутъ хлѣбъ и все, что имъ даютъ крестьяне, сальный и грязный; къ мѣшку обязательно у каждаго бродяги привязанъ котелокъ, который они имѣютъ, чтобы варить пищу. Когда они бываютъ въ деревнѣ или селѣ, старухи даютъ имъ всего, что они только попросятъ; нѣкоторыя даютъ изъ состраданія къ нимъ, а другія изъ боязни. Бродяга все беретъ: картофель, яйца, молоко; въ какой-нибудь годовой праздникъ богатый крестьянинъ даетъ кусокъ баранины или свинины.

За провизіей бродяги заходятъ не въ каждую деревню, заводъ или село: они стараются зайти туда, гдѣ нѣтъ становаго или урядника. Мѣста имъ по всей Сибири, даже и за Пермь, извѣстны. Они знаютъ, гдѣ какой дорогой имъ удобнѣе пройти; гдѣ есть становой или урядникъ, гдѣ нѣтъ; если гдѣ и есть, такъ имъ извѣстно, что въ этомъ селѣ приставъ не обращаетъ на нихъ вниманія и не задерживаетъ, такъ что, когда выходятъ у нихъ съѣстные припасы, они идутъ смѣло въ село или деревню и, запасшись продуктами, отправляются въ лѣсъ, разводять огонь, и въ котелкѣ варятъ

какую-нибудь кашицу или супъ. Послѣ обѣда кипятятъ въ томъ же котелкѣ воду и завариваютъ чай. Такимъ образомъ, подкрѣпивъ свои силы, они идутъ далѣе. Въ теплое лѣтнее время бродяги ночуютъ въ лѣсу, а во время сѣнокоса въ стогахъ сѣна; а когда бываетъ холодно, то бродяги, идущіе по линіи Уральской желѣзной дороги, ночуютъ въ рабочихъ желѣзнодорожныхъ баняхъ, на что спрашиваютъ дозволенія желѣзнодорожнаго мастера, или же старшаго рабочаго. Этотъ ночлегъ разрѣшается имъ безпрекословно: нѣкоторые пускаютъ изъ состраданія къ нимъ, а другіе въ виду опасности, которую отъ нихъ можно ожидать ежеминутно. Напримѣръ, былъ такой случай: двое бродягъ нынче весной, вечеромъ, въ дождливое и холодное время, просились въ одну казарму хотя обсушиться и обогрѣться, но такъ какъ мастера и старшаго рабочаго не было дома, то ихъ не впустили. На другой день, когда рабочіе пошли на работу, а женщины отправились въ полѣ, бродяги пришли къ казармамъ, сломали замокъ, взяли себѣ провизіи, какая была поблизости, и ушли, а казарму зажгли, и если-бъ не подоспѣлъ въ это время товарный поѣздъ, то казарма сгорѣла бы до основанія. Бродяги, идущіе трактомъ, смѣло подходятъ къ окну избы мужика и просятъ такъ — «Прикройте несчастнаго отъ темной ночи»!.. Мужикъ скорѣе не пуститъ какого-либо прохожаго или странника, а бродягъ очень и очень рѣдко откажетъ. «Нельзя, братъ, бродягу не пустить, говорилъ мнѣ одинъ изъ крестьянъ, — въ особенности теперь въ лѣтнее время, страдаемъ, всѣ уѣзжаемъ въ поле, дома остаются старый да малый. Не пусти его, или обидь одного, а тамъ сзади его идутъ сотни, сожгутъ проклятые: имъ все равно. Вотъ

поэтому впустишь его и стараешься напоить, накормить, а случается и баню истопишь, дашь рубаху или штаны, да и проводишь: иди молъ, съ Богомъ, не гнѣвайся на меня. Онъ же, оставшись тобою доволенъ, идетъ себѣ дальше. И вотъ, лѣтъ пятнадцать прошло съ тѣхъ поръ, какъ мы всей деревней порѣшили, чтобы пускать на ночлегъ несчастныхъ, и съ тѣхъ поръ Богъ милуетъ: у насъ не стало ни пожаровъ и не слышать никакого грабежа. Прежде же мы, бывало, ихъ ловили и представляли становому или уряднику, и за это получали маленькія награды, но за тѣ награды не успѣвали строиться: бывало, пожаръ за пожаромъ, а про лошадей и коровъ и говорить нечего; или угонять куда-нибудь, или же убьютъ; а какъ нынче перестали ихъ ловить, а стали принимать, такъ и стало, въ добрый часъ молвить, все тихо и спокойно.

II.

Нынѣшней весной для бродягъ путь былъ очень опасенъ противъ прошлыхъ лѣтъ, въ особенности, говорятъ, ихъ много шло прошедшее лѣто, шли просто партія за партіей, потому что на нихъ изъ начальства никто не обращалъ вниманія. А вотъ нынче мало проходитъ, встрѣтится гдѣ въ лѣсу съ тобой, такъ выспросить все, подробно; есть-ли становой или урядникъ въ предыдущемъ селѣ, и дома ли они, или нѣтъ, ловятъ бродягъ или перестали, сперва выспросить все, и если найдетъ возможнымъ, такъ заходитъ въ деревню и днемъ, а если нельзя, тогда зайдетъ съ краю

деревни, дома въ три-четыре, выпросить хлѣба, и то вечеркомъ, и задами деревни идетъ далѣе.— Встрѣча въ лѣсу съ бродягой, дѣйствительно, какъ будто опасна, да и какъ не бояться: одно слово: каторжникъ бродяга, арестантъ—наводитъ невольный страхъ. Идя въ лѣсу по дорогѣ, по сторонамъ которой направо и налево вѣковыя сосны и ели, одинъ, невольно подумаешь, вотъ нападутъ на тебя двое или трое бродягъ, снимутъ съ тебя все, или даже убьютъ; убьютъ не изъ-за денегъ, а изъ-за одежды и паспорта; впрочемъ надо сказать, что мой дорожный костюмъ не могъ прельстить бродягу... Вотъ, напримѣръ, моя встрѣча съ бродягами.

Пройдя отъ мѣста ночлега верстъ 15 и не доходя верстъ 10 до слѣдующей станціи, навстрѣчу мнѣ идутъ трое бродягъ: одинъ одѣтъ въ деревенской рубахѣ и штанахъ, подъ мышкой какой-то узелъ; другой въ длинномъ зипунѣ, подпоясанъ веревкой, и третій одѣтъ въ лѣтнемъ худенькомъ пиджакѣ, шароварахъ и въ длинныхъ сапогахъ.

— Здорово, землякъ!

— Здравствуйте, господа.

Тебѣ не попадались тамъ двое нищихъ, одинъ одѣтъ въ пиджакѣ, съ мѣшкомъ, а другой въ поддевкѣ?

— Попались около села!

— Значить, они давно уже тамъ, и должны скоро вытти. Это наши ребята, они пошли попросить хлѣба, всѣмъ пятерымъ итти неловко...

— А что, братъ, нѣтъ-ли табаку на папироску!

Нехотя и со страхомъ, но приходится просьбу удовлетворить. Отсыпалъ имъ табаку, далъ бумаги и спичекъ.

— Ну, вотъ спасибо—дай Богъ тебѣ здоровья. Давай, свертывай, покуримъ вмѣстѣ!

— Нѣтъ, спасибо, я сейчасъ курить!

— Да не бойся, что ты боишься, чего испугался, не пугайся, вѣдь мы такіе же люди, а не медвѣди, не тронемъ!

— Сталь свертывать и я папироску.

— Къ Симеону Праведному идешь?

— Да, къ нему.

— Ботъ что, братъ, скажи намъ, пожалуйста, только правду...

— Какую же вамъ правду сказать?

— Ты откуда идешь?

— Изъ Камышлова!

— А вотъ намъ это и нужно, намъ приходится чрезъ этотъ городъ итти, а на мосту, говорятъ, стоитъ полиція. Мостъ проведенъ чрезъ рѣку Закамышловку, намъ чрезъ него придется пройти. У васъ тамъ передъ Святой изъ тюрьмы бѣжалъ, арестантъ, правда-ли?

Да бѣжалъ!

— Чтобъ провалиться проклятому, изъ-за одного, теперь, быть можетъ, тысячи подъ страхомъ.

— Говорять, много переловили бродягъ тамъ въ Камышловѣ?

— Да, дѣйствительно, ловили: полиція переодѣтая стояла на всѣхъ трактахъ и проселочныхъ дорогахъ, задерживала всѣхъ безъ исключенія прохожихъ, кто бы ни былъ, забирали и съ паспортами!..

— Для чего же это съ паспортами-то?

— А для улики, не попадется-ли бѣжавшій арестантъ.

— Что же нашли?—нѣтъ?

— Нѣтъ, должно быть, такъ и пропалъ!

— Вотъ такъ молодчина!

— Да, говорятъ арестантъ-то важный былъ... Ну, чортъ съ нимъ, намъ не до него, своимъ побѣгомъ заставилъ цѣлыя тысячи бояться, убить бы проклятаго...

— А что полиція и сейчасъ на дорогахъ стоитъ или нѣтъ?

— Нѣтъ! давно уже не стоитъ!

— Ну, слава Богу, хорошо, значить пройдемъ ребята, намъ только Камышловъ-то пройти...

— А гдѣ намъ пройти городомъ, чтобы не видала полиція?

— Я имъ разсказалъ, а потомъ и осмѣлился спросить далеко-ли имъ итти.

— Въ г. Казани бывалъ?

— Бывалъ!

— Ну, вотъ намъ двоимъ туда, а этому— въ Вятку...

— Зачѣмъ же идете въ Казань?

— Товарища поблагодарить!

— За что же?

— А вотъ за что. Я дѣлалъ кольца новаго золота и клалъ пробы. Кольца эти продавалъ за золотыя, вѣдь много дураковъ-то еще на бѣломъ свѣтѣ; пять лѣтъ все это дѣлалъ одинъ и хорошо жилъ, бывало сытъ и пьянъ и носъ въ табакъ и постоянно деньги водились, а тутъ лѣшій свелъ меня съ однимъ въ компанію; цѣлый годъ съ нимъ торговали; да разъ какъ-то я былъ пьянъ и обидѣлъ его, мало далъ доли, и онъ тоже былъ выпивши, возьми да ночью на меня на соннаго полицію и нашли; я сплю, вдругъ будятъ

меня полицейскихъ двое и околоточный, разбудили давай обыскивать, нашли одно кольцо съ пробой и самый пробникъ; арестовали и подь судъ: вотъ сослалъ, куда Макаръ телятъ не гоняетъ. И какъ теперь придутъ въ Казань, найду его и спрошу:

— Ты меня выдалъ?

— Выдалъ.

— Подь судъ отдалъ?

— Отдалъ.

— Награду получилъ или нѣтъ?

— Скажетъ, нѣтъ...

— Тутъ ножъ ему въ бокъ, вотъ тебѣ награда! и пуцай тогда вновь судятъ; вотъ зачѣмъ иду въ Казань...

— А этотъ за убійство сосланъ, а этотъ, вятскій, за фальшивое серебро.— Ну, прощай землякъ, тамъ навѣрно, насъ товарищи ждутъ и что-нибудь варятъ.

— Прощайте! Счастливой вамъ дороги...

— Спасибо, Прощай!

— Слава тебѣ Господи!—сказалъ я самъ себѣ, что благополучно отъ нихъ отдѣлался.

III.

Послѣ этой встрѣчи мнѣ пришлось одного бродягу видѣть и на сѣнокосѣ. Это было такъ: Дня черезъ два послѣ встрѣчи я шелъ мимо покоса, гдѣ мужики убирали сѣно. Одинъ изъ нихъ остановилъ меня и спросилъ:

— Землякъ! Не останешься ли денекъ — другой пособить убирать сѣно!

— И, братъ, я и косу-то не знаю какъ въ руки взять.

— Да косить-то мы, пожалуй и не заставимъ.

— Такъ что же дѣлать?

— А вонъ видишь, ворочаетъ мужикъ сѣно; если завтра ведро будетъ, то и ты съ нимъ будешь то же дѣлать, а потомъ пособишь укладывать въ копны.

— А развѣ у васъ въ деревнѣ нѣтъ рабочихъ? Да наконецъ, мало ли я вижу каждый день людей, которые идутъ съ косами, ищутъ этой работы.

— Да мы скосить то, хотя и съ трудомъ, а все-же таки скосили, видишь нынче какой сѣнокосъ-то: трудный—дожди не даютъ косить; что хошь дѣлай, а какъ выберется хорошей день, косарей нарахвать тогда берутъ: вчера троихъ нанималъ по рублю 25 к. съ готовыми харчами, да самихъ пятеро, немного-таки покосили, теперь надо ворочать его, чтобы скорѣе сохло, пока сухо, а потомъ въ копны убирать: самимъ намъ некогда; еще есть покосъ, вотъ ты и пособишь бы денекъ—другой...

— Нѣтъ, голубчикъ, я говорю, что никогда эту работу не работалъ, и не знаю, какъ за нее браться.

— А вонъ, на котораго я тебѣ показывалъ, онъ говорить тоже сроду никакой крестьянской работы не рабатывалъ, да вѣдь, работаетъ, да и какая тутъ хитрость, граблями ворочать траву!..

— Какъ не рабатывалъ! Кто же онъ такой?

— Онъ—бродяга...

— Какъ бродяга!

— Да, бродяга! Вотъ другой день работаетъ: по семьдесятъ пять коп. въ день порядилъ, и готовая харчи...

— Да развѣ бродягъ можно нанимать?

— А что-жь, если работать хочеть, такъ почему-жь не нанять?

— Гдѣ ты нанялъ его?

— Третьяго дня подошелъ къ окну просить у меня лаптей, я и предложилъ ему поработать, онъ согласился...

— Почему же ты знаешь, что онъ бродяга? Онъ не похожъ на бродягу, а похожъ болѣе на солдата. Когда я издали хорошенько посмотрѣлъ на него, то увидѣлъ что это былъ высокаго роста бравый дѣтина, волоса стрижены, усы большіе, и маленькая окладистая борода.

— Онъ самъ говорилъ: что онъ бродяга! А когда я нанималъ его, такъ онъ спрашивалъ про урядника — я ему сказалъ, что урядникъ отъ насъ далеко, бояться нечего.

— А вы не боитесь, что онъ что нибудь у васъ надѣлаеть?

— Э, братъ, мы уже къ нимъ привыкли, вѣдь, ночевать пуцаемъ, да ничего худаго не дѣлають — а тутъ-то что онъ можетъ сдѣлать; ну поработаетъ еще завтра день, отдасть ему деньги, дамъ лапти и онучи, и иди себѣ съ Богомъ, а деньги ему на дорогу годятся...

— А откуда онъ?

— Уроженецъ Тамбовской губ., говорить.

— Онъ, должно быть, солдатъ, служилъ вѣроятно... въ военной службѣ.

— Нѣтъ, не служилъ, а говорить, что грамотѣй какой то.

— Какой грамотѣй?

— Ну да въ Казани въ пансіонѣ какомъ-то обучался.

— Въ какомъ пансіонѣ? Въ университетѣ вѣрно?

— Должно быть, такъ: на разныхъ языкахъ говорить...

— А откуда онъ идетъ?

— Изъ Тобольска, говоритъ. На пятнадцать лѣтъ сосланъ...

— За что же?

— За убійство жены...

— За что же онъ ее убилъ?

— Да засталъ, говоритъ, съ другимъ. Жену убилъ, а его не успѣлъ, теперь идетъ, чтобы и его прикончить.

Симеонъ-Верхотурскій чудотворецъ. Странники и богомольцы.

Симеонъ-Верхотурскій самый почитаемый святой въ Западной Сибири и Пермской губерніи. Войдя въ убогую хижину, вы непременно встрѣтите въ переднемъ углу образъ или картинку съ изображеніемъ этого святаго. Обыкновенно, его «пишутъ» такъ: онъ стоитъ въ лѣсу, на крутомъ берегу рѣки, около громаднаго камня, на которомъ лежитъ его удочка; святой молится Богу, сложивъ руки на груди, и благоговѣнно устремивъ свой взоръ къ небу. Вдали виднѣется часовня. Каждый богомольецъ, желающій поклониться мощамъ св. прав. Симеона, чудотворца Верхотурскаго, а въ особенности, кто хочетъ говѣть, долженъ сперва посѣтить могилу праведнаго чудотворца. Святой Симеонъ, Верхотурскій чудотворецъ, былъ похороненъ въ с. Меркушинѣ, гдѣ

и явились его нетлѣнные мощи, а впоследствии, по просьбѣ жителей гор. Верхотурья, мощи были перенесены въ Николаевскій Верхотурскій монастырь, гдѣ и находятся по настоящее время. По рассказамъ жителей села, когда были взяты изъ могилы мощи, въ ту же минуту пошла вода, и вотъ прошло 200 лѣтъ съ тѣхъ поръ, а вода въ могилѣ не убываетъ, сколько ее богомольцы ни пьютъ и ни уносятъ съ собой. Служба въ церкви, построенной надъ могилой праведнаго чудотворца Симеона, бываетъ каждый день. Послѣ утрени и обѣдни, или вечерни, бѣдняки заказываютъ общія панихиды и молебны, за которые взимается по 12 коп. съ человѣка. Изъ церкви къ могилѣ сдѣланъ ходъ, по которому проложена каменная лѣстница; послѣ панихиды богомольцы спускаются къ могилѣ и берутъ земли и воды; воду вливаютъ въ посуду и уносятъ съ собой. Для богомольцевъ при церкви устроенъ страннопріимный домъ и имѣются самовары, которые постоянно кипятъ. Желаящіе могутъ пользоваться кипяткомъ и ночлегомъ бесплатно.

Раньше страннопріимнаго дома не было; пользуясь этимъ, жители села Меркушина наживали съ богомольцевъ деньги, брали по пяти коп. за ночлеги, а съ самоваромъ 10 коп. съ человѣка. Въ селѣ Меркушинѣ богомольцевъ много бываетъ, преимущественно, въ Великомъ посту: сотъ по семи, по восьми въ день; каждый богомольецъ въ монастырѣ менѣе дня не проживетъ, потому что надо сходить къ обѣднѣ, отслужить молебенъ или панихиду, а потомъ идти въ монастырь. За то теперь жители встрѣчаютъ странниковъ на улицѣ и заываютъ на квартиру, берутъ только двѣ коп. съ человѣка съ самоваромъ. Какъ разъ въ Петровъ

день, въ разговѣннѣ, отстоявъ обѣдню и отслуживъ панихиду и молебень, я вмѣстѣ съ прочими богомольцами, отправился въ страннопріимный домъ, гдѣ самовары уже были готовы: кто были у Симеона праведнаго, тѣ пили чай съ молокомъ и ѣли скоромное, а кто еще только шель къ нему, тѣ не скоромились; когда я пилъ чай, ко мнѣ присоединились еще двое, мужъ и жена, съ которыми потомъ я пошелъ въ Верхотурье, мы пошли къ часовнѣ праведнаго Симеона чудотворца. Часовня эта находится въ 9 верстахъ отъ села Меркушина, на берегу рѣки Туры, она поставлена на томъ мѣстѣ, гдѣ праведный Симеонъ спасался: молился Богу и ловилъ рыбу. Во время рыбной ловли онъ сидѣлъ на громадномъ камнѣ, который и по настоящее время лежитъ на крутомъ берегу и около его стоятъ два кедра. Когда шель дождь, онъ переставалъ ловить рыбу, прятался отъ дождя подъ кедрами и молился Богу. Въ память этого и поставлена часовня, въ которой въ годъ одинъ разъ бываетъ служба и крестный ходъ отъ часовни въ село Меркушино. Несмотря на то, что уже прошло болѣе 2-хъ сотъ лѣтъ, а кедры до сихъ поръ стоятъ, только нѣсколько посохли. Когда приходятъ къ нимъ богомольцы, каждый отламываетъ часть вѣтки и уноситъ съ собой на память, а кто не можетъ достать вѣтки, откалываетъ часть кедра, ножомъ. Осмотрѣвши эту мѣстность и приложившись къ образу праведнаго Симеона, мы отправились въ г. Верхотурье. Дорогой я замѣтилъ, что, товарищъ мой очень тихо говорить, я спросилъ его:

— Почему ты такъ тихо говоришь?

— Это слава Богу, я болѣе года положительно шопотомъ говорилъ.

— Отчего?

— А Богъ знаетъ!..

— Такъ что же, лѣчился чѣмъ или нѣтъ?

— И, батенька, чѣмъ ужъ я не лѣчился и чего не пилъ, ничего не помогало, и къ докторамъ ходилъ, и къ фельдшерамъ, и къ старухамъ разнымъ, и все безъ толку.

— Такъ что же, само прошло, вѣрно?

— Нѣтъ. А голосъ открылъ мнѣ батюшка св. праведный Симеонъ, великій чудотворецъ...

IV.

Солнце уже было на закатѣ, когда мы подходили къ какому-то селу, такъ что уже было пора позаботиться о ночлегѣ.

— Ну, что, въ одну квартиру будемъ проситься, или вы отдѣльно станете?

— Нѣтъ, вмѣстѣ веселѣе будетъ, да и дешевле...

— Скажи, пожалуйста, тетушка, гдѣ у васъ пускаютъ странниковъ ночевать?

— Васъ трое, троимъ-то у меня негдѣ будетъ. Вонъ видите на дорогѣ выдалась пяти стѣнная изба. Идите, тамъ пустятъ.

— Хозяюшка! Пусти, пожалуйста, ночевать.

— Сколько васъ?

— Трое...

— Будете чай пить?

— Сколько возьмешь за самоваръ и молоко къ чаю.

— Да за все по пятаку съ человѣка, за самоваръ, за ночлегъ и къ чаю крынку молока дамъ!

— Хорошо, ставь самоварь!

— Что, въ Верхотурье идете помолиться?

— Да...

— Сильно прославился батюшка праведный Симеонъ своими чудесами, много идетъ народу къ нему.

— А что далеко еще отъ васъ до Верхотурья?

— Да версть тридцать.

— Только вы хлѣбцемъ здѣсь запаситесь, а то завтра до Верхотурья негдѣ будетъ взять.

— Какъ, развѣ отъ васъ до Верхотурья деревень не будетъ.

— Какъ не быть — будетъ три деревни, да только пародецъ такой, что за деньги ничего не купишь и не выпросишь.

Да что же развѣ не русскіе какіе живутъ?

— Нѣтъ, русскіе, да Богъ ихъ знаетъ, раскольники какіе-то, въ церковь не ходятъ. — Насъ ругаютъ, поповъ тоже.

Напившись чаю и запасшись у этой же хозяйки на завтрашній день хлѣбомъ, мы легли спать.

На слѣдующій день мы встали и пошли пораньше, чтобы къ вечернѣ поспѣть въ монастырь, и дѣйствительно, къ четыремъ часамъ мы были въ г. Верхотурье. Г. Верхотурье маленькій, грязный и очень плохой городъ; если онъ и прославился, такъ единственно чрезъ монастырь и мощи праведнаго Симеона, которые привлекаютъ массу богомольцевъ изъ далекой Сибири и даже городовъ поволжья. При монастырѣ есть страннопріимный домъ съ номерами. Прилично одѣтымъ по просьбѣ отводятъ номеръ. Для простонародія общая страннопріимная, въ которой можетъ помѣститься до ста человѣкъ, и такихъ не одна а нѣсколько избъ. —

Товарищъ мой съ женой заняли номеръ, а я пошелъ на частную квартиру. Тамъ частныя квартиры очень дешевы: по четыре копейки въ сутки съ самоваромъ. Отъ монастыря дается богольцамъ обѣдъ, щи и каша и кусокъ чернаго хлѣба: если послѣ братіи остается пища, тогда даютъ и ужинъ; кипятокъ для чаю имѣется постоянно. Въ номеръ по просьбѣ подаютъ самоваръ. Установленной платы не существуетъ, а желающіе жертвуютъ въ кружку, кто сколько можетъ.— Монастырь самъ по себѣ довольно красивый и большой, имѣетъ двѣ церкви: лѣтнюю и зимнюю: въ зимней церкви лежатъ мощи святаго праведнаго Симеона чудотворца. Въ этой церкви служба идетъ круглый годъ. Мощи лежатъ на правой сторонѣ алтаря, на возвышенномъ мѣстѣ, въ серебряной ракѣ, которая во время каждой службы открывается. Мощи открываетъ постоянно одинъ и тотъ же монахъ, который стоитъ у раки до тѣхъ поръ пока не кончится служба и не приложатся къ мощамъ всѣ посѣтители. Богомольцы прикладываются къ рукѣ праведнаго чудотворца Симеона, которую видно изъ подъ раки, отверстіе это нарочно оставлено для лобызанія.

Служба въ монастырѣ для богомольцевъ обложена такъ: за обѣдню 23 коп., проскомидію 8 коп., за общій молебень и панихиду по 6 коп., а ранѣе брали гораздо дороже, но съ пріѣздомъ новаго настоятеля Гова, который назначенъ изъ Валаамской обители, въ монастырѣ все перемѣнилось, стало гораздо лучше, чѣмъ прежде. При монастырѣ имѣется церковная лавка, въ которой продаютъ иконы, картины кресты, все это по очень доступнымъ цѣнамъ. Въ церкви продаютъ елей отъ неугасимой лампы праведнаго, кому

насколько нужно, можно купить на пять коп. и болѣе, а когда прикладываются къ мощамъ, въ это время можно у монаха попросить той ваты, на которой лежатъ мощи. Чрезъ извѣстное время вата, на которой лежатъ св. мощи, перемѣняется, и тутъ же рядомъ со свѣжей ватой кладутъ къ одной сторонѣ и старую вату, которую монахи и раздаютъ желающимъ.

Во время литургіи богомольцы обращаются къ монаху съ просьбой, чтобы онъ положилъ просфоры на время въ раку, на мощи праведнаго для полученія благодати, которая и проявляется, тому, кто принималъ елей или просфору съ вѣрою.

Проживъ болѣе двухъ дней мы, поговѣвши, приняли святыя тайны: съ нами говѣющихъ было немного, всего человѣкъ до ста; самое большое стеченіе богомольцевъ и говѣющихъ бываетъ великимъ и петровскимъ постомъ; сотъ до восьми и до тысячи человѣкъ въ день.

Странникъ или богомалецъ идетъ съ ранцемъ за спиной, къ ранцу привязанъ чайникъ, а въ рукѣ корзинка, обтянутая холстомъ или даже клеенкой; въ корзинкѣ они держатъ хлѣбъ и чай сахаръ и вообще съѣстное. Ранцы большою частью сшиты изъ телячей шкурки, или изъ кожи и клеенки, для того, чтобы во время дождя не промокъ ранецъ и не вымочило находящіяся въ немъ книжечки, картинки разныхъ святыхъ и листочки, которые они во время дороги продаютъ, а нѣкоторые даютъ въ видѣ подарка. Напримѣръ, если странникъ ночуетъ гдѣ нибудь и его примутъ хорошо, напоятъ, накормятъ и за это не возьмутъ денегъ съ него, онъ въ знакъ благодарности, даритъ картинку съ изображеніемъ какого-нибудь святого или дешевенкій

крестикъ, которые они имѣютъ преимущественно только для подарковъ, а для продажи, картинки, крестики и образки имѣются отдѣльно, т. е. покупаютъ лучше и подороже. Одежда странника вообще разнообразная, напримѣръ нѣкоторые ходятъ въ лаптяхъ, а другой ни за что лаптей не надѣнетъ. Есть странники, которые странствуютъ десятки лѣтъ. Они уже, такъ сказать, посвятили себя на этотъ трудъ. Спросите вы его, гдѣ онъ только не былъ: онъ вездѣ былъ, и все знаетъ, онъ знаетъ, куда какой дорогой идти, гдѣ, и какой живетъ благодѣтель, и что онъ даетъ страннику, въ какомъ монастырѣ сколько братіи, какой приѣмъ бываетъ странникамъ, и даже какъ зовутъ настоятеля. Эти странники большею частью одѣты въ подрясники, и ходятъ съ длиннымъ посохомъ, и при встрѣчѣ низко съ вамъ поклонятся; подобные странники останавливаться на дорогѣ и вступать въ разговоръ со встрѣченными не любятъ, а если иной вздумаетъ дорогой пить чай, такъ старается, чтобы его не замѣтили, и никто не видѣлъ.

V.

Путешествуя по монастырямъ, мнѣ случалось проходить и по Вятской губерніи,—гдѣ живутъ вотяки. Недоходя верстъ тридцать вотяцкой деревни, меня предупредили, что впереди по дорогѣ, деревни и села вотяцкіе, и что надо запастись хлѣбомъ, котораго у вотяковъ трудно достать. Хотя среди вотяковъ и живутъ русскіе, но въ эти два дня я только встрѣтилъ

одного русскаго торговца, лавочника, который иногда пускаль на квартиру проѣзжающихъ, а изрѣдка и странниковъ, или богомольцевъ. Да еще жилъ въ этомъ селѣ священникъ. Когда я пришелъ въ село, время было уже къ вечеру: я долженъ былъ позаботиться о ночлегѣ. Первымъ дѣломъ отправился я къ русскому торговцу. Видно было, что у него идетъ какая—то попойка или гульбище.

— Здравствуйте, хозяинъ? Не пустите ли странника ночевать?

— А откуда вы?

— Изъ Пермской губерніи!

— О! дальній.—Голубчикъ! Съ удовольствіемъ бы,—я странниковъ пускаю, но видите, въ какое время вы пришли, ко мнѣ свадьба пріѣхала, и пробудеть до утра, такъ что, вамъ покою не дадутъ, да и отдохнуть негдѣ будетъ.

— Къ кому же мнѣ теперь идти? Здѣсь, вѣдь, болѣе русскихъ нѣтъ.

— Нѣтъ, братецъ! Кромѣ попа, больше никого нѣтъ.

— Какъ-же быть! Гдѣ мнѣ ночевать!

— А вы вотъ куда идите, и скажите, что я прислалъ: спросите Петра Ивановича, онъ хотя и вотякъ, но по русски говорить, а если не пустить, тогда приходите ко мнѣ, какънибудь переночуете.

Уже при входѣ въ это село, замѣтно было, что тутъ живутъ не русскіе. У вотяковъ вся постройка плохая, дома большею частью въ два, въ три окна, заборовъ почти вовсе не существуетъ, на дворахъ построекъ очень мало, а если есть, такъ очень маленькія, плохія и разбросаны. Во дворѣ неопикуемая

грязь. Въ отношеніе домостроительства и безукоризненной опрятности, можно отдать честь крестьянамъ Пермской губерніи: у нихъ дома строятся съ большими окнами и не только два или три раза въ лѣто моютъ всю избу внутри, но даже и снаружи моютъ водой съ древесиною, или скоблятъ ножами; дворовыя постройки одна къ другой стоятъ близко, и все службы и дворъ покрыты одною общею деревянною крышею, а дворъ устланъ камнемъ или же тесомъ. Въ избахъ полы и скамейки, большею частью крашены, разъ въ недѣлю или два, непременно моются. Словомъ, вездѣ и повсюду, куда вы ни посмотрите, видна чистота и опрятность, и пріятно войти въ домъ или избу; но у вотяковъ повсюду царить грязь, полы въ избахъ никогда не моются, а если весной или осенью нанесутъ на ногахъ много грязи, они возьмутъ лопату и поскоблятъ полъ... Стѣны, лавки и даже столъ, на которомъ обѣдаютъ, никогда не моются. Зимой, въ избѣ страшная темень, а въ воздухѣ хоть топоръ повѣсь. При входѣ въ избу, увидите въ одномъ углу теленокъ лежитъ, въ другомъ—поросята, а подъ лавкой куры сидятъ. Вечеромъ въ избу впускаютъ корову, а потомъ и лошадь, корову—доить, а лошадь—мѣшаниной кормить, потому что на дворѣ мѣшанина застываетъ, а хлѣвовъ или конюшенъ нѣтъ. Отъ нечистоплотности у вотячекъ глаза постоянно больные. Одѣваются они въ длинныя холщевыя рубахи и подпоясываются поясомъ; у нѣкоторыхъ къ поясу пришито два передника, одинъ побольше—спереди, а другой поменьше—сзади, чтобы можно было на него садиться. На головахъ женщины носятъ бѣлые платки, которые они надѣваютъ, какъ татарскіе муллы носятъ шапки. На ногахъ—лапти, бѣлые онучи и ременные

оборы, дѣвицы одѣваются также, какъ и женщины, но только до замужества на головѣ носятъ маленькую шапочку, въ родѣ татарской ермолки, съ украшеніями изъ серебряныхъ монетъ у богатыхъ, а у бѣдныхъ изъ мѣдныхъ пяточковъ. На груди и въ волосахъ, какъ женщины, такъ и дѣвицы, носятъ натуральныя серебряныя монеты. Мужики носятъ бѣлыя холщевыя рубахи и широкія шаровары, на ногахъ лапти, сапоги или пимы, на головѣ большія мохватыя шапки. Зимой надѣваютъ шубы и поддевки. Вотяки любятъ курить табакъ изъ трубокъ, которую они держатъ постоянно, а хозяинъ мой даже и спалъ съ трубкою въ зубахъ. Стряпня у вотяковъ до того неопрятна и грязная, что какъ-бы вы голодны ни были, но при видѣ ихъ кулинарнаго искусства, всякій аппетитъ пропадаетъ...

— Здравствуйте, Петръ Ивановичъ!

— Здравствуй! А какъ ты меня знаешь? Бываль, вѣрно, у меня.

— Нѣтъ, не бываль. А меня прислали къ вамъ на ночлегъ.

— Милости просимъ! Ночуй, добрый человѣкъ...
А откуда ты?

— Изъ Пермской губерніи.

— А сколько вы берете за ночлегъ?

— Чай будешь пить?

— А самоваръ есть у васъ?

— Есть.

— Ну, такъ вотъ вмѣстѣ попьемъ чайку и квиты будемъ, а то у меня сахаръ есть, да чаю нѣтъ...

— Ну, ладно, вели ставить самоваръ.

Вотячка стала ставить самоваръ.

Смотря на самоваръ, я не могъ понять, какой

онъ, мѣдный, чугунный или жестяной: отъ грязи положительно нельзя было различить. Чайную посуду пришлось самому мыть горячей водой съ солью. Скатерть я попросилъ убрать, она была буквально черная, какъ клеенка... отъ избытка наложенія на ней грязи.

— Отчего у васъ вода такая мутная, чаю я много положилъ, а жидкѣй...

— Вода у насъ рѣчная и хорошая.

Я всталъ и посмотрѣлъ: въ ведрѣ вода была дѣйствительно чистая и хорошая.

— А самоваръ давно вы лудили?

— Да вотъ у меня онъ болѣе десяти лѣтъ, да при отцѣ, помню, лѣтъ двадцать, этотъ же самоваръ былъ...

— Ну, вотъ поэтому и вода такая мутная!...

— А если лудить да чистить его, такъ и помину отъ этого самовара не осталось бы, а то видишь, какой здоровый. А когда вмѣсто ведра воды начинаетъ вмѣщать полъ ведра, тогда возьмемъ и почистимъ внутри, ножемъ отковыряемъ накипь—и опять на годъ...

Пищу вотяки ѣдятъ очень скудную, хлѣбъ черный и невкусный, а квасъ не знаютъ какъ и варить.

Послѣ чаю хозяева мои сѣли ужинать, приглашали и меня, но отъ ужина я отказался.

VI.

На другой день, какъ разъ къ вечеру, я дошелъ до деревни Дизминой, нашель указаннаго мнѣ вотяка, который охотно впустилъ меня къ себѣ почевать. Въ этомъ

домъ живутъ хотя и вотяки, но обстановка походила на русскую. Въ переднемъ углу иконы и нѣсколько божественныхъ картинъ, столъ накрытъ клеенкой. Полы хотя и грязны, но изрѣдка моются. Самъ хозяинъ и сынъ говоритъ по-русски хорошо.

— Вотъ у васъ видно, что русскіе живутъ, а не вотяки; въ переднемъ углу иконы есть, во всемъ замѣтна чистота и опрятность; а вчера, гдѣ я ночевалъ, такъ тамъ и иконъ нѣтъ, есть же какая-то картинка, но я не могъ понять, какое на ней изображеніе; а грязища и воздухъ въ избѣ просто невыносимый, я не зналъ, какъ и ночь провести.

— Да, вѣдь и здѣсь, почти все такъ же живутъ, хотя и считаются православными, а иконъ не имѣютъ, и до настоящаго времени не забываютъ своего «*мѣснаго*» и «*мѣсниху*», въ годъ обязательно двѣ, три жертвы приносятъ. Вѣнчаться въ церковь очень мало ѣздятъ, а если и ѣздятъ, такъ изъ боязни, чтобы попъ не отказался дѣтей крестить. Къ вѣнцу ѣдутъ, тогда когда свой обрядъ исполняютъ.

— Значить, бракъ крѣпкій долженъ быть, — два раза вѣнчаются!..

— Да!

— А какой же у нихъ обрядъ вѣнчанія?

— Обрядъ самый простой; не нужно платить попу 10 или 15 руб. Они на эти деньги свою свадьбу сыграютъ. Свадьбу они дѣлаютъ такъ. Понравилась жениху невѣста, мать ѣдетъ сватать. И если согласны отдать невѣсту, то назначается день, въ который пришелъ бы женихъ съ своими родными, а такъ же и собирается родня со стороны невѣсты, дѣлается обѣдъ и попойка; съ обѣихъ сторонъ родители благословляютъ

т. е. сводятъ молодыхъ и спрашиваютъ: «нравитесь другъ другу?» — Нравимся, — Желаете вмѣстѣ жить? — Желаемъ.

— Ну, благословить васъ «Шайтанъ» «лѣсной» съ «лѣснихой».

Съ этого времени женихъ ходитъ къ невѣстѣ до тѣхъ поръ, пока она не забеременѣтъ и это иногда продолжается года два-три, и болѣе. Если невѣста долго не беременѣтъ, значитъ, шайтану не угодно, чтобы она шла замужъ, или прогнѣвался на нее, и свадьба разстраивается. Невѣста, почти до послѣднихъ дней свадьбы носить дѣвичій нарядъ: на головѣ, кругленькая шапочка, украшенная серебрянными монетами. Когда невѣста забеременѣтъ, — за ней со стороны жениха пріѣзжаютъ гости. Невѣста прячется, дѣвицы ищутъ, когда находятъ, снимаютъ съ ея головы дѣвичій головной уборъ и надѣваютъ туесъ, шитый изъ береста, украшенный разными лентами.

Во время сниманія шапочки, невѣста плачетъ, снимаетъ съ головы туесъ, рветъ его и бросаетъ на полъ; идетъ въ свою комнату, и не даетъ своихъ вещей везти къ жениху. Во время свадебнаго вечера, дѣвицы ходятъ вокругъ невѣсты, поютъ или пересчитываютъ всѣ ея дѣвичьи работы. Если свадьба бываетъ лѣтомъ, то мужчины въ каждомъ домѣ, въ который пріѣзжаютъ съ невѣстой, идутъ въ огородъ, срываютъ лукъ и затыкаютъ за поясъ ради какого-то повѣрья.

— А кому же они молятся, и какую приносятъ жертву?

— Лѣсному, шайтану! Жертвы раздѣляются на три разряда: малая, усиленная и великая. На малую жертву приносятъ гуся, на усиленную быка, а на ве-

ликую, хотя и рѣдко, но и сейчасъ, въ нѣкоторыхъ мѣстахъ приносятъ и человѣка.

— А въ какое время приносится жертва?

— Жертву они приносятъ два, три раза въ годъ, а одинъ разъ всегда въ сентябрѣ мѣсяцѣ.

— А гдѣ приносятъ?

— Непремѣнно въ лѣсу, у елки или пихты... Для приношенія жертвы, у нихъ есть такъ называемое «святое мѣсто», и не премѣнно гдѣ нибудь въ сторонѣ отъ дороги въ глуши. Пойдешь завтра, такъ увидишь на задахъ деревни, огороженный лѣсокъ, гдѣ они приносятъ жертву. Жертва приносится въ 12 часовъ ночи, выбраннымъ, по общему согласію, лицомъ, который исполняетъ обязанности жреца. Передъ тѣмъ какъ приносить жертву, жрецъ со своими помощниками идутъ въ «святое мѣсто», ведутъ съ собой быка и рѣжутъ; снявъ съ него шкуру и приготовивъ его для варева. Часовъ въ одиннадцать ночи вотяки молчаливо идутъ къ мѣсту жертвоприношенія и разводять костеръ. Мясо кладется въ громадный котелъ и варится. Среди всѣхъ участниковъ жертвоприношенія царитъ таинственная тишина. Кто засмѣется, или выразитъ сомнѣніе въ цѣлесообразности жертвоприношенія, того тутъ же убиваютъ...

Ровно въ полночь, въ 12 часовъ, мясо готово, тогда жрецъ беретъ чашку, сдѣланную изъ береста, кладетъ въ нее мяса, наливаетъ вареву, и ставитъ на березу, положивъ двѣ ложки и повѣсивъ полотенце. Пока жрецъ все это приготовляетъ, вотяки ждутъ, скоро ли онъ начнетъ звать шайтана. Въмѣстѣ со жрецомъ они восклицаютъ: «Нюласъ нюня», т. е. «старшій

братъ», «Нюласъ кенакъ», т. е. «лѣсная тетка», идите къ намъ и примите нашу жертву!..

— Зачѣмъ же они кладутъ двѣ ложки?

— Потому что двое будутъ ѣсть: «лѣсной» и «лѣсника».

— А для чего полотенце вѣшаютъ?

— Полотенце вмѣсто салфетокъ...

— Чѣмъ же все это оканчивается, и почему они узнаютъ, принята жертва или нѣтъ?

— А если въ полночь прилетитъ сорока или двѣ, и сядутъ у чашки, значить, жертва принята. Тогда жрецъ начинаетъ пить вино, или кумышку, и ѣсть мясо и варено и отъ радости неистово пляшутъ. Въ это время, что бы ни случилось въ деревнѣ, вотяки ни за что не пойдутъ туда...

— А почему непременно жертву приносятъ въ сентябрѣ.

— Благодарятъ за урожай, и просятъ шайтана, чтобы онъ и на будущій годъ, сохранилъ ихъ отъ града, голода и отъ вѣтровъ.

— Послѣ жертвоприношенія, куда дѣваютъ чашку, ложки, и полотенце?

— Какъ святыня, все остается висѣть на деревѣ.

— А если кто возьметъ?

— Изъ вотяковъ никто не тронетъ, а если изъ русскихъ кого застанутъ, убьютъ...

— Ну, а если къ чашкѣ сороки не прилетятъ, тогда что дѣлаютъ?

— Тогда они сокрушаются, плачутъ и ждутъ неурожайнаго года, или какогонибудь бѣдствія!..

Вольные люди.

— Чего мнѣ надо? Чего мнѣ недостаетъ?

Говориль босякъ, по прозванію Ванька Звѣрь, сидя на «шхерахъ», т. е. на нарахъ въ ночлежкѣ Макокина, называемой бездомниками—графа Морковкина, починивая свою единственную, сильно заношенную рубаху, отъ которой разило зловоніемъ.

— Мнѣ ничего не надо! У меня все есть!.. Все мое—со мною... Брюхо—какъ барабанъ!..

— Сытъ и пьянь, и носъ въ табакъ! проговориль его сосѣдъ по нарамъ, Лешка-Пескаръ.

— Сегодня братъ, ходиль къ «маткамъ» *) забетонивать!.. На два дня, братъ... напехтерился!..

— А я на Никольскомъ стоялъ!.. Работы искалъ! Не берутъ! Народу очень много! Хотѣлъ на покось наняться, сѣно косить!.. Не выгорѣло дѣло!.. Пошелъ «стрѣлять», едва на «гопъ» настрѣлялъ (т. е. на ночлегъ).

— И я выходиль на Никольскій, и тоже зря проболтался,—промолвилъ третій босякъ, Николка.

— Что-то, братцы, нашихъ мало здѣсь! Мѣсть свободныхъ много!..—тоненькимъ голоскомъ заголосиль Тимоша, который недавно еще пріѣхалъ въ Петербургъ изъ Москвы.

*) Подъ именемъ «матокъ» слывуть у босяковъ нѣсколько старыхъ—старовѣрокъ, за Московской заставой, которыя безвозмездно кормятъ голодныхъ, сколько бы ихъ ни пришло. На обѣдъ подаютъ хлѣбъ и щи. Ъшь, сколько хочешь.

Въ это время Ванька-Звѣрь слѣзъ съ нарѣ и по-
дошелъ къ пылающему камину съ рубахой въ рукахъ.

— Ты куда, Ваня?

— Да вотъ, «нечестивыхъ» стряхнуть!..

Съ великимъ удовольствіемъ совершивъ это ауто-
да-фе, онъ вернулся, влѣзъ на нарѣ и сѣлъ.

— Я доволенъ своею судьбою!.. Денегъ нѣтъ,
вышелъ, пострѣлялъ, и деньги есть! Много-ли мнѣ
надо? На «гопъ» хватить!.. А мѣстовъ много потому,
что наши по дачамъ разѣхались!..—отвѣчая на во-
росъ Тимоши, промолвилъ Ванька-Звѣрь.

— На какія-же это дачи?

— На вольныя квартиры!..

— Лѣтомъ каждый кустикъ ночевать пустить! про-
пищаль Лешка-Пескаръ.

— Куда-же это?

— Мало-ли куда! Въ Шувалово—на Каменку!
Лѣсъ такой есть!.. За Московскую заставу—въ Ру-
мянцевскій лѣсъ!.. А то еще—на Куликово поле, на
Горячее поле!.. Мало-ли свободныхъ мѣсть для нашего брата
кругомъ Петербурга найдется. Погляди, всѣ ночлежки
теперь на половину пусты, всѣ разбрелись, кто въ
лѣсъ, кто на барки, а кто и подъ кустикъ...

— Чего-же мы-то, братцы, медлимъ! сказалъ Пе-
скаръ.

— Лешка, набирай партію, кто хочетъ въ лѣсъ!..
Ступай, опроси нашихъ-то!.. предложилъ Ванька-Звѣрь.

— А чѣмъ мы тамъ жить-то будемъ?

— Э, дурья голова! Теперь грибная пора насту-
паетъ, грибы собирать будемъ и продавать!.. Съ го-
лоду не помремъ!..

— Теперь въ лѣсу хорошо! замѣтилъ старикъ ме-

тельщикъ, который ежедневно ходилъ въ лѣсъ вязать метлы, кои онъ продаетъ въ городѣ по копѣйкѣ за штуку: — чудный воздухъ бабочки, букашки, птички разные...

Пескаръ побѣжалъ въ сушильню, куда ночлежники собираются просушивать свою одежду, а также и для куренія, и гдѣ стоялъ отъ куренія дымъ коромысломъ, и объявилъ собравшимся товарищамъ:

— Братцы, кто хочетъ съ нами въ лѣсъ жить?

— Съ кѣмъ это?

— Я, Ванька-Звѣрь, Тимоша-Московецъ!

-- А въ какой лѣсъ-то?

— Подумаемъ, гдѣ лучше!

— Что-жь! Съ удовольствіемъ!..

Съ разныхъ сторонъ слышались голоса: Я хочу, запиши меня. Составилась партія человѣкъ въ пятнадцать желающихъ перекочевать въ лѣсъ. Безъ шума и крику, а скорѣе таинственно, съ дѣловымъ выраженіемъ на лицѣ—все они собрались на нарахъ, возлѣ Ваньки-Звѣря.

— Куда же махнемъ?

— На Каменку!

— Поди ты къ лѣшему! Тамъ на-дняхъ была облава, человѣкъ шестьдесятъ нашихъ забрали!

— Такъ куда-же?

— За Московскую заставу!

— Въ Румянцевскій лѣсъ?

— Тамъ тихо!.. Не беспокоятъ!..

— Только сторожа Михеича надо задобрить!..

— Онъ покладистый парень! Жалѣеть нашего брата!..

— Надо, братцы, на артельныхъ началахъ: поло-

вина изъ насъ будутъ грибы собирать, а половина будетъ ходить въ городъ—продавать! А вырученныя деньги въ общую кассу!.. предложилъ организуемуся обществу босяковъ Ванька-Звѣрь.

— Ладно! Ладно!

— Это хорошо!..

— Всѣ дружно, вмѣстѣ!

— Одинъ за всѣхъ, всѣ за одного!..

— А кто-же у насъ будетъ кассиромъ?

— Лешка-Пескарь!

— Что-жь? Могимъ! Спасибо, братцы, за довѣріе!.. Не сумлѣвайтесь, копѣйки зря не истрочу! И лататы не задамъ, что какой-нибудь кассиръ изъ банка!..

Въ это время смотритель почлежки, добродушный старикъ, обходилъ ночлежку, напоминая бездомникамъ что пора спать и что пора прекратить разговоры.

— Господа, довольно разговаривать! Мѣшаете спать другимъ! Вѣдь вы не у себя дома!..

— Максимычъ, прощай!..

— Что такъ?

— Завтра къ тебѣ не придемъ!

— Гдѣ-же ночуете?

— На вольныя квартиры перебираемся!

— Куда?

— Въ лѣсъ, на волю!..

— Съ Богомъ!..

— Къ зимѣ жди опять!

— Разумѣется, вы—наши гости!..

— А теперъ насъ калачемъ сюда не заманишь: въ лѣсу хорошо!..

— Смотрите, не попадитесь!

— Мы—старые воробы!..

— А не угодите въ пересыльную тюрьму?

— Нѣтъ, дудки! Тамъ «пауковъ» нѣтъ!..

Тамъ просторъ, тамъ воля!..

— Дѣло ваше...

На другой день партія босяковъ, гуськомъ на значительномъ другъ отъ друга разстояніи, чтобы не привлечь на себя вниманія «фараоновъ», шествовала по Московскому шоссе къ Триумфальнымъ воротамъ. У каждаго изъ нихъ была или котомка за плечами, или узелокъ въ рукахъ. А Ванька-Звѣрь, вмѣстѣ съ Лешкой-Пескаремъ, тащили довольно вмѣстительный котель, продѣвъ въ заушины палку.

Триумфальныя ворота назначены были мѣстомъ для привала. Отдохнувъ немного, пошли далѣе.

— А вотъ и лѣсъ!..

— Эхъ какія сосны-то!.. Чаща-то какая!..

— А воздухъ-то, воздухъ! Такъ-бы все и дышалъ... Не то, что въ ночлежкѣ Макокина!..

— Хорошо здѣсь!

— Это, братцы, Божій садъ!

— Здѣсь каждая травка, каждая букашка славитъ Бога!

Придя въ лѣсъ, партія босяковъ тотчасъ-же розыскала лѣсника.

— Ужь ты насъ не гони, Михеичъ! Земно кланяемся тебѣ и просимъ! А вотъ и хлѣбъ-соль тебѣ.

— Мнѣ что? Лѣсъ—господскій! Господа за границей живутъ! Только—чуръ! не шалить! Жить—живите, а только чтобы у меня никакого озорства не было!

— И Боже сохрани!.. Коли что, въ другомъ мѣстѣ можетъ случиться, а у тебя—ни-ни.

- Положись на насъ! Мы твои вѣрные сторожа.
- Никакого лихого человѣка сюда не пустимъ!
- Ладно, братцы!
- Спасибо!.. Ну, прощай, Михеичъ!
- Живите съ Богомъ!
- А насчетъ грибовъ-то? Можно?
- Собирайте!
- Ну, ребята, теперь шалашъ строить!

Босяки ушли въ глубь лѣса, въ укромное мѣстечко и стали строить шалашъ, который въ ненастную погоду служилъ имъ сборнымъ пунктомъ.

Кромѣ того, сюда же они собирались обѣдать все вмѣстѣ. Нагнули три довольно тонкія березы и связали ихъ верхушками: получился такимъ образомъ остовъ для чума. Сбоковъ наставили жердей, а на нихъ натащали и навалили массу хвороста. Вышло нѣчто въ родѣ самоѣдскаго чума, довольно просторнаго, съ отверстіемъ сбоку—для входа. На землю наложили хворосту, который сверху покрыли березовою листвою—и постели готовы.

Импровизированный чумъ служилъ постояннымъ мѣстопробываніемъ Ваньки-Звѣря, Пескаря и Тимоши.

Все же остальное «товарищество» разсѣялось по лѣсу и понастроили каждый по своему вкусу свои норы и логовища, куда они укрывались на ночь. Въ ожиданіи грибовъ босяки собирали ландыши, рвали цвѣты, а если попадетя, то и черемуху и сирень, вязали букетики и носили въ городъ продавать.

Потомъ разыскивали траву, изъ семейства зонтичныхъ, извѣстную у кондитеровъ подъ именемъ заря, стволь которой, дудка, мелко изрѣзанный, употребляется для украшенія кондитерскихъ сладкихъ пиро-

говъ. Когда же пошли грибы, то вся компанія, ни свѣтъ, ни заря, разбрѣлась по лѣсу. Съ длинной палкой въ рукѣ и съ корзиной за плечами, идетъ Ванька-Звѣрь по лѣсу: то заглянетъ подъ кустикъ, то ткнетъ палкою прошлогднюю листву. Смотрить, не притаился ли гдѣ грибокъ. Гдѣ нашель одинъ грибокъ, тутъ онъ ищетъ другой. Идетъ, а самъ глядитъ впередъ, поворачивая голову по сторонамъ. Завидя грибокъ-боровикъ, онъ подойдетъ къ нему, поклонится и положить въ кузовъ. Подъ вечеръ всѣ товарищи собираются съ грибами въ сборную квартиру—въ чумъ и сдаютъ грибы «ходакамъ», которые на другой день, рано утромъ, несутъ товаръ въ городъ, на Сѣнной рынокъ.

Тамъ же, на Сѣнномъ рынкѣ, на вырученныя деньги они покупаютъ себѣ необходимую провизію и приносятъ въ лѣсъ. Пескаръ, исполняя должность и казначея, и кашевара, варить на всю братію какое-нибудь хлѣбово, а иногда и кашу. По воскресеньямъ была и водка. Въ этотъ день вся компанія отдыхала и, лежа на землѣ, грѣлась на солнцѣ, Ванька-Звѣрь, Пескаръ и Тимоша валялись въ чумѣ, лежа на древесной листвѣ.

— Уфъ! Вотъ набузонился-то! проговорилъ Ванька-Звѣрь.

— Что съ тобою?

— Да каша крутая была! У меня брюхо—хошь рожь молоти!.. А хорошо здѣсь...

— Благодать.

— Солнышко-то какъ жарить—во всѣ лопатки!

— А сколько людей въ Питерѣ, которые и свѣту-то Божьяго не видятъ... Живутъ, какъ кроты..

— Мало-ли которые въ кабалѣ...

— Нѣтъ, мы люди вольные!..

— Мы живемъ среди полей и лѣсовъ дремучихъ!..

продекламировалъ Лешка-Пескаръ.

— Чего мнѣ надо? Чего недостаетъ? Я всѣмъ доволенъ! У меня все есть!.. философскимъ тономъ произнесъ Ванька-Звѣрь, свертывая себѣ цыгарку изъ рваной засаленой бумаги и набивая ее такую махоркою, отъ которой носъ ломить...

К О Н Е Ц Ъ.

ОГЛАВЛЕНІЕ.

	СТР.
Скиталець	3
Въ святую ночь	29
Тріо. (Сцена въ ночлежномъ домѣ)	38
Проходимецъ	46
Журавликъ	68
Стрѣлки	74
Стойка	81
Поэтъ-босякъ Бурда	88
Босяки-трудолюбцы	93
Забрали	101
На разборѣ нищихъ	108
Похороны босяка Серезки	115
Мальчикъ и Пальчикъ	123
Нищенка	144
Слѣпенькій	150
Въ Домушкѣ (на черной половинѣ пересыльной тюрьмы).	157
Въ Домушкѣ (на женск. половинѣ пересыльной тюрьмы).	161
Въ Домушкѣ (за желѣзной рѣшеткой)	167
Общая исповѣдь въ тюрьмѣ	174
Босяки. (Сцена въ ночлежномъ домѣ).	180
Городской ночной обходъ	187
Шмонало	193
День въ городскомъ ночлежномъ домѣ	200
Изъ-за Урала въ Петербургъ	207
Семень-Верхотурскій чудотв. Стран. и богомольцы.	218
Вольные люди	234